СПЕКТАТОР

Русскій „Термидор“.

(Сумерки коммунизма)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Зарожденіе соціализма в Россіи. Политика и интеллигенція. Партія большевиков. „Завтра“ стало „Сегодня“. Положеніе гос—промышленности. Гос.—торговля. Сельское хозяйство. „Хитрая Механика.“ „Красный купец“. Возникновеніе капитализма в промышленности. Частный капитал в торговлѣ „Нэп“ и его результаты. Нѣкоторые параклели. „Термидор.“

РУССКАЯ ... ТОРИЯ
Russische ... Bibliothek
München 27, Königensfr. 5
3960 M A 144
1927 г.

Издательство „Свобода Россіи“

Предисловіе.

С момента перехода совѣтскаго хозяйства от военнаго коммунизма к новой экономической политикѣ прошло уже около 5 лѣт За это время в экономикѣ народнаго хозяйства должны были произойти глубокія измѣненія, нашедшія себѣ отраженія как в совѣтской статистикѣ, так и в мѣняющихся тенденціях самой коммунической партіи, испытывающей нынѣ глубокій и все острѣе чувствующійся раскол. Система „Нэп'а", сотканная из противорѣчій, самыя уступки капиталистическому способу хозяйственных отношеній пытающаяся истолковать, как „обходное наступательное движеніе" является любопытной переходной эпохой, во время которой начинается борьба отмирающих коммунистических начал политическаго страя с началами иного уже капиталистическаго характера, развивающимися на почвѣ экономических отношеній.

Раскол в средѣ правящей партіи является в этом случаѣ показателем роста новых общественных тенденцій, послѣдовательно приводящих к переходу в стадію чисто капиталистических отношеній. Оппозиція при всем ея так называемом «лѣвом уклонѣ» есть движеніе активно реакціонное и для нашего времени весьма знаменительное.

При таких обстоятельствах представляет значительный интерес прослѣдить хотя бы в самых общих чертах как тѣ измѣненія, которые за 5 лѣтніи період времени намѣтились в составѣ совѣтской экономики, так и тѣ тенденціи, в которых сказываются так называемыя „соціалистическія предпосылки“ совѣтскаго хозяйства.

Этими задачами и задавался автор, сообщая статистическія сводки отдѣльных отраслей сов. хозяйственной жизни. Само собой разумѣется, что приводя тѣ или иныя данныя, автор не мог претендовать ни на их полноту, ни на их обстоятельность и объективность. Черпая цифры из совѣтской періодической печати и государственных изданій, с которыми ему пришлось познакомиться за время пребыванія в Сов. Россіи, он не имѣл возможности располагать иным вполнѣ достовѣрным матеріалом с одной стороны (иных данных и не имѣется), а с другой ограниченность рамок настоящей работы не позволила ему развить и должным образом обосновать многія положенія, заслуживающія болѣе подробнаго анализа.

Выводы автора, приводящіе к заключенію, что «Нэп» изжил уже в данное время самого себя, и что дальнѣйшее сосредоточеніе в руках государства „командных высот“ соціализма неизбѣжно влечет к замиранію всякаго хозяйственнаго прогресса СССР., думается, будут тѣм цѣннѣе, что они основаны ни на чем ином, как на цифрах самой же совѣтской статистики.

Зарожденіе соціализма в Россіи.

„Ни расцвѣт, ни упадок, ни деспотизм. ни свобода, не являются случайностью на подобіе игры в кости и не могут быть созданы по произволу человѣка. Они происходят при извѣстных условіях, от которых мы не в силах освободигься.“

Тэн. «Происхожденіе совремн. Франціи»
(т. 1,127.)

На другой день послѣ большевистскаго переворота подавляющее большинство интеллигентных представителей русскаго общества высказывало увѣренность в том, что большевики продержатся у власти недолго. Большевизм считали явленіем случайным. Люди научнаго склада мышленія, историки и соціолиги, как П. Милюков, политическіе дѣятели, как Чернов и Савинков, представители капитала, как Ліанозов и Третьяков, военной силы, как Юденич и Деникин,—словом представители революціи и монархіи в этом вопросѣ были солидарны.

Большевизм разсматривался как нѣкое внѣшнее явленіе, как орудіе внѣшней разрушительной пропаганды врагов Россіи. Отсюда эти нерѣдко и до сих пор повторяемыя ссылки на „запломбированный вагон“, при посредствѣ котораго начальник германскаго генеральнаго штаба Людендорф внѣдрил в предѣлы Россіи зловредныя бациллы большевизма; отсюда утвержденія, что без иностранной поддержки боль-

шевизм так же скоро сошел бы с исторической сцены россійской дѣйствительности, как ею и овладѣл.

Однако же общественныя явленія не могут быть слѣдствіем единственно произвола злой воли кого бы то ни было, и 150 милліоный народ не мог явиться лишь пассивным зрителем, слѣпым орудіем в руках иностранцев.

Такое воззрѣніе было бы странной политической аберраціей, дѣлающей из исторических фактов игру случая. Как говорит Тэн, революція „такая или иная" происходит при извѣстных условіях, от которых живущіе в гущѣ историческаго процесса „освободиться не могут".

Большевизм, как общественное явленіе, подготовлен был всей совокупностью бытовых условій настоящаго и прошлаго, он коренился в характерѣ народа; его успѣх обусловлен как предпосылками прошедших историческихъ переживаній русской жизни, так и экономикой страны.

Партія большевиков в ряду этих явленій—лишь частность, она результат, а не творец. Это лишь минутная стрѣлка на гигантских путевых часах Россіи.

Вот почему она и концентрирует на себѣ вниманіе лишь послѣ октябрьскаго переворота 1917 г.

Чтобы понять послѣдній, придется мельком бросить взгляд на прошлое, на тот період времени, который сѣял сѣмена, пожинаемой нынѣ современниками политической бури.

* * *

Россія—страна европейской культуры. С давних пор западная цивилизація проникает все сильнѣе всѣ стороны русской жизни, прежде всего военное дѣло,

затѣм технику, наконец, налагает свой отпечаток на обычаи и нравы.

Всего медленнѣе Европа оказывает свое вліяніе в области правовых и политических отношеній, и именно послѣ Петра 1-го крѣпостныое право и самодержавный образ правленія еще усиливаются. К срединѣ XVIII вѣка свободныя политическія формы существовали только в очень немногих государствах Европы, а примѣр Польши, превратившей свободу дворянства в своеволіе шляхетскаго „ [не позволяю], сдѣлавшее из этих „шляхетских прав“ предмет торга с иностранными дипломатами, являлся слишком живым аргументом против введенія в строй Россіи „шляхетских свобод“.

Только послѣ великой французской революціи образованные классы русскаго общества, т. е. по преимуще тву дворянство, начинают теоретически признавать необходимость перемѣн в строѣ имперіи.

Возстаніе декабристов было первым предупрежденіем самодержавію. Оно явилось результатом подражанія настроеніям Запада, вдохновлялось не столько сознаніем гуманитарных и освободительных идей, сколько эгоистическими стремленіями.

Дворянство того времени в массѣ было далеко от народа.

Идеи вѣка, утонченное французское воспитаніе, лоск придворных зал и палат—все болѣе отдаляли высшее сословіе от крѣпостного люда, создавали атмосферу взаимнаго непониманія и отчужденности.

Раньше крестьянин был хотя по своей культурѣ близок помѣщику. Воспитанный издавна в понятіях тяжелаго, но неизбѣжнаго и необходимаго государственнаго служенія, крестьянин, скрѣпя сердца, кое—как мирился с крѣпостничеством, еще не утратившим

характера патріархальной простоты отношеній, и не успѣшвшим выродиться в рабовладѣніе.

Крестьянин видит, что и помѣщик всю жизнь служит государству на войнѣ и в приказах, он признает извѣстную цѣлесообразность его существованія, иначе его, крестьянина, некому будет защищать во время татарских набѣгов или польско—литовской войны.

Но когда служилое сословіе превратилось в сословіе праздных людей, владѣющих крѣпостными ради своего удовольствія, располагающих их трудом, их свободой, обработанной ими землей без всякой пользы для государства, оно из государственной повинности стало ничѣм не оправдываемы насиліем. Когда же, вслѣд за тѣм и патріархальная близость двух классов исчезла, когда ее смѣнила утонченная испорченность полуиностранца, жадная система скупца или спекулянта на человѣческой свободѣ, когда два класса разошлись и в культурном отношеніи, ухудшившееся тѣм временем крѣпостное „право“ стало для крестьянина, никогда не забывавшаго свою прошлую свободу, совершенно невыносимым гнетом, возмутительнѣйшим беззаконіем.

Декабристы в большинствѣ этого не понимали или не хотѣли понимать. В противном случаѣ им ничего не препятствовало отпустить на волю крестьян, однако, такіе примѣры были в их средѣ лишь единичным явленіем.

Только Тургенев и Лунин освободили своих крѣпостных.

Вмѣсто этого эти люди строят новую Россію по образцу своих французских учителей, разсуждают о правах человѣка, обсуждают планы цареубійства, хотят перенести столицу в Нижній—Новгород и так

плохо понимают національные интересы, что не только рѣшают возродить Польшу, но и отдать ей всѣ русскія области Запада.

В этих программах уже имѣется налицо все то, чѣм будет болѣть русское правосознаніе во все послѣдующее столѣтіе, это уже первая неясная глава большевизма с „добровольным роспуском имперіалистических захватов“.

Строить новую Россію они хотѣли, начиная с „цѣлительнаго“ кровопролитія,—убійства того императора, который сумѣл охранить государство от величайшей опасности завоеванія геніальным корсиканцем, который, как и они, нѣкогда мечтал над Руссо, который, если и был виновен в том, что не освободил крестьян, то во всяком случаѣ вину эту дѣлил с самими обвинителями.

Было ли здѣсь слѣпое подражаніе „великим“ примѣрам французских Брутов, или полусознательное лицемѣріе, прикрывавшее пустоту практическаго содержанія безполезных для народа проектов опасной, а потому привлекательной авантюрой? Кто знает!

Лишенные возможности практической политической дѣятельности, русскіе политики и в будущем будут смотрѣть на свои проекты, самые радикальные, самые страшные для государственнаго организма, как на извѣстнаго рода опыт или игру. Их не занимает мысль, выполнимы ли они, дѣйствительно ли они полезны для народа. Народа они не знают, они видят его в видѣ спины кучера, дворовых слуг, не смѣющих сказать, слова, или театральных „дѣвок“; им противно подойти к нему ближе, всмотрѣться в его жизнь, ибо народ французских духов не употребляет, и от него пахнет потом.

И они обращаются к своим французским учителям, изучают „Общественный Договор“ Руссо, и в нем находят того „абстрактнаго человѣка“, политическій костюм котораго как нельзя лучшее подходит для всѣх стран и народов.

И опять русская общественная мысль в дальнѣйшем в теченіе многих десятилѣтій пойдет по этом слѣдам. Больного русским полнокровіем будут лечить от иностраннаго малокровія; лекарства будут искать там, гдѣ налицо яды.

Будут любить, как Ницше, дальняго, а не ближняго. И отдав всю любовь свою „всему человѣчеству“ пройдут равнодушно мимо родной Россіи, но умрут на парижской баррикадѣ.

Возстаніе декабристов—эта первая попытка свержения власти закончилась неудачей. Меч выпал из слабых дворянских рук. Впослѣдствіи его подхватит болѣе энергичный болѣе ловкій, болѣе самоотверженный. Это будет уже не дворяиин, а разночинец—интеллигент—соціалист, если же дворянин, то дворянин кающійся, желающій искупить „грѣхи происхожденія“ подвигом самопожертвованія,—тип также далекій от пониманій реальной дѣйствительности, слѣпо вѣрящій в мгновенныя превращенія людей путем катастрофических переворотов, презирающій упорный труд и малые дѣла.

Извѣстный критик Г. Брандес, говоря о том разочарованіи, которое охватило умы Европы послѣ эпилога великой французской революціи, когда филофскія задачи переустройства государства и общества, поставленныя всемогущим, казалось бы, человѣческим разумом своему разрѣшенію, закончились столь неудачно,—этой неудачѣ раціоналистической фило-

сѳфіи приписывает то всеобщее разочарованіе, пѣвцом котораго явился Байрон.

В полу—поэтических образах он приблизительно так рисует настроенія начала XIX вѣка.

„Девятнадцатый вѣк подобен орлу, у котораго подрѣзаны крылья. Сидя ва высокой скалѣ, он обводит печальным взором далекіе горизонты степей и гор, он мог быт туда летѣть, но не может.—убита вѣра во всемогущество человѣческаго разума.

Свободныя формы политической жизни не дали народам ожидаемой полноты счастья. В результатѣ—одни ударились в пессимизм, стали разочарованы,—как Чарльз Гарольд и Печорин, другіе, болѣе пылкіе, провогласили, что аалог общаго счастья лежит вовсе не в политических формах, а в коренной ломкѣ человѣческаго общества и замѣнѣ его новым, возозданным на началах полнаго экономическаго равенства. Словом, оформлены ,были начатки соціалистической доктрины.

„Жилище русскіе создают непрочное, деревянное, часто покрытое соломой, но политику свою, или какую нибудь электрофикацію они хотят строить не только для своего поколѣнія, дѣтей или внуков, не только для ближайших десятилѣтій, а так лѣт на тысячу," сказал как—то Уэльс. И это не только парадокс...

Давно замѣчено, что русскій ум имѣет склонность к абсолютным истинам, к метафизикѣ, к абстрактным теоріям планетарнаго масштаба. Любимая тема разговоров русскаго интеллигента—эта спор о провинденціальной роли его отечества в міровом прогрессѣ. Русскій—враг методичной послѣдовательности и упорства. Методичность ему кажется униже-

ніем, настойчивость германца антипатична, бережливое :копидомство француза—просто смѣшно.

Мистическая наклонность вѣры в чудо, в его :вятость, живущее доселе в низах, вытравленное ідом скептических идей вѣка в верхах, находит себѣ замѣстителя. Благодаря духовной потребности русской натуры, вѣра мистическая превращается в вѣру соціальную, гдѣ чувство замѣняет всѣ доказательства, гдѣ всякіе противо—нравственные проступки извиняются благою цѣлью проповѣдников „Новаго Евангелія“ человѣчеству, уже лишенному вѣры отцов.

Нигдѣ, ни в одной странѣ соціализм, как ученіе, как вѣра жизни, как живой идеал не меркнущей абсолютной истины не встрѣтил таких страстных послѣдователей, как в Россіи.

Нѣмец, француз, итальянец цѣнят в соціалистическом ученьи его теоретическую правильность, как доктрины, способной со временем и медленно измѣнить природу общества, цѣнят его практическія выгоды для рабочаго класса; они, вступив в партію, не перекраивают наново своей жизни, не становятся фанатиками, не образуют секты, не теряют реальнаго представленія о своих силах и значеніи общественных и государственых учрежденій, ибо там общественное зданіе воздвигнуто общими усиліями всѣх.

На Западѣ Вандервельде или покойный Зингер не отказываются от своих милліонов и фабрик; бельгійскій рабочій в 1910 году дебатирует на столбцах своих соціало—демократических газет,—слѣдует ли ему отказаться, как соціалисту, от потребленія пива и рѣшает, что эта жертва соціализму чрезмѣрно велика; А. Бріан не желает отказаться от министерскаго портфеля Франціи, англичане и голландцы совмѣщают соціализм с протестантизмом.

И только одни русскіе интеллигенты, утерявшіе своего Бога в поисках трансцедентальной истины, оторванные от родной почвы французским воспитаніем, французской литературой и философіей-тѣми законами подражанія, которые также сильны, как и мало изучены, одни они увидали в соціализмѣ „Евангеліе мира“, увѣровали в истину его догматов и из глубины своих кабинетов, с поля застольных бесѣд и споров, восторженные и счастливые, понесли эту новую вѣру, как пасхальную свѣчу, в народ, твердо вѣря, что именно эти соціалистическія идеи избавят от зол все человѣчество, а, стало быть, и их Россію. На первом планѣ фигурировали мечты о спасеніи человѣчества, на втором—Россія. Послѣдняя была лишь приложеніем к первому, не болѣе, и первое всегда заслоняло второе.

Развѣ о русском крестьянинѣ думал Герцен, проповѣдуя, что только в русской общинѣ спасеніе Запада от соціалистических зол?

Еслибы он когда либо до эмиграціи занялся серьезным изслѣдованіем жизни русской деревни, он при его умѣ легко бы уяснил, истинныя нужды крестьянства, он увидѣл бы не отвлеченнаго человѣка „всѣх времен“, а русскаго крестьянина, пахавшаго деревянной сохой, не умѣющаго читать, полнаго суевѣрій, полу—умирающаго от голодовок из за скудости надѣла, крѣпостного безправія, тиранніи общины. Он понял бы тогда, что перед лицом этого труженика первым долгом всякаго образованнаго человѣка является пропаганда идеи свободы личности, освобожденіе крестьянина от гнета государства, помѣщика, общины путем завоеванія политических свобод, затѣм непосредственная помощь техническими знаніями его хозяйству, а не фантастическія постройки

теоріи закабаленія крестьяцина общинѣ во имя освобожденія Западной Европы и человѣчества.

Интеллигент, кающійся дворянин, разночинец— это все один и тот же постоянный тип чисто русскій, несущій на себѣ проклятіе эпохи.

От народа разночинец отдѣлен не только стѣной недовѣрія к „барину“, но и бюрократическим самовластіем, ревниво ограждавшим крестьянство от всякаго внѣшняго вліянія, до конца прошлаго вѣка препятствовавшим образованію даже всесословной волости. У людей его эпохи не могло быть другого дѣла, как „служить“ в канцеляріи или полку. Живой человѣк однако же не хотѣл быть ни Молчалиным, ни Дмухановским.

Знакомый с жизнью Запада, хотя бы только книжно, он вынужден был коротать бездѣятельную жизнь или служить, наблюдая сѣрую безцвѣтную дѣятельность всепроникающаго бюрократическаго государства; и он жил, устраненный от всякой общественной работы, дающей удовлетвореніе, стѣсненный в умственном трудѣ свирѣпой цензурой, задавленный полицейским строем, лишенный элементарных гражданских прав.

Область творчества у него была захвачена государством.

Ему оставалось только мечтать о будущей соціалистической, т. е. свѣтлой, прекрасной, хотя и далекой жизни, когда „зацвѣтет мір“... Хотя через двѣсти лѣт,—как мечтали персонажи Чехова.

И вмѣсто того, чтобы дѣятельно работать, дѣятельно мечтают. Мечты о переустройствѣ соціальнаго мірового правопорядка выростают в глазах такого человѣка в—настоящее большое дѣло“, совершенно заслоняющее собой всякую притягательную силу на-

стоящей работы. Все будет казаться „мѣщанством“, „жалким палліативом“, „убогой постепеновщиной.“

Мысль, рѣдко опускаясь до родной дѣйствительности, витает больше в эмпиреях, занимается вопросами „спасенія Европы“ от „неминуемаго грядущаго разложенія“, обсуждает способы разрушенія существующаго столь несовершеннаго общественнаго организма по указкѣ моднаго соціалистическаго учителя. Их было и прошло перед русской аудиторіей немало, и всѣ они послѣдовательно были „властителями дум“ сотен и тысяч интеллигентов.

Уже Ж. Ж. Руссо в своем „разсужденіи о политической экономіи“ писал; „собственность несправедлива не только по своему происхожденію, но еще и потому, что она притягивает на свою сторону власть. Всѣ общественныя преимущества не являются ли преимуществами сильных и богатых?“

Прудон скажет просто: „всякая собственость—воровство.“

Еще Дидеро писал: „Вѣчное супружество—обман, тираннія мущины, превращающаго обладаніе женщиной во владѣніе; счастье и добрые нравы наблюдаются лишь в таких странах, как Таити, гдѣ брак длится лишь мѣсяц, нерѣдко—день, гдѣ из гостепріимства предлагают чужезему свою жену или дочь“.

Фурнье разовьет эти идеи первобытнаго коммунизма. Наконец, послѣ Луи Блана появляется Маркс, наступает момент, с котораго по мнѣнію современных коммунистов слѣдует начинать изложеніе настоящей исторіи человѣчества.

Соціализм преповѣдывался и популяризировался в Россіи в теченіе долгих десятилѣтій. На служеніе ему отдали свои лучшіе годы десятки серьезных пу-елицистов и писателей,—свою жизнь—сотни и тыся-

и рядовых самоотверженных пропагандистов, но до недавняго времени, примѣрно до 1905 г., его успѣхи в народных массах были невелики.

Уничтоженіе крѣпостничества, проведенное сверху, не могло, конечно, усилить шансы соціалистов с одной стороны; с другой—крестьянство тяготилось общиной,—этим фетишем соціалистов перваго призыва. Община связывала его хозяйственную самостоятельность, препятствовала прогрессу земледѣлія чересполосицей, обязательными выгонами и передѣлами земель, она была непріятна фискальной стороной ея дѣятельности, как полуправительственнаго органа. Послѣ освобожденія крестьянин ждал укрѣпленія общинных земель в собственность, в раздѣл, нуждался в интенификціи производства, в организаціи широкаго кредита и развитія школьной сѣти, требовал расширенія площади своих земельных надѣлов за счет помѣшичьих земель. Получив из рук царя не только свободу, но и землю, при всѣх тяжелых обстоятельствах, при жалком пониманіи властями и землевладѣльцами своих обязанностей перед ним,—земледѣльцем—опорой и кормильцем всего государства, созданнаго им, но гдѣ он был лишь пасынком, он ждал в надеждѣ на то, что, когда нибудь Царь вновь облегчит его участь.

Соціалисты, выступавшіе с проповѣдью цареубійства, были в глазах мужика „барами“, мстящими царю за то, что он их освободил, вредными людьми.

Карьера соціалистическаго пропагандиста 70-х годов прошлаго столѣтья в средѣ крестьянства нерѣдко заканчивалась тѣм, что его слушатели крутили ему руки веревкой и везли к становому,—картина, описанная в „Накануне“ Тургенева.

Попытки поднять крестьян были нѣсколько удачнѣе там, гдѣ пропагандисты дѣйствовали грамотами, якобы исходившими от Царя (Чигиринскій бунт и др). Спускаясь до роли обманьщиков, выпускающих фальшивые манифесты о „черном передѣлѣ“, соціалисты 70-х годов тѣм самым показывали, что авторитет Царя в крестьянствѣ был безконечно выше ихняго, они в сущности становились в положеніе царских чиновников, хотя и самозванных.

Крестьянина отталкивала от соціализма помимо всего прочаго еще не угасшая вѣра. Когда вѣра ослабѣвает, когда крестьянин становится в ряды фабричнаго пролетаріата, когда пропагандист—свой рабочій, тогда отношенія мѣняются.

Создаются условія, при которых для соціалистических партій открывается возможность поколебать устои зданія, политическая верхушка котораго—слишком ветхая—не только не соотвѣтствовала стремленіям образованной части русскаго общества, но и условіям матеріальнаго и духовнаго развитія всей страны.

Когда реформы приходят слишком запоздало, онѣ не удовлетворяют уже никого. Наиболѣе продуманныя мѣры власти—подвергаются жестокой критикѣ; стремленіе к уступчивости и разумному компромиссу объявляются трусостью или слабостью власти; и ничто уже общественнаго мнѣнія не удовлетворяет.

Требуют все большаго и кончают тѣм, что вмѣсто исправленія закладывают динамит под самые устои государственнаго зданія и радуются при мысли о возможности его паденія, не думая о том, что грамадная тысячелѣтная историческая храмина, обрушившись, может придавить под своими развалинами и тѣх, кто закладывает мину.

Политика и интеллигенція.

„Если с самаго перваго дѣтства дѣти встрѣчали один лишь цинизм, высокомѣрное и равнодушное отрицаніе; если слово отечество произносилось перед ними не иначе, как с насмѣшливой складной, если к дѣлу Россіи всѣ воспитывавшіе их относились с презрѣніем или равнодушіем; если великодушнѣишіе — твердили им лишь об идеях“ общечеловѣческих; если еще в дѣтствѣ их прогоняли их нянск за то, что тѣ над холыбельками их читали «Богородицу», то скажите, что можно требовать от этих дѣтей?

Ф. М. Достоевскій. Днев. пис. т. 8 стр 343.

Полѣ неудачи декабристов, мечтавших о конституціи, передовые элементы русскаго общества, увлеченные идеей „прыжка из царства безправія в голубой рай таинственнаго и чудеснаго соціализма, от политики отвернулись. Слѣдуя по пути послѣ---революціонных разочарованій Европы, они устами Герцена и славянофилов провозгласили догмат о „гнилости Европы“. Реформа политическик учрежденій по образцу европейских не могла поэтому не казаться им безцѣльной в одном случаѣ, не достаточно радикальной—в другом.

У русских передовых людей мечты о соціальном переворотѣ всецѣло захватили вниманіе и отодвинули далеко назад вопросы политическаго освобожденія. Нерѣдко послѣднія были им прямо враждебны, как измышленія аристократической верхушки.

К чему в самом дѣлѣ строить баррикады и ломать свои и чужіе головы, если в концѣ сраженія увидишь плоды побѣды захваченным другими.

Вѣдь освобожденіе человѣчества лежит не по ту сторону баррикады!—учили теоретики утопическаго соціализма.

Немудрено, если русскіе их ученики, направлявшіе общественную мысль Россіи в опредѣленное русло, интересовались болѣе теоретическими построеніями будущаго идеальнаго общества, популяризаціей утопическаго соціализма, чѣм вопросами практической политики, да при цензурных условіях того времени и не могли, если бы и хотѣли, трактовать послѣднія, как должно.

Рѣдкіе случаи, когда публицисты спускались со своих заоблачных высот и занимались вопросами практической политики Россіи, нерѣдко иллюстрировали их слабое знакомство с вопросом, который они брались разрѣшать.

Так Русское Богатство и ряд экономистов в теченіе многих лѣт стояли на позиціи отрицанія возможности развитія в Россіи капиталистической промышленности, газета извѣстнаго сибирскаго публициста Ядринцева—„Восточное Обозрѣніе“ считала ненужной и вредной для края забавой постройку Великаго Сибирскаго жел.-дорожнаго пути, а при началѣ постройки послѣдняго публицист и экономист „Русскаго Богатства“ Южаков серьезно совѣтовал русскому правительству воспользоваться Сибирской жел. дор. чтоб облегчить малоземелье китайскому крестьянству, разрѣшив ему заселеніе Сибири и т. д, и тому под.

Русская бюрократія за двухвѣковое существованіе свое вмѣстѣ с недостатками накопила много опыта, унаслѣдовала от исторіи немало полезных знаній в области управленія государством.

Читая в руководящих журналах того времени рецепты „спасенія Россіи“ претворявшіеся в жизнь то в видѣ совѣта отказаться совершенно от покровительства родной промышленности, то в формѣ критики пользы желѣзных дорог и вообще капитализма, бюрократія поневоле проникалось извѣстною дозой законнаго предубежденія против радикальной интеллигенціи, требовавшей передачи власти себѣ, не вѣрила в ея силы и способности, боялась за государственныя судьбы страны.

Она поступала, как тот неразумный опекун и воспитатель, который держит ребенка слишком долго в пеленках, а затѣм удивляется, что ребенок „все еще не ходит“.

В один прекрасный день ребенок, став взрослым и сильным юношей, разорвет пеленки, и вмѣсто того, чтобы прислушаться к совѣтам опытнаго наставника, разсерженный этой нелѣпой системой воспитанія, выбросит из окна дѣтскіе костюмы и самого наставника и долго будет полунагим бродить ощупью без знаній, пока жизнь не научит послѣ длинной цѣпи неудач понять значеніе всякой вещи в мірѣ, всякаго института в человѣческом обществѣ.

Лишенные знаній пріобрѣтают их в практической жизни лишь цѣной больших жертв, многих неудачь и тяжелых расплат.

Бюрократія не захотѣла или не смогла превратиться в мудраго совѣтника народа на тот случай, если бы ему была дарована политическая свобода.

И ребенок, возмужав. начал рвать пеленки, а с ними калечить и собственное тѣло. Когда народовольческая партія послѣ убійства императора Александра II сошла со сцены в результатѣ проявившейся в самом русском обществѣ реакціи, революціонное под-

поле заполнила вскорѣ новая революціонная группа-соціал-демократы,-марксисты. Главой и учителем их явился дворянин Плеханов. Соціализм Плеханова был пропитан иными началами, чѣм анархизм Бакунина и его учениковъ-народовольцев; его ученіе было чистым западничеством, здраво расцѣнивающим политическіе и аграрные недуги тогдашней Россіи. Плеханов доказывал необходимость раскрѣпощенія крестьянства от опеки общины и помѣщика, развитія капитализма, учитывал трезво политическую обстановку и экономическія условія, но его программа передачи крестьянам земельных „отрезков“ показалась его ученикам слишком узкой, его методы борьбы с самодержавным режимом слишном нерѣшительными, и в результатѣ внутрипартійной борьбы большая половина Росс. соц. демокр. партіи из западнической превратилась в партію большевиков, воспринявшую значительную долю старо—народническихъ бакунинских построеній революціоннаго утопическаго соціализма, во главѣ ея стал другой дворянин—Ленин.

На русской почвѣ, видимо, соціализм иным быть не мог, его предтеча и антипод-капитализм—был еще слаб и хил, щеголяя в пеленках бюрократической опеки, он не имѣл времени пересоздать духовный склад русскаго человѣка,

Политическая исторія Россіи двадцатаго вѣка почти цѣликом связывается с именем соціализма.

В глазах народной массы только соціалисты показали себя безстрашными борцами за право на человѣческое существованіе, за народную свободу; только они боролись и гибли, прочіе были простыми зрителями.

Политическая борьба в Россіи приняла бы, вѣроятно, иной характер, если бы русскіе либеральные

круги показали себя болѣе энергичными, болѣе смѣлыми, явились бы на арену исторіи как единая сплоченная партія.

Однако вплоть до эпохи 1904—1905 г. г. такой партіи не было, и все живое, все то, что не мирилось с уродливой Россійской дѣйствительностью и искало борьбы и подвига во имя освободительных идей, ушло в нѣдра соціалистических партіи и кружков.

Русских либералов в западно—европейском смыслѣ этого слова не было в тѣ моменты, когда в глубинах жизни ковались новыя формы русскаго правосознанія. Когда же грянул первый гром революціи и появился манифест 17 Октября, россійскій „либерализм“ выявился в октябризмѣ,—этой малочисленной группѣ Гучкова. Ея стремленіям поддержать октябрьскую конституцію, завоеванную не ея усиліями, не доставало авторитета, она не выросла в процессѣ борьбы за свободу, как младо—турецкая партія, с которой ее часто в тѣ годы сравнивали, она не имѣла и мужества в отстаиваніи ясно осознанной своей собственной политической программы.

Называя себя монархической, она в лицѣ своего лидера А. Гучкова в крнтическій для монархіи час 1915—17 г. и дальше в момент отреченія императора Николая II не поймет великих опасностей для государства мѣнять во время величайшей войны формы правленія и убѣждая послѣдняго царя отречься от престола, ничего не предпримет, чтобы сохранить монархическій строй.

Кто такіе были ка дэ?

Были ли Милюков, Кизеветтер, Шингарев и др. дѣйствительно конституціонными демократами.

Названіе, конечно, еще ничего не говорит,

Творцы партіи, давшіе ей это имя, не были убѣжденными конституціоналистами, как октябристы не были подлинными монархистами.

В ка—дэтском катехизисѣ, редактированном Кизеветтером и покойным Кокошкиным, совершенно опредѣленно признавалось, что в сущности строй республики и парламентарной монархіи такой как Англія по основным положеніям мало чѣм отличается друг от друга, и что поэтому партія включает в себя и тѣх и других: и республиканцев, и конституціон.—монархистов.

Профессора, редактируя „катехизис“, забыли одно,—что они не читают объяснительныя лекціи по государственному праву, а создают партію, общество людей для защиты опредѣленных идей. Гоняясь за уподобленіем и компромиссом, они впали в самый опасный оппортюнизм, заранѣе обрекая себя на будущія пораженія при поединках с болѣе послѣдовательными противниками.

Из фактора, творящаго исторію, оцѣнивающаго значеніе опредѣленных идей, лозунгов, партія ка—дэ превращалась в тростник, колеблемый в разные стороны революціонной бурей.

Тѣ же люди на протяженіи одного года то стоят на монархической платформѣ, то отвергают ее и становятся республиканцами, отбрасывая попутно и старое свое названіе.

Принцип переносится в область татики.

Еще менѣе послѣдовательнаго либерализма проявила партія в своей соціальной программѣ.

При образованіи ея эклектики созидатели не могли отрешиться от соціалистических увлеченій русской интеллигенціи, они в своих програмных построеніях опредѣленно указывали, что в состав партійной орга-

низаціи входят также и тѣ соціалисты, которые стоят на платформѣ, утверждающей, что ранѣе приходится говорить о политическом устроеніи государства и завоеваніи политических свобод, а уже послѣ—о соціализмѣ.

Таким образом самая вліятельная интеллигентская партія Россіи в сущности была блоком республиканцев и соціалистов с одной стороны и демократов—не соціалистов и конституціоналистов с другой.

Ясно из всего предыдущаго, что в этом блокѣ должны были вскорѣ возобладать соціалистическіе элементы.

Партія ка дэ по своей программѣ и была, конечно, болѣе соціалистической, чѣм демократической.

В рабочем вопросѣ она цѣликом воприняла программу—минимум соц.—демократов—меньшевиков, а в аграрном пошла дальше, требуя передачи всѣх не крестьянских земель в государственный земельный фонд за справедливое вознагражденіе, а не только „отрезков".

Своей пропагандой принудительнаго отчужденія частнаго землевладѣнія она много способствовала укрѣпленію мненія в цѣлительность утопическаго способа разрѣшенія аграрной проблемы.

Центр вопроса стоял, конечно, не в том, слѣдует ли землевладѣльцам платить за землю или нѣт, тѣм болѣе что самое выраженіе ка-дэ программы—„по справедливой оцѣнкѣ" могло быть трактуемо самым разнообразным способом в соотвѣтствіи со вкусами каждаго;

а в том характерѣ насильственнаго отчужденія, который сам по себѣ разрушал нормальныя понятія о правѣ и собственности, ставя над ним интересы цѣлесообразности.

Разрушая понятія права собственности в сферѣ аграрных отношеній, непослѣдовательно было остановиться на полу—пути.

Если насильственное отнятіе земель у частных землевладѣльцев было полезно крестьянину, если оно улучшало его благосостояніе, то почему нельзя было бы продѣлать того же и по отношенію фабрик и заводов.

Развѣ передача их рабочим не казалась полезной и желательной для послѣдних?

А затѣм чѣм разнится положеніе землевладѣльца, получающаго земельную ренту с помѣстья, от положенія домовладѣльца, стригущаго купоны со своих жильцов.

И развѣ не будет также справедливо отобрать не только фабрики и заводы, но и дома и вообще всякую собственность, всѣ орудія производства от их владѣльцев?!

Есть принципы, перейдя которые, уже невозможно ни на чем дальше остановиться. Утеряв равновѣсіе, отдѣливших от почвы права и сознанія соціальнаго значенія института собственности, партія отреклась тѣм самым от основы западно—европейскаго либерализма, отождествила себя с соціально—революціонными элементами и тѣм обрекла себя на неустойчивое положеніе балансирующаго на канатѣ человѣка, рискующаго свалиться при малѣйшем нарушеніи равновѣсія, при самом слабом сотрясеніи.

Европейская война оказалась потрясеніем далеко не слабым, она могла сломить и болѣе мощные организмы, нѣм русскія политическія партіи, слишком недавнія, чтоб накопить опыт, выковать тактическое орудіе борьбы, создать подлинныя устойчивыя убѣжденія.

Впрочем русская интеллигенція почти всѣх направленій сходилась именно в том пунктѣ, который открывал широкую дорогу соціальному утопизму.— „Если И. С. Аксаков благословлял счастливую отсталость Россіи, то наши субъективисты (Н. К. Михаиловскій) и народники (А. И. Герцен, землевольцы, Юзов, В. В. и другіе) настойчиво доказывали, что Россія может, и в виду печальнаго опыта Зап. Европы, должна, миновать капиталистическую форму развитія и сразу перескочить в соціалистическую“ (Плеханов).

Соціалистическій „опыт“ большевиков, таким образом, не являлся их „благопріобрѣтенной“ болѣзнью, он был болѣзнью унаслѣдованной. Когда вожди большевизма появляются на русской политической аренѣ, они находят почву вполнѣ подготовленной; в самом существенном пунктѣ их взгляды мало кто и оспаривает. Старый поборник марксизма Г. В. Плеханов на склонѣ своих дней вынужден был видѣть, как созданная им росс. соц. демокр. партія вновь превращается в партію нечаевцев, как сцену политической жизни, казалось бы, возврожденной к новой жизни Россіи все болѣе занимает воскресающій утопизм, одѣтый в псевдо—марксистскіе ризы большевизма. Идейная битва выиграна еще до сраженія. „Великій соціальный опыт“ был предрѣшен задолго до 1917 г., во дни послѣдняго спор шел лишь о том, кто его будет осуществлять,—Чернов или Ленин—соціал—революціонеры или большевики.

Во взаимной борьбѣ партій побѣда должна была достаться той организаціи, которая была наиболѣе соціалистична, наиболѣе прямолинейна, которая рисковала итти на всѣ крайности и не жалѣла ничего, которая соединяла в себѣ революціонную активность

с упрощенными привычными народу воззрѣніями на собственность и на право, на государство и на законъ.

Русская интеллигенція, создавшая политическія партіи, роковым образом должна была испытать страшный урок нагляднаго предметнаго опыта того строя, к которому она стремилась в теченіе послѣдняго пятидесятилѣтія.

Всѣ партіи от ка—дэ до соц.—демократов и соц. революціонеров волею исторической Немезиды обречены были на гибель. Им было суждено получить смертельный удар не от реакціоннаго правительства, которое было для того слишком безсильно, а от своих болѣе послѣдовательных товарищей, также соціалистов, вчерашних соратников по революціи.

Все отрицающіе россійскіе политики знали и умѣли критиковать, искусству созидать они не успѣли научиться за недостатком времени и примѣненія сил.

Большевистское разрушеніе началось с политических партій.

Онѣ первыя испытали тяжелую руку командора.

Партія большевиков.

„Дай всѣм этим современным высшим учителям (соціализма) возможность разрушить старое общество и построить заново,—то выйдет такой мрак, такой хаос, нѣчто до того грубое, слѣпое и безчеловѣчное, что все зданіе рухнет под проклятіем человѣчества, прежде чѣм будет завершено".

Ф. М. Достоевскій т. 8 стр. 340.

Наше интеллигентное образованное общество отличалось необычайной оторванностью от практической жизни и слабой волей, и когда на долю этих непрактичных интеллигентов типа князя Львова или Керенскаго выпала неожиданная великая удача вести государственный корабль в момент революціоннаго шторма, они обратились к практикѣ „непротивленія злу насиліем" или метались из стороны в сторону, мечтая утишить бурю словом.

Было бы однако же несправедливо и даже смѣшно приписывать весь пассив государственнаго баланса Россіи 1917 г. бездарности Львова и Керенскаго, как то пытаются дѣлать нѣкоторые дѣятели революціи.

Обѣ эти фигуры русских „жирондистов" типичны для всего пред—революціоннаго періода русской исторіи, онѣ—квинт—эссенція русской интеллигенціи, онѣ были возведены на свои посты обще—признанным избраніем, иных фигур тогда ни Государствен-

ная Дума, ни Совѣты не выдвинули. Это были, видимо, „лучшіе“ люди того періода, который с треском захлопнулся 7 ноября того же года.

К этим двум дѣятелям, как и вообще ко всѣм русским интеллигентам, болѣе всего может быть примѣнима слѣдующая характеристика жирондистов:

—„Они работали в политикѣ чувством и фантазіей, были паркетными дипломатами, дрожавшими перед тѣми элементами, которые служат необходимым рычагом при созданіи дѣйствительной демократіи.

„Они не умѣли употреблять в дѣло всякое средство, а дѣйствовать энергично им мѣшали колебанія из стороны в сторону. В рѣшительную минуту они представляли горсть офицеров покинутых своим войском, на произвол судьбы.“

(Л. Гейссер. Ист. франц. револ.)

Нужными для революціонера качествами обладал не Керенскій,—этот пустой и честолюбивый фразер, а Ленин.

Только этот послѣдній обладал ясной оцѣнкой перспективы революціи, один он из всѣх революціонных вождей был увѣрен в своей побѣдѣ, только он был соціал—революціонером в привычном русском стилѣ—до предѣла,—требуя абсолютнаго немедленнаго уничтоженія всякой собственности.

И в то время как русская либеральная буржуазія боялась призрака кровопролитія, от первых дней переворота боялась одна взять в свои руки власть и стоя в оппозиціи к соціалистам, все же не поддержала выступленія Корнилова, питая конституціонныя иллюзіи, надѣясь, что положеніе спасет Учредительное Собраніе, Ленин вскорѣ же послѣ неудачи выступленія Корнилова в обращеніи от конца сентября на имя

Центральнаго Комитета Р. С. Д. [большевиков) писал:

„Перед нами всѣ предпосылки успѣшнаго возстанія, только наша побѣда положит конец измучившим народ колебаніям“.

В другом письмѣ [„Письмо товарищам от 16-17 октября 1917 г.] убѣждая поднять возстаніе, Ленин между црочим пищет:

Выхода нѣт, объективно нѣт, не может быть кромѣ диктатуры корниловцев или диктатуры пролетаріата“.

(т. XIУ ч. II Собр. Соч. Н. Ленин)

Русскій большевизм с его категорическими лозунгами, обѣщавшій народу, „все и сразу“ без долгих напряженных усилій эволюціонных процессов, манивший раз на всегда дать обезумѣвшему от четырехлѣтней кровавой войны человѣчеству мир, хлѣб и счастье, казался многим неотразимо привлекательным.

К большевикам пристали солдаты, которым надоѣло убивать и рисковать своей жизнью во имя торжества каких то неясных или вредных для Россіи идей вродѣ „самоопредѣленія націй“.

К большевикам пристали всѣ неудачники и недоучки, которые питали к интеллигенціи зависть и думали, что революція должна привести не только к смѣнѣ авторитета власти но и к уничтоженію авторитета знанія, опыта и науки, которые мечтали из жалкаго положенія до—революціонных илотов превратиться в членов великой партіи, обновляющей вселенную...

К большевикам пристали и многіе из недовольных, обиженных судьбой и самодержавным строем интелмигентов—полупролетаріев.

Живя в постоянной нищетѣ, чувствуя безпрерывно гнет властей, оторванных от народа, поэтому неавторитетных, не имѣя никакой будущности, как могли эти люди не мечтать о новым справедливом строѣ!

И, конечно, не через сто—двѣсти лѣт, „когда созрѣют объективныя предпосылки“, как тому учили соц. дем. меньшевики, ибо ждать значило бездѣйствовать или ограничивать и ограблять свою мечту.

Что могло их остановить на этом пути?..

С молодых лѣт им внушали на словах и на письмѣ, что собственность—кража, что отнять у помѣщика землю—справедливо, что это предписывает соціализм, что такое отнятіе в сущности даже и самому помѣщику не повредит, ибо новый соціальный порядок даст возможность всѣм жить в довольствѣ и любви.

Но... для этого необходимо произвести маленькую операцію в видѣ соціальной революціи.

Это слово их не пугает. Если можно отнять без вознагражденія землю у помѣщика или частнаго владѣльца, быть может, только вчера купившаго эту землю на вырученныя от продажи фабрики деньги, то почему нельзя отобрать фабрики, заводы, всѣ орудія производства?..

Развѣ нельзя было сослаться на принципы французской революціи, пред которой наши современники так преклонялись?

Развѣ К. Демулэн в одной из своих рѣчей в Палэ—Роялѣ в 1789 г. не восклицал: „Раз животное в западнѣ, убейте его. Никогда подобная богатая добыча не доставалась побѣдителям. Сорок тысяч дворцов, отелей. Двѣ пятых имущества всей Франціи“.

Монархія пала. Буржуазный звѣрь попал в разставленную им же западню, и его имущество должно было быть наградой побѣдителей...

Соціалистическія лозунги XX вѣка освящали принцип всеобщаго ограбленія, они придавали ему нѣкоторое приличіе, не мѣняя, конечно, сути дѣла.

Рабочіе были заинтересованы в національзаціи промышленности, по своему понимая этот замысловатый термин, как передачу заводов и фабрик лично им, рабочим, в раздѣл.

Впослѣдствіи через восемь лѣт коммунисты попытаются свалить на эс.—эров обвиненіе в „потребительском соціализмѣ“, им стоить будет больших усилій внѣдрить в умы рабочих мысль, что фабрика—завод не достояніе и удѣл рабочих, а государственное предпріятіе,—дѣло всего народа, процвѣтанію коего они—рабочіе—должны всемѣрно содѣйствовать; работать и создавать, а не расхищать и распредѣлять между собой „по ѣдокам“ заводскіе товары и имущество..,

К большевикам, наконец, присоединились многіе не русскіе элементы, которых привлекала идея „свободы сепараціи“.

Историческое угнетеніе національностей окраин, в общем политически болѣе развитых, чѣм великорусскій центр, ряд обид и таких безобразных явленій, как еврейскіе погромы, не могли не провести рѣзкой грани можду прошлым и настоящим.

Быть может, благодаря столь значительному участію в революціи представителей иных племен, чѣм русское, октябрьская революція пріобрѣла столь враждебный прошлой исторіи Россіи характер. Только рука вчерашняго едва терпимаго полу—гражданина, озлобленнаго, несущего лишь тяготы гражданства, но

не его права, низвергла памятники прошлаго, волочила с гиком и свистом по улицам городов монументы исторіи, стерла с географической карты имя Великаго Основателя нашей столицы.

Только она посягнула даже на то, на что в свое время не мыслили посягнуть ни Анахарсис Клодц, ни Марат ни прочіе фантасты французской революціи— на самое имя государства, насчитывавшаго болѣе тысячи лѣт существованія, великих дѣл, внушающих удивленіе историкам, государства коему эти полу— иностранцы обязаны были во всяком случаѣ пріютом, если не гостепріимством, и гдѣ они расположились как завоеватели.

Имя Россіи, как цѣлаго, перестало существовать, оно стало удѣлом части, наравнѣ с Закавказскими республиками и Узбекистаном. Впрочем, в началѣ революціи до таких крайностей большевики не доходили. Сам Ленин, —этот реалист в своем утопизмѣ при жизни не предполагал мѣряться с Петром Великим и „октябрить“ своим именем города и улицы. Идолопоклонством занялись его эпигоны лишь послѣ его смерти.

Революцію в октябрѣ продѣлали города, но она могла совершиться только благодаря сочувстію деревни. Деревня в это время шла уже на штурм помѣщичьих усадеб, ждать Учредительнаго Собранія она не хотѣла и готова была признать всякую партію, всякую власть,которая узаконяла земельные захваты.

Таким образом за февралем пришел октябрь.

Радикальныя партіи Россіи хотѣли бы изобразить исторію октября, как коренную ломку февраля, однако эта концепція является умышленной или безсознательной ошибкой.

Анархію нес не большевизм, как политическая партія. Анархія, безначаліе и разнузданность толпы вторглись в русскую жизнь одновременно с февральской революціей. Власть так называемаго „Временнаго Правительства“ была совершенно призрачной, и в этом повинна была лишь в малой части бездарность его представителей, безконечно большее значеніе имѣло то обстоятельство, что разлитыя в народѣ большевистскія наклонности и объективныя предпосылки сказывались во всѣх сторонах жизни.

Жизнь и имущество отдѣльных граждан до октября 1917 г. были не болѣе обезпечны от эксцессов, чѣм и послѣ.

Большевики лишь развязали инстинкты толпы и дали им пищу, в дальнѣйшем они окончательно оформляют их, приводят в систему, составляют из себя штаб.

Создать все движеніе десяти тысячам коммуинистов было, конечно, не по силам, да этого и не нужно было.—

— За них работала сама прошлая исторіи Россіи...

Октябрь восторжествовал при ничтожном сопротивленіи групп юнкеров, студентов и части интеллигенціи.

Мечта долгих десятилѣтій сбылась... Соціалисты были у власти.

Мір и Россія зацвѣтут!—не через сто—двѣсти лѣт, как мечтал Чехов, или как учили эти педанты—меньшивики, а скоро, скоро...

— З а в т р а!—

„Завтра“ стало „сегодня“

„Всемогущій принцип, поселившись в мозгу, который не может вмѣстить и двух идей. дѣлается холодной и яростной маніей, жестокой и в уничтоженіи прошлаго, которое он проклинает, и в водвореніи царства Божія, которым она занята, узаконющей диктатуру. И все это для того, чтобы привести к противорѣчивому соціальному строю, напоминающему то вакханалію бѣсновнатых, то спартанскій монастырь, все для того, чтобы подставить вмѣсто человѣка живого, медленно созданнаго исторіей, выдуманнаго автомата, разрушающаго самого себя, как только внѣшняя механическая сила, вызвавшая его к жизни, перестанет его поддерживать“.

Т э н. „Происхожденіе современ. Франціи“.

Послѣ октября 1917 года прошло уже болѣе девяти лѣт.

За послѣднія три столѣтія русскій народ не испытал столь грандіознаго разгрома, и ни одно из живших на протяженіи этого періода поколѣній не вынесло тѣх ужасов и невзгод, какія пришлось испытать поколѣнію, на долю котораго выпало „счастье“ осуществлять соціалистическіе идеалы.

Голод, холод, тьма, подневольный труд, междоусобіе, болѣзни, усиленная смертность от непрекращаю-

щихся эпидемій, грязь и вши превратили на пять лѣт страну в какое то царство отверженных...

Когда люди от голода стали пожирать друг друга, настала пора новой экономической политики „Нэп'а".

Пятилѣтній „исправительный дом" для соціально-помѣшанных—такова была философія исторіи этого мрачнаго періода.

Пять лѣт „заключенія" для русскаго народа закончились, но и послѣ того он еще не на свободѣ,—он только на испытаніи—так сказать с каторги переведен на поселеніе...

И время, слѣдующее непосредственно за введеніем „Нэп'а" еще очень тяжело для населенія былой Россіи.

Всюду—нищета, голод, холод и безработица. В массах нѣт и слѣда проснувшагося національнаго самосознанія, враждебныя чувства отдѣльных слоев населенія друг к другу еще не улеглись, гнет власти часто невыносим, налоги—грабительскіе.

При всем том страна начинает медленно оправляться от столь продолжительной, поистинѣ застарѣлой пятидесятилѣтней болѣзни—разсѣивается обманчивый мираж соціалистическаго утопизма.

Впервые интеллигент—мечтатель и соціалист волею исторіи призван был править Россіей. Судьбы величайшаго государства, созданнаго кропотливыми трудами и жертвами безконечных поколѣній народных масс всецѣло были отданы под власть „разума и совѣсти" современнаго соціализма. Какіе гордые замыслы и какой по истинѣ жалкій финал! Когда зданіе рухнуло в 1921 году при звуках выстрѣлов кронштадтских матросов,—этих недавних гвардейцев „сѣ-

верной коммуны",—его, быть может, не проклинало человѣчество, как того ожидал Ф. М. Достоевскій (для того оно оказалось слишком неповоротливым и тупым), но зато его могильщиком был сам его творец—Ленин. Еще так недавно он извлек из революціоннаго архива этого коммунистическаго маньяка, обрядил его в современное платье, и он же спѣшно готовил ему похоронный наряд в обрядѣ „нэп'а". Какими путями, какой страшной цѣной дошел вождь коммунизма до отрицанія того, что он провозглашал еще так недавно абсолютной истиной, мы едва ли скоро узнаем, ибо его ученики по весьма понятным причинам не разскажут нам никогда исторіи этого страшнаго отступленія фантаста или разскажут легенду.

Пышныя и хитрыя фразы о „передышкѣ" и о будущем новом наступленіи на капитализм были придуманы им лишь для толпы, сам „апостол" не мог не пережить глубокой внутренней драмы человѣка, вынужденнаго признать хотя бы только перед своей совѣстью, что он завел повѣрившій ему народ не в прекрасную заоблачную высь, как завел пророк Ибсена, а в непроходимое болото.

Если этот процесс мысли вождя сейчас еще не стал ясен для нас и безспорен, то он выявляется уже вполнѣ опредѣленно в поступках его учеников. Усталость, разочарованіе, невѣріе все сильнѣе накладывают свою печать на убѣжденія членов коммунистической партіи, убивая ея единство. Сама партія, ранѣе требовавшая от своих членов лишь подвига, двигавшаяся фанатической вѣрой ея адептов, становится органом правительства, раздает награды, теплыя мѣста, принадлежность к ней дает власть и деньги. Неудивительно, что в ея ряды проникают все в боль-

шем числѣ авантюристы и карьеристы, которых торговля убѣжденіями не отталкивает, а привлекает. Наблюдаются случаи даже массовых переходов в состав коммунистов цѣлых организацій. Таким образом напримѣр вступила в их ряды цѣликом еврейская партія бунда, ранѣе стоявшая на соц.—демокр. платформѣ. Сама собой понятна относительныя цѣнность такого массоваго обращенія в момент, когда коммунизм торжествовал свою побѣду внутри страны. „Обращеніем“ двигал разсчет, а не вѣра. Коренная русская интеллигенція в это время уже переживала другой процесс...

Ф. М. Достоевскій, говоря о том, как он исцѣлился от соціалистческих увлеченій юности, об'ясняет это слѣдующим:

„Не годы ссылки, не страданія сломили нас... Наши убѣжденія лишь поддерживали наш дух сознаньем исполненнаго долга“. Дѣйствовало другое—„это нѣчто другое—было непосредственное соприкосновеніе с народом, соединеніе с ним в общем несчастьи, понятіе, что с ним сравнен и даже приравнен к самой низшей ступени его“ (Дн. Писат. стр. 342).

На каторжных нарах сибрских острогов великій психолог русской души понял ошибки свои, как интеллигента; опустившись на дно общества, он избавился тѣм от подавлявшей молодой ум психологіи кающагося дворянина, и общность страданія сблизила его с народом, открыла ему родник народной души, народных вѣрованій...

Такой же процесс пережила во время военнаго коммунизма и переживает частью и сейчас русская интелигенція.

В „каторжных“ условіях современной русской жизни, превращенной во „всероссійскій централ“, русскій интеллигент испытывает тѣ же чувства, которыя в свое время были испытаны великим писателем, и этот психологическій процесс идет именно по тѣм путям, по которым он шел у послѣдняго, по путям отказа интеллигенціи от прежних увлеченій соціализмом, по путям духовнаго объединенія с народной массой, трезваго и простого взгляда на жизнь, — словом в сторону національнаго возрожденія.

Интеллигентская мечтательность еще ютится на столбцах оффиціальной прессы, но утратила всякую привлекательность, превратившись в оффиціальную казенную риторику. Печать утопизма лежит на эмблемах власти, но недавніе пророки его, став у правительственнаго руля, столкнувшись с дѣйствительной жизнью и ея законами, все болѣе склоняются на дѣлѣ к катадер—соціализму, заражаясь от сохи и фабричнаго станка, от общенія со „спецами“ извѣстным практицизмом.

Вчерашній фанатик теоріи „поравненія“ Бухарин, ставившій в 1921 году государству задачу „сбивать головки у середняков—крестьян, превращать их в пролетарскую бѣдноту, выбрасывает лозунг—„обогащайтесь“.

Экономическіе органы коммунистов печатают длинныя статьи, доказывающія необходимость усиленія темпа накопленія населеніем капиталов и пытаются поднять довѣріе массы к государственным сберегательным кассам.

На словах в правящих кругах по прежнему на всѣ лады склоняется слово соціализм, по прежнему „с клятвой и біеніем в грудь“ утверждается положеніе, что „н э п“—это лишь передышка, переходная к

подлинному соціализму форма, но эти клятвы и заявленія звучат, как казенная отписка, в них нѣт и тѣни былой вѣры, былого энтузіазма.

Пять лѣт борьбы и смертельных опасностей и лишеній вытравили пафос. Слова произносятся прежнія, но убѣжденіе исчезло. Вернуться добровольно в „всеобщій дом для помѣшанных“ ни у кого нѣт охоты.

Сами оффиціальные истолкователи „Нэп‘а“ плохо вѣрят в слова бодрости, свои предсказанія, удивительно ли, если их рѣчи звучат по казенному и „истины“, будучи произнесены, убѣждают лишь наивных простецов...

Приниженная, лишенная привычных своих вожаков и отдѣленная от всего міра заставами политической полиціи масса, чувствуя тягости жизни, не сразу отдает себѣ отчет в том, кто сдѣлал из жизни тюрьму, а из труда каторгу,

Она оглушена еще громкими выкриками оффиціальных клакеров и хвалителей, непрестанно повторяющих, что всѣ бѣды жизни—продукт „бѣлогвардейских замыслов“ и происков „имперіалистов всѣх стран“.

Кампанія „логики“ и поход „здраваго смысла“ начинается не гдѣ нибудь, а из среды самой коммунистической партіи.“

В ея средѣ, в средѣ самих коммунистических лидеров находится ряд лиц, осмѣливающихся заявлять, что государственная промышленность СССР является не соціалистической, а чисто капиталистической. Под подозрѣніе берутся самыя основы ленинизма, создается раскол.

Его создает не кто другой, как Троцкій, Зиновьев, Каменев, Пятаков, Преображенскій, его поддержи-

вают десятки других менѣе замѣтных для большой публики имен.

Движеніе, начатое ближайшими сподвижниками Ленина, то вспыхивает, то затихает. Оно рѣдко проявляется наружу, оно, как ржавчина, разъѣдает организм господствующей партіи, лишая ее внутренняго единства. Будучи оффиціально побѣждено уже не раз, оно продолжает жить, привлекая к себѣ все новых адептов, из явнаго дѣлается подпольным и тѣм болѣе опасным. Но этого мало, в партіи нашлись люди, которые прямо и рѣшительно заявили, что совѣтская власть в настоящее время должна являться властью рабочих и крестьян, то есть просто демократической, почему от принципа диктатуры пролетаріата слѣдует отказаться. Правда, автор послѣдняго предложенія Оссовскій за ересь исключен был из партіи, но такія мнѣнія среди членов послѣдней не являются единичным явленіем.

Под подозрѣніе критической мыслью партійцев таким образом взяты основы большевизма „диктатура пролетаріата“, „соціализація промышленности“.

И чтобы доказать свою соціалистическую сущность совѣтская власть борется с привидѣніями, усиленно выселяя бывших помѣщиков с обрабатываемых ими клочков земли, организует процессы против бывших полицейских и контр—революціонеров, и заказывает длинныя статьи в оффиціальной прессѣ, гдѣ утверждается как дважды два, что усиленіем государственной фабрично—заводской промышленности создаются предпосылки соціализма

А в это же самое время, как отмѣтил Н. Суханов *) вмѣсто пролетарских кадров, организаованных в процесѣ сельско—хозяйственнаго производства, коммунисты

*) „К вопросу об Эволюціи сельскаго хозяйства“.

уже в період непосредственной борьбы за соціализм имѣют перед собой огромныя массы мелких собственников, распыленных, реакціонных, враждебных соціализму".

Крестьянин, получив часть земли, усиленно ее раздѣляет по дворам и отрубам и все яснѣе отдает себѣ отчет в том, что власть, при которой он получил прирѣзку, его безжалостно обсчитывает, обмѣривает и не доплачивая на хлѣбѣ, отбирает от него остатки сначала налогами, а потом „торгами", что, слѣдовательно власть эта для него, крестьянина, невыгодна.

Конечно, он не испытывает никакой нѣжности ни к дѣятелям стараго режима, ни, тѣм болѣе, к помѣщикам и ни мало не мечтает о их возвращеніи, но может встрѣтить благопріятно всякую попытку замѣнить диктатуру коммунистической партіи всякой иной диктатурой, при которой интересы крестьянства играли бы первенствующую роль в государствѣ.

До войны, в пятидесятилѣтній интеллигентскій період русской исторіи образованными кругами нашего общества был утерян смысл отдѣльных производящих классов общества, как факторов положительнаго значенія.

Торговля отожествлялась со спекуляціей и воровством, фабрикант предприниматель был в глазах интеллигента кровопійцей, высасывающим кровь из рабочих, строитель желѣзной дороги или учредитель банка—эксплоататором и ростовщиком и т. д.

В этих наивных представленіях причудливо сливались в одно цѣлое дворянское міровоззрѣніе натуральнаго періода хозяйства с радикальными воззрѣніями Запада.

Значеніе для всей страны усиленія индивидуальной предпріимчивости, значеніе класса предпринимателей для развитія народнаго хозяйства совершенно не понималось.

Революція, как и во всѣх других областях русской жизни лишь завершила этот період, довела его до абсурда и наглядно показала народу, что произойдет с обществом, если уничтожить класс предпринимателей, купцов, заводчиков, строителей и банкиров, если умственный труд подчинить физическому.

Революція и должна длиться неизбѣжно до тѣх пор, пока весь русскій народ с низу и до верха не поймет своей ошибки, не осознает, что соціальная структура современнаго общества неизбѣжно требует участія в процессѣ производства цѣнностей не только одного рабочаго, но и организатора—предпринимателя, капиталиста, полномочных спеціалистов, торговца крупнаго и мелкаго, банкира и власти, не мѣшающейся в хозяйственные процессы или по крайней мѣрѣ не вмѣшивающейся до извѣстнаго предѣла.

В этой сферѣ психологическій переворот в народѣ несомнѣнен. Прогресс сказался не только в самом явленіи Нэп'а, допустившем существованіе (хотя по идеѣ и временное) торговца, промышленника, банкира, сказывается не только в признаніи необходимости спеца, но и в рядѣ фактов болѣе поздняго происхожденія.

Как извѣстно, новая оппозиція в лицѣ Троцкаго—Зиновьева носит ретроградно—лѣвый характер, остріе ея критики направлено в сторону ускоренія индустріализаціи страны путем примѣненія нѣкоторых мѣр, напоминающих эпоху военнаго коммунизма, и тѣм не менѣе оппозиція в области обмѣна выдвигает

требованіе передать торговлю в руки частника и кооперації, отказавшись от системы торгов.

Очевидно, опыт гос—торговли с ея взяточничеством, безпомощной глупостью и ротозѣйством показал лѣвым коммунистам, что они, несмотря на завѣт Ленина—„учитесь торговать“ этого завѣта не выполнили и выполнить не в силах...

Впрочем дѣло вовсе не в том, что коммунисты не учатся или не хотят научиться торговой премудрости.

Суть в том, что самое свойство торгово—промышленной дѣятельности требует настолько напряженной, гибкой и подвижной работы, проявленія столь значительной иниціативы и независимой личной энергіи, что ни один государственный или кооперативный аппарат за частным предпринимателем и купцом в этой сферѣ угнаться никак не может.

Истина эта как будто стала ясна для коммунистической оппозиціи в области торговли, она уясняется все болѣе для народа в приложеніи ко всѣм прочим областям русской экономической жизни.

Когда государственная власть болѣе или менѣе независима от непосредственных производственных процессов, она до извѣстной степени имѣет возможность стать регулятором взаимоотношеній между предпринимателем и рабочим.

Она ограждает жизнь и здоровье рабочаго, пресѣкает возможность крайней эксплоатаціи труда капиталистами, разрѣшает рабочим самооборону в видѣ стачек. Частных предпринимателей много, они конкурируют друг с другом и уволенный из одного предпріятія рабочій имѣет возможность устроиться в другом.

Но вот всѣ предприниматели ликвидированы, всѣ предпріятія сосредотачиваются в одних руках всемогущаго и всепроникающаго государства или общественных организацій. Рабочіе объявлены владыками государственной власти, фабрик, заводов, им сказано: „ты не раб, ты властелин судьбы“ (Надсон)

Когда проходит „пафос борьбы“, и „революціонныя завоеванія“ удержаны, когда настают рабочіе будни, „властелин судьбы“ начинает оглядываться кругом и видит дѣйствительность, очень непохожую не только на мечты, но и на недавнее проклинаемое прошлое.

В годы военнаго коммунизма он имѣл право получать лишь голодный паек вмѣсто заработной платы.

В годы „Нэ'па“ он лишен права стачек, вновь превратившихся, как и 50 лѣт назад в политическое преступленіе и не имѣет работы.

Количество безработных все растет, на 1 іюня 1926 г. по совѣтским оффиціальным данным оно достигло цифры 1.114.260 человѣк, в том числѣ квалифицированных рабочих 111798 и полуквалицифицированных 99229. При общем числѣ рабочих около 2 $\frac{1}{2}$ милліонов человѣк, это даст на каждых 25 работающих 11 безработных.

Итог для „соціалистическаго“ государства далеко неутѣшительный.

В самой Москвѣ безработных на 1 Сентября 1926 года насчитывалось 141417 человѣк, тогда как еще год назад их там было всего 116326 (Эконом. Жизнь № 230 и 232 за 1926 г.).

Эти числа, по крайней мѣрѣ, для столицы показывают рост безработицы.

Отчеты совѣтских газет о засѣданіях так называемых „производственных совѣщаній“, этих своеобразных фабричных парламентов, приподнимают иногда завѣсу порядков, царящих на совѣтских фабриках, и характеризуют настроенія рабочих.

Отзывы рабочих в подавляющем большинствѣ указывают на хаос и безхозяйственность, крайнюю нераспорядительность администраціи, непроизводительную растрату труда, чрезвычайную изношенность машин и проч. Во главѣ заводов и фабрик стоят коммунисты, как организаторы совершенно неопытные и в большинствѣ вообще невѣжественные люди; к тому же, будучи непрестанно переводимы с одного предпріятія и производства на другое, они не могут накопить опыт, если бы и были к тому способны. Рабочіе корреспонденты сообщают из этой области факты совершенно невѣроятные в иных, не совѣтских, условіях. Дѣло доходит иногда до того, что благодаря атрофіи распорядительности администраціи, рабочіе нерѣдко бывают заняты производительным трудом всего три часа в день вмѣсто восьми.

Подобные же безотрадные выводы дѣлает из обозрѣнія совѣтских фабрик норвежская рабочая делегація, посѣтившая СССР в прошлом году.

Покойный Дзержинскій в концѣ 1925 года на съѣздѣ „красных директоров“ констатировал потрясающее паденіе производительности труда, В химической промышленості, напримѣр, гдѣ до войны работал один рабочій, там сейчас работают их три, в кожевенной—два и т. д. и т. под. В то же время издѣлій подобный рабочій штат вырабатывал вдвое меньше, чѣм до войны.

Это паденіе интенсивности труда в очень слабой степени возможно приписать винѣ одних рабочих,

причины приходится искать главным образом в самой „соціалистической“ системѣ организаціи производства. Однако, как только этот вывод становится ясен для рабочих, у них неизбѣжно пропадает охота к труду; рабочій начинает относиться к дѣлу так же формально, как и администратор, и изыскивает всѣ мѣры к тому, чтобы как можно менѣе сил удѣлять этой безрадостной работѣ; столбцы совѣтских газет пестрят сообщеніями о массовых прогулах рабочих. Убытки заводов от них исчисляются сотнями тысяч рублей.

В эпоху „Нэпа“ заработная плата рабочих поднялась. Так в 1924—5 году мѣсячная плата рабочаго в среднем по всему Союзу в довоенных цѣнах равнялась 20, 65 рублей, в слѣдующем-24, 6 руб. (В. Громан. Основныя черты 1925—26 хоз. года).

Несмотря на нѣкоторое увеличеніе за год, она и до сих пор не может сравняться с довоенной, при том—не всегда аккуратно выплачивается, а паденіе за послѣдній год червонца ставит рабочаго еще перед большей угрозой.

В тѣх же производственных совѣщаніях и печати коммунисты проблему повышенія заработной платы в настоящее время ставят в зависимость от повышенія производительности труда. Такая формулировка проблемы была бы по существу правильной, если бы производительность фабрик зависѣла только от интенсивности труда.

Так как эти причины кроются в гораздо сильнѣйшей степени в самой формѣ организаніи промышленности, в бюрократизмѣ, называемом „соціализмом“, в невѣжествѣ администраціи, прикрывающемся лозунгами „диктатуры пролетаріата“, в отсутствіи капиталов, объяснимом только войной, провозгашенной капита-

лизму, то, конечно, всякій развитой рабочій считает такую постановку проблемы заработной платы злостной попыткой дальнѣйшей эксплоатаціи его труда и коммунистам его трудно убѣдить в противном, сколько бы они ни рисовали привлекательных картин будущаго переустройства міра. Всякій человѣк хочет жить сейчас, и чѣм болѣе проходит времени от октября 1917 года, тѣм менѣе в рабочей массѣ остается запаса энтузіазма.

Проблема рабочих жилищ еще тяжелѣе. Жить рабочим становится положительно негдѣ. Коммунисты пытаются облегчить жилищную нужду путем организаціи жилищно—строительной кооперації, но итоги неутѣшительны. На совѣщаніи текущаго года при В. Центральн. Совѣтѣ Профессіональных Союзов (ВЦСПС) участники констатировали, что „квартиры Центрожилстроя обходятся рабочим непомѣрно дорого (60-70 рб. в мѣсяц), что % удовлетворенія квартирами ничтожен и что никаких иллюзій насчет жилищной кооперації строить нельзя.“ (Экон. Жизнь от 14 Января 1926 г.) Ассигнованія на жилищное строительство из сумм казны, сталкиваясь с отсутствіем средств, далеко недостаточны. И рабочіе донецких копей и заводов за полным ненмѣніем жилья ютятся в углах заводов, сараях, спят под машинами и в корридорах; рабочіе городов счастливы, если имѣют площадь в одну квадратную сажень на человѣка, т. е. только право на койку, стола и стула они уже не всегда могут имѣть. Жизнь заключенных в тюрьмѣ при таких условіях комфортабельнѣе убогой жизни представтелей класса „полновластных пролетаріев“.

Картина была бы неполна, если бы не упомянуть про положеніе рабочих в смыслѣ их охраны от не-

счастных случаев. Судя по совѣтским газетам, это положеніе крайне печально. Еще недавно на страницах московской „Экономической Жизни“ в отчетѣ о съѣздѣ инженеров—строителей докладчик Богданов дал такую характеристику условій труда:

„Даже в капиталистических странах заботятся о положеніи рабочих, а у нас, если все будет идти так же, как сейчас, то через два-три—года мы перекалѣчим двѣ трети наших строительных рабочих, особенно при отсутствіи лечебной помощи.“*)

В тоже время германскіе наблюдѣтели, побывавшіе в Москвѣ, констатируют, что на частных заводах и фабриках русской столицы, насчитывающих нынѣ уже тысячи рабочих, вышеописанныя отрицательныя явленія менѣе замѣтны. Рабочіе на них очень дорожат своим мѣстом и строго блюдут трудовую дисциплину. С другой стороны, и предприниматели смотрят на рабочих, как на своих ближайших помощоиков и оплачивают их труд выше, чѣм на государственных предпріятіях.

В результатѣ этих явленій психологическій сдвиг в сознаніи рабочих не может не произойти.

Видимым отраженіем такого измѣненія отношеній рабочих масс к государственной и частной фабрикѣ явилось образованіе программы так называемой „рабочей группы“ и усиленіе в рабочей средѣ меньшевистских теченій, требующих между прочим возвращенія фабрично—заводских предпріятій их прежним владѣльцам. Впрочем эти тенденціи, судя по сообщеніям Бухарина в „П р а в д ѣ“ замѣчались уже в 1923 году.

*) „Экон. Жизнь“ № 81 за 1926 г.

Положеніе промышленности.

Большевики, придя к власти, получили в наслѣдіе от капитализма громадныя цѣнности.

Промышленность и сельское хозяйство за послѣдній перед войной пятилѣтній період прогрессировали весьма быстро.

Для иллюстраціи этого положенія напомним нѣкоторыя цифры:

Число рабочих, занятых в различных предпріятіях всей Россіи в 1913 году достигало 3-½ милл. человѣк, для послѣдняго перед войной четырехлѣтія цифры числа рабочих по предпріятіям, подчиненым фабричному надзору, рисовалиесь слѣдующим образом:

1910 г.	1952 тысячи человѣк
1911 г.	2051
1912 г.	2151
1913 г.	2319

Увеличеніе равнялось почти 19% за період.

Общее число предпріятій, подчиненных надзору фабрично—заводской инспекціи, равнявшееся в 1906 г. 12903, к 1911 году достигло цифры 16.600, увеличившись за пятилѣтіе почти на 28%.

Добыча каменнаго угля прогрессировала за довоенное четырехлѣтіе в таких размѣрах:

1910 г.	1522 милл. пуд.
1911 г.	1739
1912 г.	1904
1913 г.	2214

Увеличеніе за четырехлѣтіе на 46%

Из Донецкаго бассейна в 1913 г. вывезено угля 1291 милл пуд.

Выплавка чугуна в 1910 . . . . . 186 милл. пуд.
1911 219
1912 256
1913 283

Увеличеніе за четырехлѣтіе 52 %.

Если бы коммунисты, получив столь неизмѣримо богатую „добычу“, сумѣли развить промышленную энергію и, возродив производство, двинуть его по пути развитія, измученная анархіей страна, несомнѣнно, многое бы им простила и со многим бы примирилась Однако же несмотря на величайшія жертвы населенія, этого не призошло.

Сравните колоссальность полученной большевиками от эпохи капитализма добычи с результатами их девятилѣтняго господства при режимѣ полнаго и безпрекословнаго подчиненія ста сорокамилліоннаго народа, и результаты эти в хозяйственной области окажутся лишь отрицательными.

Реконструктивные и возстановительные со времен „Нэп'а“ процессы в странѣ сопровождались успѣхом лишь там, гдѣ они не насиловали экономической природы соціальных отношеній,—в земледѣліи, напримѣр, гдѣ мелкій владѣлец земли, не взирая на страшныя стѣсненія в сбытѣ своей продукціи, развил энергичную и плодотворную для всего государства дѣятельность;—в кустарной и мелкой промышленности, гдѣ ту же возстановительную программу выполняют индивидуальные производители, преодолѣвающіе всѣ преграды экономическаго и политическаго свойства;—словом, там, гдѣ менѣе всего оказываются планирующіе и регулирующіе бюрократическіе эле-

менты власти, гдѣ слабѣе вмѣшательство государства.

Результаты получаются совершенно обратные, если обратиться к разсмотрѣнію достиженій крупной государственной промышленности и торговли,

К такому выводу неизбѣжно должен притти всякій, кто попробует присмотрѣться внимательно даже к тѣм цифрам, которыя ежедневно даются оффиціальной коммунистической прессой и статистикой совѣтских учрежденій.

Промышленность СССР в 1926-1927 г. испытывает всѣ благопріятныя послѣдствія двухлѣтняго подряд урожая, и при сравненіи с прошлым 1924-1925 годом замѣтно прогрессировала в отношеніи продукціи.

По оффиціальным совѣтским данным цифры продукціи совѣтской промышленности рисуются слѣдующим образом:

	В черв. рублях 1924|25	1925|26
Валовая продукція учитываемаго ЦОС круга предпріятій в млн. рублей.	4.923	7.238
Число рабочих в тыс.	1.51$_0$	1.894
Продукція на 1 рабоч. в р. . .	3.250	3.819
Заработ. плата в мѣс. в бюдж. рубл.	43.5	55.6

Так как червонные рубли имѣют по отношенію к до—военным лишь половинную стоимость, то в переводѣ на довоенные рубли цѣнность продукціи значительно измѣнится, а именно:

	В довоенных цѣнах *) 1924|25	1925|26
Валовая продукція в мил. р. .	2.560	3·603

*) „Эк. Ж." № 226-1926 г.

Число рабочих в тыс. . . .	1.510	1.894
Продукція 1 раб. в. р. . . .	1.649	1.901
Заработн. плата в мѣс. (в бюдж. р.)	20.65	24.6

По утвержденію совѣтских экономистов государственная совѣтская промышленность в 1926 г. заканчивает свой возстановительный процесс, подойдя вплотную к довоенным нормам выработки.

Это утвержденіе приходится принять с большой осторожностью и во всяком случаѣ далеко не по всѣм отраслям промышленности. По послѣдним наиболѣе внушающим довѣрія данным конъюнктурнаго института мы имѣем за 1925-26 г. цифры, гдѣ производство еще далеко отстало от довоенных норм. Так добыча каменнаго угля равнялась 1488 милл. пуд., выплавка чугуни 134 милл. пуд., добыча желѣзных руд была равна трети довоенной, число рабочих достигло лишь 1892 тысяч человѣк и т. д.

Если под термином окончанія возстановительнаго періода—понимать пуск в ход прежних капиталистических фабрик и заводов, то это заявленіе коммунистов будет вѣроятно в общем приближаться к истинѣ, но сам по себѣ этот факт еще ничуть не доказывает подъема промышленности на здоровых началах самоокупаемости.

Достичь максимума продукціи пуском промышленнаго предпріятія, когда самый завод или фабрика уже имѣются,—достался как военная добыча революціи, когда на фабричных складах имѣются частью и запасы сырья, добытые таким же „революціонным“ способом, для совѣтской власти не предоставляло непреодолимых затрудненій.

Вложеній в основной капитал не требуется, долгов и амортизаціонных отчисленій платить не прихо-

дится, а необходимый оборотный капитал дает обычно казна в порядкѣ бюджетнаго ассигнованія.

Как ни истрепаны машины, как ни невыгодны для народнаго хозяйства в цѣлом результаты подобной эксплоатаціи, товарный голод в странѣ столь силен, спрос настолько обширен, таможенныя рогатки настолько строги, что продукція самой отсталой в техническом отношеніи фабрики всегда найдет себѣ сбыт.

Но легко понять, что подобное положеніе долго длиться не может, заводы и фабрики Россіи не обновляли своего оборудованія всѣ в теченіи 13 лѣт, а нѣкоторые от 13 и до 30 лѣт и грозят остановкой, если их не переоборудовать.

Для иллюстраціи этого положенія приведем данныя, оглашенныя на московском теплотехническом съѣздѣ 1926 г. Предсѣдатель съѣзда инженер Шефтель в докладѣ 11 ноября нарисовал чрезвычайно мрачную картину состоянія паровых котлов и вообще всего энергетическаго оборудованія фабрик СССР.

Согласно данным, приведенным докладчиком, по всему СССР имѣется 24,3 тыс. паровых двигателей с общей мощностью 2.773.4 тыс. лош. сил. 21,2 тыс. двигателей внутренняго сгоранія и водянных турбин с общей мощностью 927,4 тыс. л. с. и 191,9 тыс. прочих мелких механических двигателей с общей мощностью 952,7 тыс. л. с. Общая мощность всѣх 237,4 тыс. механических двигателей опредѣляется в 4.650,5 тыс. л. с. Паровых котлов в СССР имѣется свыше 50 тыс. шт. с общей поверхностью нагрѣва около 3.500 тыс. кв. метров.

Распредѣленіе обслѣдованнаго оборудованія по возрасту харктеризуется следующими данными: 23 проц. всѣх механических двигателей падает на двига-

гатели, установленные с 1911 по 1916 гг., и двигатели, установленные с 1901 по 1905 гг.; 18 проц.—на двигатели с 1906 по 1910 гг.; 42 проц.—на двигатели, установленные с 1911 по 1916 г., и 9 проц.—на двигатели, установленные послѣ 1917 г.

Из учтенных котлов 35,5 проц падает на котлы, установленные до 1900 г., 17 проц.—на котлы, установленные с 1901 по 1905 гг., 16 проц.—на котлы с 1906 по 1910 гг., 26,5 проц.—на котлы, установленные с 1911 по 1916 г., и, наконец, 4 проц.—на котлы, установленные с 1917 г.

Принимая во вниманіе цѣлый ряд факторов, обусловливающих долговѣчность и пригодность котлов и двигателей для дальнѣйшей работы, докладчик приходит к выводу, что в ближайшее 5-лѣтіе подлежат замѣнѣ 51 проц. мощности всѣх двигателей и 53,5 проц. поверхности нагрѣва котлов, в том числѣ подлежат немедленной замѣнѣ 29 проц мощности двигателей и 36,5 проц. поверхности нагрѣва котлов.

Приблизительная возстановительная стоимость оборудованія, подлежащаго замѣнѣ в ближайшее 5-лѣтіе, опредѣляется в 534 млн. руб., а подлежащаго немедленной замѣнѣ—в 334 млн. руб. Стоимость эта касается только основного оборудованія, не включая расходов по зданіям. *)

Едва ли этот доклад нуждается в комментаріях. Можно лишь просто резюмировать его так—половина двигателей развалилась уже сейчас, на одно возстановленіе таковых требуется громадная сумма в 868 мил. рубл., не считая притом неизбѣжных расходов по приспособленію и перестройкѣ зданій и т. д..

В таком же полу—разрушенном состояніи находятся и прочія машины и установки совѣтизиро-

*) № 2381 „Эк. Ж.“

ванных заводов и фабрик, их строенія и жилища рабочих.

И вот в этом отношеніи между возстановительным процессом СССР и Зап. Европы замѣчается первая разница. В то время, как промышленныя заведенія СССР возстанавливаются на старой технической базѣ, в капиталистических странах—Франціи, Германіи, отчасти Англіи, не говоря уже о Соединенных Штатах, в это время происходит мощный процесс реконструкціи, основанный на улучшеніи и обновленіи техники.

Разница эта уже подмѣчена сов. экономистами (Эк. Ж. № 226. СССР в міровом хозяйствѣ), и она вносит пессимистическія нотки в разыгрываемую совѣтскими публицистами побѣдную „симфонію будущаго“.

С другой стороны не слѣдует забывать и другого обстоятельства. Мы привыкли сравнивать современное положеніи совѣтской индустріи с таковым же россійским до войны. В международном масштабѣ таковое сравненіе не заслуживает никакой цѣны, ибо если мы в теченіе тринадцати лѣт топчемся на мѣстѣ или идем вспять, то далеко не тѣм занимаются другія страны,—онѣ работают и прогрессируют. Если таким образом сравнивать с чѣм либо совѣтскую продукцію, то никак не с таковой же русской, а с иностранной. Такой метод приводит к результатам иным.

Добыча угля в процентах к міровому итогу в 1913 г. в Россіи составляла 2,4%, в 1925 г. она составляла только 1,2%.

Выработка стали в 1913 г. равнялась 5,6% міровой, в 1926 г.—только 3.2%; чугуна—1923 г.—5,3%, 1926 г.—2,8%. Легкая промышленность СССР в

1927 г. достигнет 90% довоенной, но удѣльный вѣс ея в % отношеніи к міровому снизился на 30%:

Чтобы догнать до международных соотношеній в металлургіи совѣтской промышленности придется почти удвоить продукцію; вся же вообще промышленность нуждается в переоборудованіи. Какіе же к этому имѣются рессурсы и перспективы?..

Год назад совѣтская власть проектировала в пятилѣтіе с 1925-26—1929-30 г. произвести капитальных затрат в промышленности на сумму свыше 6 милліардов рублей, в том числѣ на 1926-27 г. 1543 милліона. Дѣйствительность разбила эти мечты, и нынѣ Госплан предполагает вложить на текущій хозяйственный год сумму почти вдвое меньшую—до 845 милл. рубл., а сколько будтт вложено в дѣйствительности, это будет зависѣть от того, сколько можно будет взять с мужика налогами и ростовщической разницей на хлѣбѣ.

Эта цифра 845 милл [ВСНХ увеличивает до 910] подлежит однако же дальнѣйшему расшифрованію и анализу.

Согласно цифр ВСНХ (Сов. Нар. Хоз.) СССР затраты на капитальное строительство выражаются в слѣдующей таблицѣ.

	В 1925-26 ч.	26-27 г. на до новыя стройку работы	В том	На
Металлопромышленность	170.7	219.2	29.0	0.5
Электропромышленность	12.0	17.0	4.9	0.8
Каменноугольная пром.	86.3	110.2	46.3	—
Нефтяная промышл.	128.9	141.8	6.0	6.0

Горная промышленность	29.5	32.2	—	—
Химическая промышленность	49.7	55.1	7.0	4.7
Производство строит. мат.	32.1	31.4	10.0	5.5
Лѣсная промышленность	23.2	24.5	4.2	3.8
Бумажная промышленность	25.5	33.0	15.6	—
Текстильная промышл.	142.7	115.2	12.6	1.5
Стеклофарфоровая пром.	9.3	12.6	6.1	—
Кожевенная промышл.	17.6	9.1	1.3	1.1
Пищевая промышл.	54.8	52.2	2.4	4.4
Полиграфическая пром.	2.8	3.1	—	—
Различныя затраты	0.1	4.0	—	3.0
Неучтенная промышл.	8.8	10.5	—	—
Строительство синдикатов	6.5	7.0	—	—
Нераспредѣленный резерв	—	32.7	—	—
И т о г о	800.5	910.8	145.4	31.3

Цифры эти, надо замѣтить, максимальныя. По исчисленіям нѣкоторых совѣтских экономистов (Свѣтлов) фактически на капитальное строительство непосредственно в промышленности, исключая электрофикацію, государство в 1925-26 г. в состояніи было затратить приблизительно на 150 милл. меньше, всего не болѣе 640 милл. рубл.

Из этих цифр видно, что на усиленіе существующих предпріятій предполагается истратить около 734 милл. рубл. и на возведеніе новых всего только 31 милл. руб. в червонным исчисленіи, а в довоенном это уже будет вдвое меньше (не считая притом позднѣйшаго послѣ сентября 1926 г. паденія курса червонца). К цифрѣ капитальных вложеній далѣе необходимо прибавить еще 577 милл. на пополненіе оборотных средств промышленности, в итогѣ общая потреб-

ность промышленности в средствах выражается в 1488 милл. рубл.

Из этой суумы только 651 милл. промышленность находит у себя, 425 милл. она заимствует у банков, т. е. в сущности у государства, ибо банки государственныя учрежденія, и 412 милл. рубл. она получает по государственному бюджету.

Даже и по этой сокращенной программѣ цифры государственных отчисленій громадны.

Государство—промышленник устремляет свою энергію в область производства, в бѣдной, раззоренной войной и революціей странѣ оно усиливает налоговый пресс до невѣроятных размѣров.

По бюджету 1925-26 г. общее число налогов, платимых населеніем, равнялось 1750 милл. рублей, на слѣдующій год эти цифры предположено увеличить на 400 милл. рубл., но, видимо, и этот чудовищный нажим окажется недостаточным, ибо совѣтскіе экономисты предвидят бюджетный дефицит до 200 милл. и требуют дополнительнаго обложенія частных промышленников и торговцев. (Эк. Ж. от 1 окт. 26 г.) Между тѣм процент обложенія частных предпринимателей уже и сейчас достигает чудовищной цифры 80% дохода и выше, а наслѣдственныя пошлины доходят 90% (при стоимости наслѣдства свыше полумилліонна рублей.)

Процент обложенія крестьян—фермеров также с этого года значительно повышен.

Государство лихорадочно отбирает доходы у населенія все во имя насыщенія этого ненасытнаго „Молоха“ индустріализаціи.

Нуждам земледѣлія отводится минимальное вниманіе. Нужды народнаго образованія, культурнаго характера—отходят на второй план.

Цифры выдач из государственнаго кошелька промышленности, однако, далеко не покрывают потребности послѣдней в капитальных вложеніях, и вопрос о заграничных кредитах по прежнему сохраняет свое актуальное значеніе.

Если сравнить вложеніе капитала в русскую промышленность при совѣтскоѝ власти с таковым же при капиталистическом строѣ, то эти результаты максимальнаго напряженія платежных рессурсов народов СССР окажутся сравнительно с прошлым весьма скромными.

По совѣтской же статистикѣ за пятилѣтіе с 1908-1912 г. на русском рынкѣ было размѣщено эмиссіи на 3687 мил. р., если присоединить сюда эмиссіи заграничныя, то получается слѣдующая таблица вложенія капиталов русских и иностранных в производство и фирансы Россіи.

Размѣщено с 1908-1912 г.

	В Россіи	заграницей	Всего вложено в мил. р.
Закладные листы и облигаціи земельнаго кредита.	2192.2	100	2292.2
Промышленныя акціи и облигаціи.. . . .	71.05	417.7	1128.2
Банковыя акціи . . .	349.2	63.9	413.1
Желѣз. дор. акціи и облигаціи.	170.4	557.3	727.7
Государственн. займы	200	175	375
Городскіе „	65	198.9	263.9
	3687.1	1513	5200.1*)

Прилив капиталов в Россіи только по заемным операціям, прошедшим через каналы бумажнаго обра

*) В. Лексис „Кредит и Банки“ Москва 1923 г.

щенія, ежегодно превышал один милліард рубл. (или около двух милліардов рублей червонных), не принимая во вниманіе при этом займов и вложеній единоличных предпринимателей.

Как видно, при капитализмѣ промышленность недостатком капитальных вложеній не страдала в противоположность теперешнему худосочію.

В нормальных условіях капиталистическаго строя промыщленность имѣет возможность находить рессурсы для своего обновленія и дальнѣйшаго развитія в себѣ самой путем амортизаціонных отчисленій из прибылей.

Этот путь для совѣтской промышленности до сих пор был закрыт благодаря дефицитности веденія хозяйства. Самым удачным в смыслѣ доходности является 1925—26 г., но и в этот „счастливый“ год по данным совѣтской статистики общій доход от всѣх видов націонализированной совѣтской промышленности исчисляется в суммѣ 476 милл. черв. рубл. (Рѣчь Рыкова на 15-ой парт. конференціи) или около 230 милл. довоен. рубл., при 50 милл. довоенных рубл. амортизаціи.

Если мы вспомним, что товарная продукція всей націонализованной совѣтской промышленности равнялась от 6 до 7 милліардов черв. рубл., то исчисленную совѣтскими статистиками цифру доходности (476 мил.) придется признать весьма преувеличенной.

К обороту это даст около 7%, а к основному и оборотному капиталу только около 3%,—соотношеніе совершенно уродливое, лишній раз позволяющее признать, что вложенные в промышленность капиталы основные и оборотные администрируются невѣроятно плохо и не используются надлежащим образом, не

отвѣчая ни в какой степени нормальному капиталистическому доходу.

Принимая же во вниманіе тенденціозность совѣтской статистики, приходится сдѣлать то болѣе вѣроятное предположеніе, что цифра доходности значительно преувеличена, и что она в лучшем случаѣ является ничѣм иным, как амортизаціей, лишь неправильно отнесенной совѣтскими бухгалтерами в недолжную графу доходов.

Небезинтересно с этим сопоставить, что по нормам договоров на сдачу в аренду бездѣйствующих московских фабрик кустарям и частникам М. С. Н. Х. устанавливается обычно от 4 до 6% отчисленія валовой продукціи в пользу Московскаго Совѣта в арендную плату. В переводѣ на % исчисленіе это дает от 20% до 50% на основной капитал арендуемаго предпріятія. Разницу между 3%, и 20—50% т. е. от 16 до 44% уплачивает населеніе государству в видѣ премій за безхозяйственную экономическую политику коммунистов.

Промышленность обходится совѣтскому государству дорого в смыслѣ ежегодных приплат по бюджетным ассигнованіям, но, может быть, продукція промышленности благодаря жертвам населенія обходится дешевле, чѣм до революціи.

Быть может здѣсь возможно найти оправданіе произведенной промышленной націонализаціи.?

К подобным выводам склоняются нѣкоторые, в том числѣ, напримѣр, Пѣшехонов.

Выводы эти, однако, всецѣло опровергаются данными совѣтской статистики, при которых даже, признавая правильной цифру дохода совѣтской промышленности в 476 милл. черв. рубл., этот результат

народно---хозяйственной точки зрѣнія приходится признать чрезвычайно убыточным.

До войны, как извѣстно, наши промышленныя издѣлія не могли похвалиться своей дешевизной и тѣм не менѣе сейчас продукція совѣтских фабрик еще болѣе вздорожала. По металлургіи, напримѣр, вздорожаніе рисуется в слѣдующих размѣрах (цѣна за тонну в рублях)**)

	1913 г.	1925—26
Рельсы	68.32	124.44
Оси паровоз.	158.60	380
Бандажи ваг.	86.60	195
Мосты	201.30	390

Таким образом продукція вздорожала от 1.9 раза до 2 и даже болѣе чѣм в два раза, и эти цифры не являются каким либо исключеніем, по данным совѣтской статистики коэффиціент вздорожанія по донецкому углю и коксу сравнительно с 1913 г. (когда цѣны стояли выше предшествующаго періода), равен трем, а обще—промышленный коэффиціент тоже значительно выше двух.

В итогѣ, при выработкѣ продукціи на сумму, близкую к 8 милліардам рублей государству она обходится вдвое дороже, чѣм до войны, т. е. иными словами с народно—хозяйственной точки зрѣнія населеніе переплачивает на удорожаніи производства около четырех милліардов червонных рубл., т. е. именно ту сумму, в которой сбаланссирован весь государственный бюджет СССР на 1925—26 год.

При колоссальных жертвах населенія, при столь значительной внутренней дороговизнѣ продукціи собственнаго производства, при полученіи прибыли столь

**) Эк. Ж. № 230—1926 г.

незначительной, как указано выше, творцам экономической политики остается лишь утѣшаться постройкой фантастических замков во вкусѣ Жюль—Верна о будущей электрофикаціи не только промышленности, но и деревни.

Другая часть коммунистов видит опасности подобнаго потребительскаго характера національнизированной промышленности, но отказаться от утопическихъ мечтаній, поставить крест над національнизаціей промышленности, возвратить бывшим владѣльцам столь убыточныя для народа предпріятія они пока не имѣют силы воли,—слишком велика ошибка. Слишком дорого обошлась она русскому народу!

Гос-торговля.

Уже с фабричнаго станка таким образом продукты промышленнаго производства выходят удорожившись в два с половиной раза против нормы.

Чтоб дойти до потребителя, они должны пройти еще цѣлую длинную сѣть торговых организацій, и так как это организаціи преимущественно совѣтскія, а совѣты, несмотря на завѣт Ленина—учитесь торговать—этому до сих пор не научились и научиться не могут,—то населеніе на оплату услуг товаропроводящей сѣти вынуждено тратить колоссальныя суммы.

Банковскій и торговый капитал в условіях нормальнаго капиталистическаго хозяйства, выполняющій функціи обмѣна и перераспредѣленія товаров между его потребителями, находится и работает в атмосферѣ напряженной конкуренціи, всякій торговец, не умѣющій низвести свои торговые и организаціонные расходы до минимума, немедленно же вытѣсняется с рынка иным болѣе умѣлым, ловким, довольствующимсь меньшим процентом.

Это сталь примитивная аксіома пользы для народнаго хозяйства торговой конкуренціи остается для коммунистов не пріемлемой, и за это должен платить народ. Угар утопических переживаній еще не окончательно испарился, боятся выпустить из рук „командные высоты“, боятся ослабленіем зажима иниціативы энергичных и способных торговцев обречь на ско-

рую смерть свои рахитическія организаціи гос. торгов и кооперацiи.

Как ведется торговля в послѣдних, какія нелѣпости и сколько злоупотребленій больших и малых совершается коммунистами и их ставленниками, об этом возможно написать цѣлые томы, но этой цѣлью мы не задаемся. Со всѣм этим слищком часто встрѣчаешься при чтеніи сообщеній всякой совѣтской газеты.

Разрисовывая и с торжествующим видом сообщая о поимкѣ и ликвидаціи того или иного растратчика, коммунисты этим оправдывают перед массой свои неудачи и промахи в экономической жизни Россіи, нынѣ ими управляемой.

„Если бы не мошенники, то как бы расцвѣла наша совѣтская соціалистическая республика!“—как бы говорят ежедневныя сообщенія о процессах и растратах.

Статистика кооперативных растрат ясно доказывает, что положеніе совѣтской кооперативной торговли не нормально в виду осады ея растратчиками, вошедшими в кооперативную жизнь, как нормальное явленіе.

По данным совѣтской юстиціи в 1925 г. ежемѣсячно проходило через слѣдственныя камеры растрат на общую сумму трех милліонов рублей. Такова цифра растрат раскрытых, дѣйствительность на много превышает эти цифры, так как совѣтскіе хозяйственные органы крайне неохотно возбуждают подобныя дѣла, опасаясь непріятных разоблаченій в судѣ.

По оффиціальным данным, расходы на содержаніе правленій и ревизіонных комиссій по кооперацiи к концу 1925 г. опредѣлялись слѣдующими цифрами: по низовой потребительской кооперативной сѣти—3

милл. рубл. в мѣсяц, по с.-х. низовой кооперативной сѣти—2.6 милл. р., по кустарно—промысловой—1.7 мил. р.

Общее число членов правленій и ревизіонных комиссій по этим видам кооперації исчислялось в 400 тыс. человѣк, а общая сумма ежемѣсячных расходов на их содержаніе достигла 7,5 милл. рубл. в мѣсяц или около 90 милл. рубл. в год. Эти цифры не полны и в дѣйствительности значительно выше.*)

Весь собственный капитал кооперації в 1924-25 г. опредѣлялся в 142 милл. рубл., слѣдовательно, растратчики в этом году съѣли четвертую часть капитала, а содержаніе правленій обошлось в цифру, превышающую 50 % размѣра послѣдняго.

Ни в одной капиталистической странѣ подобнаго явленія легальнаго и нелегальнаго присвоенія ввѣренных капиталов в подобных поражающих размѣрах не наблюдалось.

Коммунисты правящей группы, как извѣстно, придают особое значеніе развитію кооперації в деревнѣ, в их представленіи соціалистическія тенденціи в крестьянствѣ именно в кооперації имѣют прочный залог дальнѣйшаго развитія, это было лишній раз подтверждено на послѣдненей 15-й парт.—конференціи в 1926 г.

Эти пышныя завѣренія получили надлежащую оцѣнку на одновременно происходившей 20-ой сессіи совѣта сельскохоз. союзов. Устами кооператоров послѣдняго жизнь нарисовала такую картину современнаго положенія сельской кооперації: тов. предс. совѣта Сельскосоюза С. Л. Маслов, считая положеніе

*) „Эк. Ж“. № 83-1926 г.

с.-х. кооперації критическим, указывает, что нѣкоторые центры с.-х. кооперації существуют лишь благодаря снисходительности и помощи государства. Если в с.—х. кооперації и наблюдаются нѣкоторыя организаціонно—техническія улучшенія, то экономическая работа ея нисколько не прогрессирует. Оратор считает не обоснованными расчеты на рост капиталонакопленія в с.—х. кооперації.

Крестьянское населеніе относится по словам ораторов совершенно безразлично к этому „залогу соціалистическаго развитія“, оно и понятно, если вспомнить, что дѣлает кооперація со своими основными капиталами. Исход из положенія кооператоры видят однако же не в оздоровленіи кооперації, а в казенных подачках.

Так член правленія Сельскосоюза т. Татаев отмѣчает кризис в положеніи с.—х. кооперації, отсутствіе интереса к ней со стороны населенія и считает необходимым, в интересах привлеченія населенія в кооперацію, установить систему наибольшаго благопріятствованія кооперированному населенію перед не кооперированным. *)

„Система благопріятствованія“ уже и сейчас неуклонно проводится в практикѣ кооперативов, ибо они живут за счет государства ссудами из средств казны, т. е. именно за счет не—кооперированнаго населенія. Этого оказалось. видимо, недос аточным и теперь предлагается давать кооператорам „личныя преміи“... Это, быть может, в той или иной формѣ и будет осуществлено, но это уже будет не кооперація, а богадѣльня еще для одного убогаго соціалистическаго выкидыша.

Эк. Ж. от 12 ноября 1926 г.

Кооперація из организаціи самопомощи и самодѣятельности населенія превратилась в СССР в казенное учрежденіе и тѣм опредѣлила как отношеніе к ней крестья, так и собственную судьбу.

При таких условіях ипреступно—разрушительном направленіи дѣятельность совѣтской кооперації, утратившая жизненныя силы и общественное значеніе благодаря характеру принудительности и отсутствію свободы в избраніи руководителей общественными капиталами, приняла тот безнадежный бюрократическій и мертвый характер, который приводил в отчаяніе даже покойнаго Дзержинскаго.

Это все тот же распыленный по периферіи и управляемый из центра громадный неподвижный аппарат, который, не имѣя иниціативы, появляющейся только там, гдѣ есть элементы хозяйственной свободы, выросшій на почвѣ произвола, питается сѣменами послѣдняго, лишен правовой основы и живет тѣм же, чѣм и всѣ остальныя совѣтскія организаціи,— подачками из государственной казны, т. е. питается трудом и потом крестьянской массы, как истинный паразит.

Государственная и кооперативная торговля своими расцѣнками мало отличается от частной торговли в области сбыта тѣх товаров, которые находятся на рынкѣ в достаточном количествѣ и которые попадают от трестов торговцу безпрепятственно, т.е. на которых не тяготѣет запрещеніе отпуска „частнику“. Таким образом переплаты населенія за плохую организацію и дороговизну услуг совѣтской торговли оказываются безнадежно безплодными. Такой вывод опять таки не является выводом какого либо принципіальнаго врага хозяйственной совѣтской системы, он ежедневно подтверждается самими коммунистиче-

скими наблюдателями на столбцах ежедневной совѣтской прессы и индексами цѣн приводимыми изслѣдованіями сов. экономистов.

Так на страницах „Экономич. Жизни“ (№ 2380) в отдѣлѣ торговли дана такая характеристика государственной товаро—проводящей цѣпи:

„Характерным [для гос.—торговли] является то, что рынок обычно получает не то, что надо, не тогда, когда надо, не столько сколько надо, при чем все по неустойчивым цѣнам. Весной, напримѣр, когда требуется для разнаго рода подѣлок и ремонта с.-х. инвентаря мелкій гвоздь, достать его на рынкѣ нельзя было; осенью же, когда постройки кончаются и требуется, главным образом, крупный гвоздь, на рынкѣ в предложеніи имѣется лишь мелкій гвоздь.“

В теченіе всего года в Сибири острый недостаток кровельнаго и сортоваго желѣза. Не лучше положеніе с олифой и красками, а также с кирпичем, и стеклом. Цемент появился в предложеніи только во второй половинѣ строительнаго сезона.

Осенью этого года сотни и тысячи вновь отстроенных домов не могли быть закончены за отсутствіем на рынкѣ стекла; любимое дѣтище коммунистов —Волховстрой не мог дать своевременно Петрограду электрической энергіи из за отсутствія или неприбытія в срок машинных частей, запоздав почти на цѣлый год. и т. д., и т. под“.

Необходимо при этом замѣтить, что разница между оптовыми и розничными цѣнами все ростет, и торговыя накидки гос.- торговли и кооперації непрерывно увеличиваются. Для характеристики приведем статистическія данныя совѣтских учрежденій по накидкам на ситец, т.е. на товар по преимуществу широкого рынка... На протяженіи послѣдних трех лѣт циф-

ры накидок рисовались в слѣдующим видѣ. В октябрѣ 1924 г. они составляли 25,2 % оптовых цѣн, в январѣ 1925 г, 29,8 %, в октябрѣ 1925 г.—47,5 %, в январѣ 1926 г.—51 %, в іюлѣ 53,5 %. Даже на такой товар, как керосин, который обычно на рынках совѣтской торговли имѣется в изобиліи, накидки не понижаются менѣе 25 %. Удорожаніе производства, повторяющееся из года в год прогрессивным темпом, сопровождается удорожаніем услуг сов. торговли. К концу 1926 г., на взирая на всѣ торжественныя увѣренія о предстоящем уменьшеніи цѣн на промышленные товары послѣдніе вновь повысились на 10-15 %, как то констатируется резолюціями 15-ой парт. конференціи.

Однако же для широкого рынка тяжела не только дороговизна товаров. В нѣкоторых случаях крестьянин, кустарь, горожанин согласны были бы заплатить и тройную цѣну за вещь, лишь бы ее только имѣть. Особенно гибельно на народном хозяйствѣ сказывается недостаток сельско—хозяйственных машин, уборочнаго снопо—вязальнаго шпагата, желѣзных издѣлій, стекла и сырья для кустарной и мелкой промышленности.

В тот самый год (1926), когда из за границы в цѣлях поощренья скорѣйшей индустріализаціи сельскаго хозяйства было ввезено около десяти тысяч тракторов, и на это истрачены были милліоны народных денег, часто без пользы для населенія (по отсутствію инструкторов, мастерских и недостатку частей для машин), сельско—хозяйств. склады не могли удовлетворить 40 % крестьянскаго спроса на менѣе сложный, но болѣе необходимый с.-хоз. инвентарь в видѣ простѣйших машин и орудій, как напр. вѣялок, граблей конных, жаток, кос и т. под. В том же го-

ду по свѣдѣніям совѣтской печати уборочные с.-хоз. машины Сѣвер. Кавказа в большинствѣ не имѣли примѣненія за полным отсутствіем снопо—вязальнаго шпагата у кооперації и гос. торговли. Кустарныя заведенія центра Россіи в тот же період времени не имѣли возможности развернуть свое производство в мѣру своих потребностей в виду невозможности достать на рынкѣ достаточнаго запаса желѣза, шерсти, пряжи и т. под.

В видѣ утѣшенія и компенсаціи лѣтом 1926 г., когда украинскій крестьянни с нетерпѣніем ожидал прихода на рынок серпов, кос и топоров, ему кооперативами Полтавской и Харьковской губерній было предложено раскупить сорок тысяч только—что прибывших из Австріи ночных эмалированных горшков. —„Даже борща в них нельзя сварить“—жаловались крестьяне,—крышек нема!..“—

Таковы знанія и распорядительная энергія государств. торговца! Легко себѣ представить, как подобный жалкій невѣжда торгует на иностранных рынках, завоевывать которые он собрался!

Сколько убытка он может принести странѣ по своей торговой неграмотности или недобросовѣстности! Недаром даже бывшій каммисар финансов Сокольников (Бриліант) пришел к заключенію, что монополія внѣшней торговли должна быть уничтожена.

Как полно обслуживает гос.--торговля нужды населенія в товарах? Общих цифр по всѣм отраслям мы не имѣем возможности привести, ограничимся лишь данными по снабженію металлами. В этой области, как и в большинствѣ других, наблюдается товарный голод. По подсчетам Совѣта труда и Обороны потребность рынка в черных металлах за 2 послѣдніе года и сте-

пень удовлетворенія рисуется в слѣд. таблицѣ:

	1925—26 г.	1926—27 г. в милл. дов. р.
Потребность	412	481
Удовлетвореніе	299	346
Дефицит	113	135

Как видно, не смотря на всѣ усилія гос.—промышленности развить производство металлов, отсутствіе капиталов не позволяет обслужить рынок, удовлетворить вполнѣ платежеспособный спрос, дефицит снабженія, т.е. товарный голод не сокращается, а увеличивается. Приведенныя цифры далѣе слишком суммарны, чтобы понять, до какой степени гос.--торговля не справляется с задачами снабженія населенія металлами, необходимо разбить потребителей металлоиздѣлій по категоріям и установить, в какой мѣрѣ удовлетворяется каждая из них. Сов. экономист Гр. Спектор приводит в своей статьѣ такую характерную таблицу.*)

Группы потребителей	1925—6 г. % удовлетворенія	1926—27 г.
Транспорт	89.8	96
Металлич. промыш. союзная	78	77
„ „ кустарная	46.9	48.7
Торговля и кооперація	44.2	38.5.

Таким образом только нужды транспорта металло—промышленность удовлетворяет болѣе или менѣе удовлетворительно, хотя и не вполнѣ, нужды самой металло промышленности притом общесоюзной—наиболѣе важной—она удовлетворяет всего лишь на 77 %, кустарей она обслуживает менѣе, чѣм в половину их потребности, а широкій рынок потребленія всего на 38 %, причем сравнительно с прошлым го-

*) „Эк. Ж.“ № 163 за 1926 г.

дом процент удовлѣтворенія уменьшается. Таким образом товарный голод в деревнѣ и городѣ на металлическія издѣлія не только не уменьшается, а непрерывно растет. При таком положеніи не приходится удивляться, что цѣны товарнаго рынка—цѣны голодныя, непомѣрно вздутыя. Здѣсь уже сказывается закон спроса и предложенія.

В результатѣ неумѣнія одних и злонамѣренности других под покровом бюрократическаго режима сосредоточенія „командных высот“ торговли в руках государства, т. е. общей безхозяйственности и отсутствія иниціативы, населеніе обязано платить колоссальную дань: по исчисленію совѣтских экономистов (Эк. Ж. № 2345 Арт. Кактынт) на чисто торговые накладные расходы (без транспорта, акцизов и т. п.), а именно: организаціонные, комиссіонные, погрузочно—разгрузочные, складочные, страховые и промысловый налог—падает расхода от двух с половиной до трех милліардов рублей червон.

Цифру было бы возможно взять под подозрѣніе, еслиб она не приводилась совѣтским оффиціозом.

Коммунисты нерѣдко стремятся оправдать дороговизну промышленных товаров общими условіями послѣ—военнаго періода и сослаться на примѣры западных стран.

Такія ссылки однако же невѣрны, и нынѣ они сами в этом вынуждены сознаться.

Так по данным экономическаго бюллетеня конюнктурнаго института № 5 за 1926 г. совѣтскія оптовыя промышленныя цѣны стоят в два с половиной раза выше таковых же цѣн мірового рынка.

В теченіе всего 1926 г. коммунисты дѣлали отчаянныя усилія к сниженію цѣн на промышленные

товары. Покойный Дзержинскій, внося по обычаю своему насиліе в экономику, даже предписал, чтобы к 1 августа 1926 г. цѣны промышленных товаров были снижены на 10 %.

Как и слѣдовало ожидать, эти предписанія остались на бумагѣ. Само совѣтское правительство в теченіи того же года три раза повышало тарифы на перевозки грузов по жел. дорогам и тѣм первое показало, что слѣдует не „режиму экономіи", а непрерывному удорожанію производства.

Не трудно, конечно, представить страшное значеніе для всего народнаго хозяйства этих колоссальных переплат,—как в области промышленности, так и торговли. Это уже не милліоны, а милліарды народных денег, приносимых властью в жертву современному Молоху коммунизма,—милліарды, пропадающіе зря не столько благодаря непроизводительному потребленію, как указывает экономиост Маслов, а влѣдствіе веденія производства и обмѣна людьми, поставившими себѣ цѣль ввести его в плановые рамки, но совершеено раздавленными как нахлынувшим на них хаосом хозяйственных задач и противорѣчій, так и психологической природой всякаго человѣческаго существа, слишком эгоистическаго, чтоб направлять всю свою дѣятельность лишь по линіи, полезной для всего общества.

Сельское хозяйство.

„Эта несчастные страна, сбитая с толку в погонѣ за утопическими химерами, представляет из себя громадную развалину“.

А. Юнг.

(О Франціи 1792 г.)

Когда грянула революціонная буря, когда рухнула власть, и сцену русской исторіи заняла международная толпа фантазеров и авантюристов и стала ломать человѣческое общество и человѣческую природу; когда полилась широким потоком русская кровь, когда одна часть образованнаго русскаго общества перешла через границы и эмигрировала, а вторая—, подчинившись,—утратила творческую энергію; когда трудъ потерял внутренную цѣнность, превратившись в барщину на государство, а государство из европейскаго превратилось в ассирійскую сатрапію; когда в результатѣ всего этого трудъ перестал творить, а земля рождать плоды и наступила катастрофа великаго зловѣщаго голода 1920-1921 г., казалось, что государство, заболѣвшее столь острой формой соціальнаго помѣшательства, обречено на гибель.

Среди мрака и ужаса настоящаго только инстинктивная вѣра в крѣпость жизненных сил народа позволяла сохранять бодрость и не впасть в отчаяніе.

Однако же болѣзнью оказалась зараженной только верхушка общества.

Корни русскаго государства глубоко вросли в крѣпкую глубокую подпочву русскаго крестьянства.

И когда ствол дерева был сорван бурей революціи, корни дали новые ростки, и дерево ожило во времена „Н э п ' а“.

С той поры прошло уже болѣе пяти лѣт. Города все по прежнему продолжают оставаться окутанными тусклыми миражами чудодѣйственных соціальных превращеній; по прежнему труд, придавленный пятой казенных теорій, не оплодотворенный хозяйственной энергіей, иниціативой, свободным разумом и наукой, приносит лишь жалкіе горькіе плоды; по прежнему положительныя черты человѣка,—его творческая энергія, предпріимчивость, бережливость эти соціальныя предпосылки, создающія единственную возможность работать в свою и общественную пользу,—подвергаются величайшим гоненіям.

По прежнему удушается все оригинальное, индивидуальное, не подходящее к унылому сѣрому фону этой казармы—государства.

Но внизу уже видны новые сильные побѣги, они пробиваются сквозь чертополох искуственных заграждений, они ломают поставленныя властью преграды, тянутся к свѣту и хотят жить не миражем, а дѣйствительностью.

На поверхности русской жизни появляется вновь издавній строитель государства—крестьянин и все настоятельнѣе предъявляет свои требованія и желанія.

К фантазіям города он не чувствует ни малѣйшаго уваженія. Эти хитрыя соціальныя построенія кажутся его мужицкому уму в лучшем случаѣ блажью, в худшем—желаніем „отвести глаза“ и тѣм легче очистить его карманы.

Дисциплинированный вѣками государственной жизни, он отдѣляет потребности государства от его прихотей и выполняя первыя, он все сильнѣе оказывает противодѣйствіе вторым.

Понимая, что всякая власть, как бы ничтожна она ни была, должна располагать воинской силой для охраны от иноземных вторженій, он акуратно поставляет государству новобранцев, он исправляет повинности, как онѣ ни тяжелы, платит палоги, если это по его силам, словом,—выполняет все то, что может от него требовать всякая разумная власть.

Но когда эта власть, которую ему скорѣе навязали, в избраніи коей он не участвовал, пробует посягнуть на его вѣру, он из безучастнаго зрителя, из индифферентнаго выполнителя обрядов, превращается в упорнаго сторонника церкви и добивается того, чтобы власть не трогала его святынь.

Он многаго не понимает в окружающей город туманной мглѣ, его уши оглушены этим ежедневным потоком оффиціальной лжи, казенных похвал, расточаемых правителями самим себѣ, он не сразу оріентируется в навязчивых ежедневных увѣреніях властей, что онѣ его, мужика, слуги и радѣтели.

Ему некогда удѣлять много вниманія городским дѣлам. Послѣ эпохи военнаго коммунизма, послѣ разгромов его собственнаго хозяйства военными отрядами, отбиравшими хлѣб, он занят возстановленіем хозяйства, разрушеннаго городом, и он уже доволен, если город его не тревожит, не мѣшает его трудам.

В этих непрерывных заботах и напряженном трудѣ проходят мѣсяцы, годы.

Неусыпная напряженная работа наконец приносит плоды. Бог посылает урожаи. Убогое хозяйств

деревень немного начинает оправляться от разрушеній.

Появляется нужда в земледѣльческих орудіях, в гвоздѣ, в одеждѣ и обуви, в строительных матеріалах, и к удивленію крестьянина город дает ему только половину нужнаго количества, а за предлагаемое требует тройныя деньги.

Приходит новый урожай. Потребности крестьянскаго двора еще болѣе ростут. Крестьянин прикидывает, сколько нужных ему товаров он может получить за собранное зерно, он оцѣнивает его по привычным нормам, за долгую жизнь он привык это дѣлать и научился считать.

И вдруг и на этот год повторяется та же исторія: товаров в нужном количествѣ нѣт, то, что есть —непомѣрно дорого, и когда он подсчитывает, что же он получит от города взамѣн отданнаго послѣднему хлѣба, он видит, что он безсовѣстно и нагло обманут.—От хорошаго урожая у него не осталось ничего или почти ничего. Все взяло—во первых—ненасытное всемогущее государство и во вторых—город—на обмѣнѣ товарами.

И тогда крестьянин, чувствуя себя жертвой какой то „обманной механики“, начинает приглядываться к городу, начинает дѣлать свои наблюденія и выводы.

Что же он может увидать?

Сельское хозяйство СССР в 1926 году увеличило свой темп развитія весьма значительно,—в этом году приблизительно 88 % земель, обрабатывавшихся в 1913 г., уже находились в распашкѣ.

По данным выборочнаго обслѣдованія, произведеннаго в 1926 г. по 35 губерніям в составѣ крестьянских хозяйств по посѣву на протяженіи послѣдних

4-х лѣз замѣчались слѣдующія измѣненія (в процентном отношеній).

	1922	1923	1924	1925	% роста или уменьшенія за періоД
Без посѣва	6,9	5,3	4,8	4,2	—40 %
Посѣв до 2-х дес.	45	40,7	36,6	33	—26
—от 2 до 6 дес.	40,3	44	46,7	49	+15
от 6 до 10 дес.	5,6	7,8	9	10,2	+80
Свыше 10 дес.	1,2	2,2	2,9	3,3	+175

Замѣчаемое увеличеніе посѣвной плащади таким образом наблюдается одинаково во всѣх видах хозяйств, а число безпосѣвных уменьшилось болѣе чѣм на одну треть. Также наблюдался и рост скота вплоть до 1926 г., когда он пріостановился. Всего быстрѣе ростут хозяйства болѣе сильныя, особенно приближающіяся о фермерскому типу с запашкой выпе 10 десятин.

Продукція сельскаго хозяйства за три послѣдних года также непрерывно увеличивалась, в 1925—6. г. она исчислялась совѣтской статистикой в суммѣ около десяти милліардов довоенных рублей (не считая продуктов лѣсов и охоты), в 1926—7 г. она по предположительным подсчетам должна была бы дать крестьян тву на 600 милліонов больше.*) (По данным Конюнктурнаго Института валовой доход от сельскаго хозяйства равен в 1925 г.—1926 г. только 7276 милл. рублей—Обычный разнобой совѣтской статистики).

Эту премію за энергію и трудолюбіе оно и получило бы при существованіи нормальных хозяйственных отношеній, теперь же при совѣтском строѣ хорошій урожай мало приносит веселых перспектив

*) „Эк. Ж“. № 226-1926 г.

крестьянину, и он в результатѣ „хитрой механики“ коммунистов снова ничего не получит.

Как мы видѣли выше, произведенія промышленности и СССР уже при выпускѣ их с фабрик стоят нынѣ в два раза выше, чѣм до войны. Пройдя ряд совѣтских торговых организацій, они попадают из лавки совѣтскаго кооператива или частнаго торговца в руки крестьян по цѣнѣ уже учетверенной, в рѣдких случаях –утроенной против нормы. Таким образом крестьянин в наше время может имѣть за свой рубль в три—четыре раза меньше товара, чѣм до войны и фактически получит лишь часть того, что ему требуется.

Дефицит промышленных товаров в 1925 году—1926 г. опредѣлялся в 277 милліонов рублей, в слѣдующем—он достигает 384 милл. рублей (Эк. Ж. от 16-X).

Итак, благодаря „хитрой торговой механикѣ“ всякій довоенный рубль превращается всего в четвертак. Но это не все.

Крестьянин получает средства, нужныя для покупки товаров и уплаты налогов только послѣ совершенія им продажных сдѣлок на хлѣб.

Сколько же он получает за сельско—хозяйственные продукты.

Сколько ему дает город?.

В этом отношеніи „хитрая механика“ дѣйствует не менѣе успѣшно.

Интересныя цифры по этому поводу находим в таблицѣ „Экономич. Бюлл. Конюнктурнаго Институту“ № 5—1926 г.:

Отношеніе міровых оптовых цѣн к цѣнам СССР, принятым за сто.

Д а т ы	Пром. товары	Сельско-хоз. товары
1913 г.	64	143
1925 г.	44	146
1926 г. (1 Марта)	38	114

Из таблицы видно, что в „эксплоататорской“ Англіи промышленныя цѣны за эти годы упали сравнительно с нашими почти вдвое, а селько-—хозяйственные продукты только на 20 %.

Какой же политики цѣн держится правительство, называющее себя „рабоче—крестьянским“?.

Как оно охраняет интересы обездоленнаго землероба.

Вывод из всѣх приведенных выше цифр может быть один отрицательный.

Растрачивая и распыляя без пользы для населенія и казны грсмадные капиталы в области промышленности и торговли, совѣтская власть пытается весь минус уродливаго и неумѣлаго хозяйничанія свалить на плечи наиболѣе сильнаго физически, наименѣе активнаго политически класса мелких землевладѣльцев. Игнорируя завѣт Ленина, предостерегавшаго от чрезмѣрнаго нажима на крестьянское хозяство, напоминавшаго, что мы уже давно ѣдем на заморенной кретьянской кляченкѣ и можем ее забить, коммунисты в 1926 году предпринимают новый поход на мужицкій кошелек, пытаясь хитростью или силой забрать у него послѣдніе гроши, нужные им для осущетвленія проэктов так называемой „индустріализаціи“ страны.

Поход ведется в двух направленіях:

1] изъятія больших масс сельско—хозяйственных товаров путем пониженія цѣн таковых,

2) путем суроваго нажима налоговаго пресса.

По данным совѣтской статистики первая часть задачи выполнена с успѣхом. Уже лѣтом 1926 г.

хлѣбныя цѣны по СССР снизились: пшпницы на 38%. ржи—на 43%, ячменя на 51%. *] Корреспондент „Экономической Жизни“ из Ульяновска шлет своей редакціи торжествующую телеграмму:“ Цѣны на рожь упали до 45 и даже 42 коп. пуд. Впервые за послѣдніе 25 лѣт.“

Чтобы пресѣчь мужику возможность продавать хлѣб по болѣе справедливым, выгодным для него цѣнам конкуренту--частному торговцу, обычно предлагающему высшія цѣны, желѣзным дорогам было предписано не отправлять и не принимать от частных лиц хлѣбных грузов; в тѣх же цѣлях были закрыты банками кредиты под хлѣб частникам, а с цѣлью избѣжать конкуренціи частных мукомолов большинство арендованных мельниц было у их арендаторов отобрано в казну.

Весь громоздкій и грозный аппарат совѣтской власти был таким оброзом пущен в ход, чтобы разжать крестьянскій кулак, слишком крѣпко сжимавшій трудовой хлѣб.

Чтобы хотя приблизительно понять реальное значеніе для крестьянина потерь на удешевленіи хлѣба, достаточно указать, что по контрольным цифрам Госплана товарная часть продукціи крестьянскаго хозяйства в 1925 году выражалась в цифрѣ 3929 милліонов рублей, а на 1926 год предполагалось довести до цифры 4373 милл.

Таким образом, цри паденіи хлѣбных цѣн только на тридцать процентов в среднем, крестьянство теряло свыше одного милліарда рублей...

Этого для „рабоче—крестьянской“ власти казалось недостаточно. Для выжиманія из мужика хлѣба

*) „Эк. Ж.“ № 197 1926 г.

сельско—хозяйственный налог был вновь и значительно повышен, особенно для хозяйств фермерскаго типа, по преимуществу поставляющих хлѣб на прода. жу.

Еще в прошлом 1925-6 г. высшій предѣл обложенія по сельско—хозяйственному налогу в среднем по СССР опредѣлялся в 12 % дохода, в нынѣшнем 1926-1927 г. он увеличился вдвое, достигнув 24 %.

Новыя ставки налога страшно тяжелы как раз для середняцких и фермерских хозяйств, примѣрно для 25 % крестьянских дворов всей Россіи. (Около 5 милліонов дворов). В эту группу входят во первых, хозяйства с годовым „условным“ доходом от 450 и до 800 рублей и во вторых, выше 800 рублей.

Первая группа—это именно тот еще не вполнѣ окрѣпшій слой болѣе культурнаго трудового крестьянства, которым держатся всѣ достигнутые кое—какіе успѣхи сельско—хозяйственной техники, слой, который энергично развивает продукцію своих полей, кормит города, дает милліоны пудов на столь необходимый совѣтской власти экспорт и снабжает техническим сырьем совѣтскія фабрики.

С этих хозяйств, столь недавно вышедших из состоянія нищеты, государство взимает налога на 40 % выше прошлаго года. В абсолютных цифрах это составляет от 40 и до 80 рублей в год на каждый двор; если прибавить сюда же еще расходы страхованія, крестьянское самообложеніе, расходы на культ и т. п., то эта цифра должна быть болѣе чѣм удвоена, т. е. обложеніе превысит 25 % дохода этого типа хозяйства.*) Совѣтская статистика не отличается объективностью, агенты ея внизу очень часто

*) М. Лившиц. „Тяжесть сельско-хоз. налога.“ Москва.

перегибают палку, стремясь показать свое усердіе и пониманіе поставленных „ударных задач“. Поэтому, если в этих исчисленіях кто и погрѣшает, то только не в сторону благопріятную для крестьянина. Вот почему вполнѣ возможно признать справедливость тѣх заявленій отдѣльных крестьян и даже общин, в которых они жалуются, что обложеніе далеко превышает эти размѣры.

Если же однако от этой середняцкой группы перейти к высшей категоріи крестьянских хозяйств, доходность которых свыше 800 рубл., то обложеніе принимает обычный для коммунистов характер конфискаціи имущества предпріимчивых и энергичных хозяев, ставших для партіи ненавистными, как возможные капиталистическіе наслѣдники рахитическому періоду „Нэп‘а“. Группа эта насчитывает по исчисленіям совѣтских статистиков свыше одного милліона хозяйств. Тяжесть обложенія этой группы выясняется из слѣдующаго примѣра, заимствованнаго нами у того же совѣтскаго автора.

Предположим, что крестьянское хозяйство имѣет 2000 рубл. дохода, состоя из 8 ѣдоков, т. е. располагает всего 250 рубл. на человѣка. С такого крестьянскаго хозяйства совѣтская власть взимает около 400 рублей сельско—хозяйственнаго налога. Если сюда присоединить самообложеніе (100 % сельско—хозяйственнаго налога) страхованіе, оплату двух сезонных рабочих и иные расходы болѣе мелкіе, то окажется, что налог отбирает свыше 50 % дохода, при—том дохода, так называемаго „условнаго“, который был исчислен по весенним ставкам на хлѣб, когда цѣны на него стояли на 30-40 % выше теперешних.

При примѣненіі подобных грабительских норм сельско—хозяйственный прогресс становится абсолют-

но невозможным, зажиточный крестьянин неизбѣжно превратится в обобраннаго, озлобленнаго, раззоренна-го полу—паупера—„раскулачивается“.

Что несет это „раскулачиваніе“ наиболѣе энергичной части крестьянства?

Крестьяне непосильными налогами вынуждаются дѣлиться, чтобы перейти в низшій по обложенію разряд.

Из сильной естественной семейной кооперації крестьянскаго хозяйства, выбрасывающаго хлѣб на экспортный рынок, получается два-три маломощных „полу—бѣдняцкаго“ типа, продукціи коих едва хватает для собственнаго потребленія. Совѣтское государство, разоряя во имя навязчивой химеры, утопической фантазіи, на практикѣ лишь приводящей к нищетѣ, всеобщему недовольству и неизбѣжному краху, —наиболѣе способных, энергичныхъ и сильных, подрывает тѣм самым основы своего собственнаго существованія, на практикѣ доказывает, что основы коммунистической партіи находятся в непримиримом противорѣчіи с интересами всего государства.

Чтобы закончить очерк отношеній совѣтской власти к крестьянству, необходимо коснуться сравнительной тяжести обложенія крестьянства и других классов населенія в СССР. Вывод удивит своей неожиданностью.

„Рабоче—крестьянское“ правительство относится к крестьянству значительно суровѣе, чѣм к городскому буржуа. Это не какой либо парадокс, а вывод, напрашивающійся сам собой при разсмотрѣніи норм обложенія отдѣльных классов населенія.

Так, если взять для сравненія нормы сельско—хозяйственнаго налога и сравнить их с таковыми же по подоходному налогу, то окажется, что налог в

размѣрѣ 41 рубля платят: торговец с доходом в 1200 рублей, кустарь с доходом в 1360 рублей, служащій и рабочій с доходом в 3800 рублей и крестьянин с доходом всего лишь в 440 рублей.

„Привиллегированные“ рабочіе и служащіе, получая вознагражденіе ниже 400 руб. в год, не облагаются подоходным налогом, „привиллегированные“ крестьяне платят значительный налог (6 1|2 %) уже при годовом ницценском доходѣ в 150 рублей на хозяйство.

Принятая с апрѣля 1926 г. система опредѣленія окладного дохода необычайно примитивна и дает полный простор усмотрѣнію органов фиска, тѣм менѣе совершенных, чѣм болѣе они удалены от центральнаго аппарата, чѣм ближе приближаются к плательщику. Так в объекты. подлежащіе обложенію налогом, включены внѣ—земледѣльческіе заработки т. е. кустарные и отхожіе промысла, как извѣстно в большей части носящіе просто потребительскій характер, и в сущности не дающее населенію почти никакого дохода. Исчисленіе таковых доходов носит совершенно ненормальный характер, является сплошным произволом. Не лучше обстоит дѣло и с исчисленіем чисто сельско—хоз. доходов. Оно строится не только по степени оцѣнки размѣра урожая, но и по системѣ оцѣнки имѣющагося у крестьян сельско—хоз. инвентаря.

Чѣм болѣе интенсифицирован, улучшен инвентарь в хозяйствѣ, тѣм выше платимый налог. Прошлой осенью с мѣст нееся цѣлый поток жалоб на систему взиманія налога, уничтожающую для крестьянства всякій смысл пользованія такими усовершенствованными уборочными машинами, как напр. молотилки. Из Смоленской губ., с Украйны сообщались

факты, из которых было очевидно, что налог отнимал у сельскаго хозяина не только ту пользу, которая приносилась подобными машинами, но сверх того еще и нѣкоторую часть дополнителаго капитала, т. е. это был уже не налог с дохода, а налог с самаго капитала.

Варварская налоговая система уничтожала таким образом всякій интерес к развитію и дальнѣйшей интенсификаціи сельскаго хозяйства в смыслѣ пользованія болѣе совершенными сельско—хозяйственными орудіями.

Так отчетливо вырисовывается при свѣтѣ фактов „покровительственная" политика рабоче—крестьянскаго правительства к крестьянству.

„Хитрая механика"

Поход коммунистов на тощій кошелек мужика в условіях „Нэп'а" по внѣшней своей видимости как будто приблизился к практикѣ цивилизованнаго го сударства; уже не снаряжаются военныя экспедиціи для отобранія у крестьянина послѣдних хлѣбных запасов, не отбирают всего, что у него есть, предоставляя его ужасам голодной смерти, но как мы видим, и ныне дѣйствующая система налоговаго обложенія сохраняет всѣ признаки конфискаціи, и фин—агент при надобности отбирает послѣднюю корову и ведет со двора овцу, при сопротивленіи призывая отряды ГПУ.

Этим налоговым нажимом совѣтская власть не ограничивается Система совѣтскаго строя и сосредоточенія в ея руках „командных высот" позволяет ей развить и направить так товарообмѣн сельскими продуктами внутри страны, что в распоряженіе фис

вновь попадают громадныя матеріальныя цѣнности, отбираемыя у того же сельскаго производителя.

Здѣсь уже дѣйствует не сила отрядов „особаго назначенія“, а финансово-хозяйственная система, та „хитрая механика“, которая, всѣ усилія крестьян к возможному поднятію своего хозяйства обрекает на неудачу.

Крестьянское хозяйство современной Россіи извлекает рессурсы из трех почти равных источников —хлѣбных злаков. продуктов технических культур и животноводства. По данным Госплана зависимость того или иного вида сельско хозяйственнаго дохода по основным группам за послѣдніе три года такова:

	24|25 г. Удѣльный вѣс по современ. цѣнам произв.	25|26 г. Удѣльный вѣс по современ. цѣнам произв.	26|27 г. Удѣльный вѣс по современ. цѣнам произв.
Зерновые хлѣба, сѣно солома и проч. кормовыя культуры . . .	27,7	28,7	33,4
Техническія культуры (включая картофель, овощи и фрукты) . . .	31,1	32,8	28,6
Продукты животноводства. Весь доход от товарн. части сельскаго хозяйств.	41,2	38,5	38

Если вопрос о хлѣбных цѣнах таким образом является для крестьянина весьма важным, то таким же представится и вопрос о цѣнах на сельско-хозяйственное техническое сырье.

Как в первом случаѣ совѣтская власть стремится возможно болѣе понизить цѣны, чтобы получить большой доход при вывозѣ заграницу, так и в отношеніи сельско—хозяйственной продукціи технических культур и животноводства интересы крестьянства целиком отданы в жертву своры гострестов и синдикатов закупающих сырье, нужное для фабрик и заводов, а иногда торгующих на тот же экспорт.

„Вверху“ могут сколько угодно писать церкуляров о сниженіи накладных расходов; сколько угодно предписывать „строжайшую экономію“, „внизу“ эти приказы расшифруют: станут в цѣлях экономіи платить за лен, табак, свеклу или подсолнух, шерсть или кожу на 30% дешевле, и баланс „экономій на мужикѣ“ покроет безалаберную безхозяйственность неуча и расточительность мошенника, швыряющаго чужія деньги.

В качествѣ иллюстраціи приведем один примѣр.

Заготовительныя цѣны на лен в теченіе трех мѣсяцев 1925 г.—1926 г. были понижены совѣтской властью три раза, в октябрѣ и декабрѣ 25 г. и январѣ 1926 г. послѣдній раз с 6 р. 80 к. до 6 р. 30 коп. за пуд. Цѣны понижались на внутреннем рынкѣ без причины со спекулятивными цѣлям и в то самое время, как на заграничном рынкѣ онѣ стояли на уровнѣ около 11 р. 50 коп. за пуд, не проявляя тенденціи к снижению...

Если обратиться к сельско—хозяйсвенным цѣиам по отдѣльным производящим районам, то мы видим на цифрах ясно выраженную тенденцію совѣтской власти во вред крестьянскому хозяйству злостно спекулировать на цѣнах его продукціи.

Любопытныя сопоставленія, ярко иллюстрирующія этот вывод, находим в данных Конъюнктурная

Института, приводимых г. Яковлевым („Эконом. Жизнь“ № 247 и слѣд.), сведенных в слѣдующую таблицу:

Наименованіе отношеній.	Картофельный и льноводный районы. IIIУ—26 г.	Льноводный район. IIIУ—26 г.	Молочно—пшеничный районъ. IIУIII—26 г.
Индекс цѣн отдѣльных производимых в районѣ сельско—хозяйст. товаров, к общему индексу цѣн всѣх с.-х. товаров, производимых в районѣ.			
Пшеницы .	—	—	0,76
Картофеля .	0,78	1,03	0,91
Льноволокна,	0,66	0,55	1,36
Овса . . .	1,26	1,02	1,04
Молока . .	1,02	1,16	0,91

Как видно из этой таблицы, по общему правилу совѣтская государственная торговля устанавливает по отдѣльным районам тѣм меньшія цѣны, чѣм болѣе районъ заинтересован в сбытѣ своей товарной продукціи. Если крестьянин производит в извѣстной области на продажу лен, совѣты там понижают его цѣну на 25—40% сранительно с областью сосѣдней, где лен мало идет на рынок, в молочно—пшеничном районѣ за пшеницу платят на 10—20% меньше, за молоко на 25—30% меньше; в областях товарнаго разведенія картофеля за него предлагают крестьянину на 25—40% меньше сосѣдняго района и т. д.

Пользуясь своим положеніем государственнаго купца, имѣя в своем распоряженіи не только госу-

дарственную казну, но и государственныя средства принужденія, аппарат транспорта и монополію внѣшней торговли, совѣтская государственная торговля из купца превращается в государственнаго вымогателя, насиліем или хитростью выбивавщаго из сельскаго производителя послѣднія средства, отбирающаго всѣ излишки его скуднаго хозяйства.

Вѣчно ненасытная в своей скаредности, не довольствуясь громадной разницей между внутренней и заграничной цѣной, она непрестанно стремится еще болѣе их снизить, притом именно там, гдѣ сельскій производитель начинает выказывать признаки энергіи, гдѣ имѣются зачатки промышленнаго земледѣлія. Жадная и невѣжественная, она не замѣчает при этом того, что подобной, хуже чѣм кулацкой политикой, она рубит сук, на котором висит дальнѣйшее развитіе народнаго хозяйства и прежде всего той же государственной промышленности.

Уже в 1926 году эти результаты начали сказываться.

Рост посѣвных площадей кое-гдѣ пріостановился (потребляющіе районы), кое-гдѣ продолжается (хотя и в очень слабом темпѣ), зато техническія культуры всюду пошли вспять. Под подсолнухом и кукурузой посѣвы сократились до 79% прошлогодних (Украина) и 84% (С. Кавказ), под табаком до 84%; крестьяне уменьшают сѣв свеклы, картофеля, льна и проч.

Прирост скота прекратился. В потребляющих районах число его упало до 84% прошлогодняго, в производящих падает свиноводство и т. п. и т. д... В результатѣ совѣтская промышленность, не имѣя возможности достать на мѣстном рынкѣ сельско-хозяйственное сырье, вынуждена ввозить его из заграницы в размѣрѣ 40% всего импорта.

Экспорт технических культур сокращается. В 1925 году он равнялся по льну одной четверти до—военнаго, в 1926 году—будет еще того меньше. По табаку, нѣкогда представлявшему такое видное значеніе в балансѣ вывозной торговли, положеніе еще хуже, в 1926 г. на экспорт еще шло около 200 тысяч пудов, в слѣдующем—желтаго табака не хватит для собственнаго потребленія.

Государственные заготовительные планы по масляному сѣмени выполнены были лишь на 80% предположеній. Причина—установленіе на него цѣны 80 коп. за пуд, т. е. в два раза меньшей, чѣм до войны. [в соотношеніи с хлѣбными цѣнами]. Хлопка не хватило 50% потребности. Шерсть и кожа ввозятся в все больших количествах, как будто мы не страна сельскаго хозяйства, а какой то промышленый Манчестер. Экспорт сливочнаго масла из сибирскаго и иных районов сокращается из за низких заготовительных цѣн и т. д. и т. по д.

Подобная политика нелѣпа не только потому, что она мѣшает развитію промышленности, она преступна еще болѣе потому, что, уничтожая в крестьянской средѣ стимул к совершенствованію хотяйства, препятствует росту народнаго производства и обрекает сельскаго хозяйна на застой и косность хлѣбной продукціи. Совѣтская власть активно препятствует таким образом прогрессу земледѣлія и наивно удивляется, когда начинают проявляться первые вѣстники того, что крестьянин не останется покорным свидѣтелем и слѣпым потатчиком ея „мудрым“ распоряженіям.

Поход коммунистов на кошелек мужика уже предпринимается не первый раз, в сущности это повтореніе в миніатюрѣ налетов 1920 года с конфискаціями всего наличнаго хлѣбнаго запаса.

Тогда крестьяне отвѣтилк на повсемѣстное ограбленіе сркращеніем запашки, переходом на натурально—потребительское хозяйство, рядом мѣстных возстаній.

Если послѣднія только ухудшили его положеніе, то первый метод одержал рѣшитсльную побѣду, вызвав появленіе „Нэп'а".

Судя по вышеизложенному, и сейчас крестьянство отвѣтит на повышеніе налогов и „хитрую механику" соотвѣтствущим образом.

Это будет не слѣпой и кровавый бунт, а экономическое воздѣйствіе,—удар по самому больному чувствительному для совѣтскаго хозяйства мѣсту, производству технических культур и на экспорт.

Послѣднія извѣстія совѣтской прессы подтверждают эти выводы Корреспонденты из производящих хлѣб районов (Томская губ., Сѣв. Кавказ, Украина) единогласно сообщают, что болѣе состоятельные крестьяне уплачивают налог, но заявляют, что на будущій год они запахивать много хлѣба не будут, ибо отдавать казнѣ весь продукт труда нѣт никакого смысла. Словом, повторяется в нѣкотором родѣ исторія 1920-21 годов, кода из за массовых реквизицій хлѣба крестьяне прекратили запашки, ограничивая их лишь своими потребностями.

Если в 1924-5 г. продукція технических культур по довоенным цѣнам опредѣлялась в 461 милл. рублей, поднялась в слѣдующем до 715 милл., то в 1926 г. Госплан опредѣляет ее лишь в 672 милл. рублей.

Конфискуя путем налога у сельских производителей от 12 до 50 % их товарных излишков, совѣтская власть пользуется этими срествами для развитія экспорта и пополненія бюджета.

Большой интерес представляло бы прослѣдить, насколько умѣло и цѣлесообразно для государства расходовались доселе эти товарныя массы, однако по условіям мѣста мы лишены этой возможности.

Коснемся в общих чертах лишь вопроса о том, насколько выгодно для страны реализуют совѣтско—хозяйственные органы заграничный хлѣбный экспорт, как отражается на доходности хлѣбной торговли—этой самой важной отрасли внѣшней торговли Россіи, совѣтская система хозяйства.

Возьмем для сравненія страну, наиболѣе по своим естественным условіям приближающуюся к Россіи—Канаду. *)

Расходы на пуд вывозимаго заграницу хлѣба в копейках на пуд выражются в слѣдущих размѣрах:

Статьи расходов	СССР.	Канада.
	Копейки	
1. Расходы от прибытія на ссыпные пункты до погрузки в вагон. .	15,40	2,65
2. Расходы по доставкѣ к порту .	21,60	40,68
3. Расходы в порту по погрузкѣ и морской перевозкѣ	18,95	12,65
4. Расходы по экспорту и реализаціи	5,30	0,90
	61,25	56,88

Анализируя таблицу, мы видим, что в то время, как организаціонные и торговые расходы в Канадѣ равны всего 16,23 коп., в СССР они поглощают

*) Цифры взяты из книги „Д. Павлова. Хлѣбное хозяйство Канады. Москва“ и „Экон. Жизнь“ от 7-го Октября 1926 г.

39,65, т. е. русскіе производители в сравненіи с канадскими теряют на каждом пудѣ 23,42 коп. из за дурной организаціи совѣтской торговли.

Эти цифры впрочем совершенно тускнѣют при сравненіи с накладными расходами, падающими на иныя отрасли сельско—хозяйственной торговли. Прожорливые пожиратели крестьянскаго достоянія, покупая, напримѣр, лен по цѣнѣ 6 р. 30 коп.-7 р. 10 коп. за пуд, тратят на накладные расходы от 2 р. 80 коп. до 3. руб. за пуд,—суммы совершенно невѣроятныя при капиталистическом хозяйствѣ, а за яйца—совѣтскіе купцы платят крестьянкам лишь 1|3 того, что они выручают на заграничных рынках.

Итоги хозяйства „пролетарскаго“ соціалистическаго государства для крестьянина удручающіе.

Было бы совершенно невозможно учесть тѣ колоссальныя цифры, которыми должно оплачивать русское крестьянство соціалистическія увеленія правящей группы.

Одну из подобных попыток представляет доклад, прочитанный 16-го Октября 1926 года. Я. А. Яковлевым в Московской Коммунистической Академіи. Сумма переплат крестьянства городу по его исчисленію из за вышеозначенной экономической политики превышает милліард рублей в год!

Мы думаем, что эта цифра является преуменьшенной. Городской спрут совѣтскаго паразитарнаго хозяйства выкачивает во всяком случаѣ из крестьянскаго населенія столь громадныя реальныя цѣнности, не давая ему взамѣн ничего или почти ничего, что во истину приходится удивляться и великому терпѣнію народному, и колоссальному запасу жизненных сил, не сгибающихся под страшной тяжестью эконо-

мической политики, столь нелѣпой по системѣ и столь преступной по своим послѣдствіям.

Трагедія великой страны заключается в том, что, несмотря на величайшія матеріальныя жертвы, когда налоги достигают столь чудовишных размѣров, что производительное накопленіе капитала становится возможным только путем нелегальнаго сокрытіе его от ненасытнаго фиска, средства государства растрачиваются то на внутренніе опыты „индустріализаціи“ на соціалистическихъ основах, то на внѣшнія, обреченныя заранѣе на неуспѣх авантюры, вродѣ германской, китайской и индійской революцій или англійских стачек.

Из тощаго крестьянскаго хозяйства ученики Ленина надѣются выколотить тѣ милліарды рублей, при посредствѣ которых они мечтают превратить крестьянскую серемяжную Русь в коммунистическій Рур и Манчестер.

По странной ироніи судьбы люди, называющіе себя послѣдователями Маркса и теоріи экономическаго матеріализма, в своей экономической политикѣ на русской почвѣ превратились в мечтательных и безпочвенных Маниловых, не желающих знать окружающей жизни.

В то время, как они, подобно индусских факирам, обѣщают истомленному промышленной анархіей сто сорока милліонному народу в одну минуту вырастить из пепла пальму,—воздвигнуть без помоши капитала из пустого горшка соціализированной промышленности разрушенное производство, совершают различныя таинственныя заклиненія и в мистическом трансѣ шаманят, их взор едва замѣчает фигуры маленьких людей, занимающихся в дѣйствительности не

мечтами, а грубой и черной прозаической мелкой работой возсозданія промышленности с низов, с фундамента полуразрушеннаго соціальнаго зданія, заваленнаго мусором и обвалившейся землей.

„Красный купец".

„Настоящіе правильные капиталы возникают в странѣ не иначе, как основываясь на всеобщем трудовом благосостояніи ея... Народ найдет в себѣ охранительную силу... захочет труда и порядка, захочет чести". Ф. М. Достоевскій. т. 9 стр. 288.

К тому времени когда появился на сцену „Нэп", недавніе капиталисты за четыре года свирѣпой гражданской войны были или физически уничтожены, как „враги народа", или превратившись в полу—рабов, обязанных „трудовой повинностью", занимались черными работами,—мели улицы или чистили отхожія мѣста, и запас их знаній и способностей пропадал без пользы для общества.

Когда в результатѣ всеобщаго обнищанія, творец коммунизма россійскаго образца, Ленин, под вліяніем крестьянских безпорядков и кронштадскаго бунта перешел на вторыя позиціи и провозгласил эру новой экономической политики,—капиталов и капитализма в Россіи уже не существовало.

Были экспропріированы всѣ фабрики и заводы, всѣ торговыя предпріятія, всѣ домовладѣнія стоимостью свыше 10000 рублей (Это на бумагѣ, на дѣлѣ отбирали и менѣе крупныя) всѣ банки, всѣ транспортныя средства, всѣ земли, нѣдра, воды. Собственники должны были чувствовать себя счастливыми,

когда они могли жить на свобоѣ, в их „владѣніях“ оставлен был воздух...

За время войны и междуусобія роковым образом была истреблена вся кредитная система. Милліард семьсот пятнадцать милліонов золотого запаса государства исчез.

2539 милліонов вкладов акціонерных банков, 239 милліонов Государственнвго Банка и 1685 милліонов рублей мелких вкладов в Сберегательныя Кассы, итого 4463 милліонов золотых рублей (цифры 1913 года) были конфискованы или превратились в пыль в результатѣ обезцѣненія курса совѣтскаго рубля.

На этом страшном пепелищѣ капитализма волею исторіи вчерашніе разрушители призваны были стать строителями новаго хозяйственнаго зданія.

По мысли их учителя, зданіе должно было лишь по внѣшности походить на монументальныя постройки капитализма.

И в то время, как всякій капиталист всегда все строит так, как еслибы он надѣялся прожить цѣлое столѣтіе—прочно и солидно,—это новое строеніе „Н э п ' а“ уже при началѣ его планированія разсчитывается на неопредѣленно корткій період времени,—впредь до того желаннаго момента, когда этот барак вновь можно будет снести и выстроить новое уже вѣчное зданіе соціализма, „если удастся так через 10-20 лѣт“.

В устах творца „Н э п ' а“ такія ограниченія во времени существованія послѣдняго были психологически понятны. Вѣдь это был тот самый человѣк, который еще столь недавно учил несложному искусству всеобщаго разрушенія. Опровергая свои недавніе при-

зывы, рекомендуя собрать осколки разрушеннаго колоссальнаго экономическаго зданія, что бы из них наскоро сложить жалкій примитивный барак, нужно было хотя отдаленной мечтой неясных абрисов будущаго грандіознаго зданія заворожить мысль толпы разрушителей, отвлечь их от рокового вопроса о том, зачѣм же было разрушать большое, чтобы созидать малое.

Тѣ же утвержденія о временном характерѣ Нэп'а звучат и по сейчас, поэтому то экономическая политика СССР подвергается непрерывным колебаніям. За періодами болѣе или менѣе снисходительнаго отношенія к капиталистическому накопленію и „нэпману" неизмѣнно слѣдуют періоды рецидива коммунистическаго разрушенія. Раны соціальному организму, только что начинающія затягиваться, вновь растравляются грубыми соціальными лекарями, не знающими иного леченія, кромѣ хирургической операціи.

Послѣ первых медовых мѣсяцев Нэп'а настает тяжелый 1924 год, когда по признанію наркомторга Каменева, благодаря „жесткой" экономической и фискальной политикѣ, вынуждены были закрыться нѣсколько сот тысяч мелких торговых предпріятій.

Нѣкоторое послабленіе „частнику" в 1925 году вновь смѣнилось періодом „зажима" в 1926 году, когда ему фактически запрещается занятіе хлѣбной торговлей, отбирается или стѣсняется мукомольная промышленность и проектируется ряд мѣр к разрушенію связи частника с кустарем.

Період новой экономической политики, період п е р е х о д н ы й. Фактически идеологи соціализма и соціальной революціи вынуждены были отступить от своих соціальных утопій, но идеологически они хотят эту связь сохранить и ради этого они вре-

менами дѣлают набѣги на нэпмана, крестьянство и наносят этим возстановливающемуся хозяйству большій или меньшій вред.

Однако же чѣм болѣе дней отдѣляет нас от періода эпохи военнаго коммунизма, тѣм болѣе слабыми становятся эти набѣги, тѣм скорѣе и настоичивѣе в дальнѣйшем направляется экономическая политика в сторону упроченія позицій растущими элементами капиталистических отношеній в надежное русло капитализма.

В самой верхушкѣ правящей партіи все громче раздаются голоса, отстаивающіе начала и тенденціи, способные при своем послѣдовательном примѣненіи неизбѣжно привести к новому уже чисто капиталистическому періоду.

Калинин дѣлится с аудиторіей своим замечательным „открытіем“ о том, что не всякій крестьянин, улучшающій свое хозяйство, накопляющій средства производства, выбрасывающій на рынок хлѣб и продукты технических культур, может быть признан кулаком.

Задачи „накопленія“ и обогащенія проповѣдываются Бухариным как очередныя задачи „соціалистическаго накопленія“.

И даже в самой „Коммунистической Академіи“ читаются доклады на тему о том, что „надлежит так организовать политику сельско—хозяйственнаго кредита, чтобы благопріятствовать развитію того типа сельскаго хозяйства, который бы вызвал рост промышленности“, а в своих предпосылках докладчики констатировали, что „разсчитывать в ближайщіе годы на возстановленіе в довоенных размѣрах хлѣбо—экспорта не представляется возможным из за измельчан

крестьянскаго хозяйства и „выпаденія“ помѣщичьих хозяйств“. *)

Укрѣпленное крестьянское хозяйство становится таким образом в глазах части коммунистов вѣрнѣйшим залогом успѣшности их планов развитія промышленности, единственным вѣрным источником пополненія до нельзя отощавшей государственной кассы.

При таких условіях теорія „раскулачиванія“ кулаков имѣет значеніе лишь для коммунистической галерки, повторяющей еще и сейчас покрытые плѣсенью времени лозунги. Облагают состоятельных граждан не столько потому, что боятся возрожденія капитализма, сколько потому, что без того нечѣм будет содержать ни государственный аппарат, ни тучу паразитарных экономических организацій, состоящих на содержаніи государства, не дающих ему ничего, но зато охраняющих „чистоту принципов“ коммунизма, т. е. по просту ставших организаціями преторіанцев, готовых охранять учрежденія и синекуры, гдѣ без работы можно жить, процвѣтать и даже углублять процессы „соціалистическаго накопленія“, конечно, не забывая и своего собственнаго...

Перемѣнным непостоянным храктером экономической политики по отношенію ко всякой частной торгово—промышленной дѣятельности объясняется состав тѣх лиц, которые в період „Н э п ‘ а“ начинают заниматься этим трудным и полным риска дѣлом.

Торговля и промышленность для частных лиц становится занятіем, подобным занятію контрабандным промыслом. „Нэп—ман“—новое названіе торговца и крупнаго пвоизводителя—властями только — только терпим.

*) „Эк. Ж“. № 241 за 1926 г.

Он не гражданин Союза и не может принимать участія в выборах каких бы тот ни было—государственных, профессіональных или общественных организацій, вплоть до сельскаго общества и кооператива.

Даже раззорившись он не получит мѣста ни в одном государственном учрежденіи. Его дѣти не имѣют доступа в высшую школу. Получив счастливым случаем образованіе, только с большим трудом послѣ длиннаго испытанія, безчисленнаго заполненія анкет, гдѣ приходится свое буржуазное происхожденіе замаскировывать близостью дѣдушек и бабушек к благородному сословію пролетаріев, удается такому буржуазному отпрыску поступить на государственную службу.

А если ему не повезет и „буржуазный отпрыск“ попадает на скамью подсудимых, наказаніе ему увеличивается ввиду его происхожденія.

Нэп – ман —это как бы общественный изгой, заранѣе во всем виновный, нераскаянный и зачерствѣвшій в грѣхах грѣшник. В средѣ общества „праведников“, увѣровавших в принципы ленинизма, этот —парія—один своей нечестивой профессіей ежедневно доказывает свое отвратительное невѣріе ..

Торгово—промышленная дѣятельность столь опасное и непривлекательное занятіе, что только очень немногіе из прежняго класса капиталистов рискуют вновь стать в ряды новой буржуазіи.

«Красные» купцы вербуются из того соціальнаго слоя, который недавно еще принимал участіе во всеобщем разгромѣ. Красный купец не напуган, не терроризован, происшедщим.

Его интересы во всеобщей свалкѣ, конечно, также пострадали, но сцены конфискацій и внезапных обогащеній, явившихся слѣдствіем послѣдних, разож-

гли его аппетиты, дали возможность заключить, что и при этом строѣ можно „хорошо заработать“, если „не быть дураком“.

«Первоначальное накопленіе» рѣдко бывает трудовым, оно очень часто запятнано эксплоатаціей себѣ подобных и безсовѣстной спекуляціей.

Могло ли оно быть иным в Совѣтской Россіи в условіях, созданнічх Нэп'ом, экономической политикой коммунистов и политической атмосферой.

Отвѣт может быть только отрицательным.

В новым буржуазном слоѣ воплощаются всѣ отрицательныя субективныя качества типичнаго хищника. Коммунисты, создавая „нэп—мана“, отняли у него всѣ болѣе или менѣе симпатичныя человѣческія черты, которыя были присущи до-революціонному купечеству; они снабдили его взамѣн всѣм тѣм моральным багажом, которым владѣют и сами.

В верхах „нэпманы“ в значительной своей части не принадлежат к русской національности, если же они и вышли из ея среды, то как тѣх, так и других совѣтскій строй не может привлекать и себѣ, он не может их ассимилировать, освоить. Если поэтому „нэп—ман“ спекулирует на человѣческой нуждѣ, если он эксплоатирует человѣческій труд, то это он дѣлает самым наглым и безсовѣстным образом, не сдерживаемый ни моралью, ни общностью культуры, ни бытовыми связями и симпатіями к окружающему населенію. „Нэп—ман“ не станет жертвовать ни на церкви, ни на богадѣльни, он не построит Народнаго Дома или больницы; он мечтает об одном,—скопить достаточно червонцев, чтоб выбравшись из этой угрюмой страны, гдѣ на него смотрят с такой ненавистью, зажить вдали на пріобрѣтенный капитал, как подобает солидному рантье. На берегах Сены

или Шпре он забудет эти годы униженій и опасностей и, конечно, никогда уже не будет рисковать своим капиталом, вкладывая его в совѣтскія „дѣла“. —Не так пріятно считать деньги даже и крупныя, стоя под висѣлицей и чувствуя веревку на своей шеѣ.—

—Тип во многих отношеніях совершенно непривлекательный. Но для страны не столько важны субъективныя качества „краснаго купца“, скольно его объективная полезность. „Нэп-ман“ в совѣтских условіях существованія не только соціально полезен, но даже необходим. Такова логика экономическаго процесса.

Возстанавливать частную торговлю и промышленность начал хищник, торговый волк, злостный спекулянт—красный купец.

Как и его творец—коммунист—он не будет оставаться ни перед чѣм в стремленіи к накопленію, — всѣ средства к тому для него будут пригодны и дозволены,

„Торгуя“ так, он одной ногой уже стоит в тюрьмѣ, но это не убавляет его энергіи. У него есть оправданіе: „Если честные люди во время революціи не гарантированы от тюрьмы и разстрѣла, то что дает честность, и к чему она красному купцу“?

Среди всѣх своих отрицательных качеств в той жестокой борьбѣ за существованіе, на которую он себя обрекает, и среди которой его пороки являются ему лишь щитом, —его энергія его единственная положительная черта.

В обществѣ, гдѣ над правом смѣются и цѣнят лишь силу, гдѣ лицемѣріе, провозглашая лозунг—все пролетарію,—на дѣлѣ ползает перед богатством и роскошью, гдѣ не справляются о том, каким путе

получено богатство, ибо оно могло быть получено только насиліем или прѐступленіем, успѣх все оправдывает и все освящает.

И—„красный“ купец не честность цѣнит, а успѣх, вѣрит только в свои силы, а над моралью в его присутствіи так часто смѣялись, называя это „буржуазным предразсудком“, что и он обман считает дурным дѣлом только тогда, когда за это садят в „подвал“, иначе это для него только „дѣло“.

Условія существованія частнаго предпринимателя при совѣтском строѣ настолько для него неблагопріятны, что только „красный купец“ мог жить и работатя в этих тисках.

От понятія торговли в нормальном смыслѣ этого слова приходится совершенно отказаться.

„Красный купец“ находится в странѣ врагов, с его дѣятельностью власти мирятся только по прискорбной необходимости и с величайшим удовольствіем готовы причинить ему всякую непріятность и вред. Кредит немногочисленных и бѣдных средствами государственных банков для него почти закрыт, поэтому он должен обращаться к услугам „красных ростовщиков“, весьма расплодившихся за время „Нэп'а“ и паденія совѣтской валюты. Кредит же у ростовщика в этот послѣдній період достигал чудовищных цифр—3% в день.

Когда вводится червонное обращеніе, частный дисконт продолжает сохранять свою раззорительность.

Когда деньги тѣм или иным путем получены, надо найти торговое помѣщеніе, а затѣм—и самое главное—надо раздобыть товар.

Не думайте, что это легкая вещь, теперь вѣдь не буржуазный строй, когда магазинов и товаров было

сколько угодно. В наши дни торговое помѣщеніе в городѣ можно снять лишь от Ком—хоза или Мѣст—хоза (Коммунальное и Мѣстное Хозяйство), и так как развитіе частной торговли вовсе не соотвѣтствует идеям всякаго добраго коммуниста, а коммунальныя власти в отношеніи „частников“ не связаны никакими нормами расцѣнок, то, если у Вас не имѣется в коммунальном хозяйствѣ заручки, Вы никакого помѣщенія не получите и в вѣк.

В этом случаѣ красный купец устраивает на базарѣ палатку и торгует, как цыган на ярмаркѣ.

Но как получить товар?

Всѣ крупныя промышленныя предпріятія находятся в руках государства. Товаров, особенно наиболѣе ходовых, вродѣ мануфактуры, мало, их не хватает для удовлетворенія государственной и кооперативной торговли, каким же образом получить от „врага“ необходимый ассортимент?

Конечно, обычными средствами, т. е. покупкой публичной, можно достать только ничтожную часть путем выдачи премій мѣшечникам, стоящим в очередях и тѣм выполняющим роль прежняго оптовика распредѣлителя и регулятора товаро—оборота; чтобы получить болѣе крупную партію для своей лавки или палатки, нужно завести связи с управляющим или завѣдывающим трестовским или синдикатским складом, поговорить с ним наединѣ „по душам“, немного „заинтересовать“ его в процвѣтаніи своего начинанія, и если все это удастся, то остается со страхом и надеждой ожидать окладного полугодія, когда шустрый красный фин—агент принесет новому нэпману пріятную вѣсть о причитающихся с него в пользу соціалистическаго отечества сборах и налогах.

Если фин—инспектор раздѣляет Вашу увѣренность, что дѣло стоитъ прочно, то своим налоговым аппетитом он постарается усердно превратить его в эфемерное, разсыпающееся, как песок... Это красный купец однако же прекрасно предвидит заранѣе и, торгуя на десятки и сотни тысяч, он старательно отбрасывает столь компрометирующіе нули, всячески при случаѣ доказывая, что его торговля „совсѣм не стоющая“, совсѣм „убыточная“.

Обычно, сколь ни пронырлив красный фин—агент, „красный купец“ его благополучно надувает, если же он настолько непредусмотрителен, что ведет правильныя торговыя книги, то его предпріятіе в первое же полугодіе не выдерживает налога и, лопаясь, исчезает в мутной рѣкѣ времен, не вызывая ни в ком сожалѣнія...

—Был, мол, дурак-и нѣт!—

Большинство, однако, выживает, приноравливается к окружающей средѣ, заводит нужныя связи, всюду находит, если не ходы, то лазейки и быстро накопляя, не взирая на всѣ налеты сборщиков податей, ведет медленную, на первый взгляд незамѣтную, но глубокую работу по возсозданію соціальной ткани, разрушенной эпохой первичнаго коммунизма.

Нарождаются предпосылки капитализма.

Зарожденіе капитализма в промышленности.

„Нѣкоторые полагают, что цѣль промышленности заключается в том, чтобы обогащать капиталистов или кормить рабочих. Ея задача не такова,—она в служеніи обществу производством дешевых и хороших продуктов. „В увеличеніи, улучшеніи, удешевленіи производства, а отнюдь не в перераспредѣленіи собственности — залог соціальнаго прогресса". Г. Форд. „Сегодня и завтра".

Частная иниціатива со времени „Нэп'а" имѣла возможность направляться, как в область торговли, так и промышленности.

Однако же в условіях совѣтской дѣйствительности для всякаго капиталиста представлялось большим риском вкладывать капитал в промышленное производство.

Правда, и торговля, и промышленность одинаково являются рискованной спекуляціей, профессіи эти нынѣ та же карточная игра, шансы одинаковы.

Но в то время, как в торговлѣ капитал быстро оборачивается и мобилизуется, а его размѣры легче

укрыть от взров всепроникающих агентов фиска, промышленность требует значительно больших затрат, капитал в каналах промышленнаго обращенія застревает надолго, и его уже не легко скрыть от учета финансоваго вѣдомства.

Вот почему при началѣ Нэп'а, нэпман, по преимуществу—„красный купец"—спекулянт—торговец, а не промышленник. И тот, и другой тѣм не менѣе проявляют свое существованіе, и их учитывает совѣтская статистика. Нечего и говорить, что, если к цифрам послѣдней, когда она пытается обосновать „достиженія государственной промышленности" приходится подходить с осторожностью, трактуя их в сторону сниженія, то когда рѣчь заходит о ростѣ столь опаснаго для соціалистических мечтаній конкурента, как частный капиталист, при том жизненно заинтересованнаго в том, чтобы утаить обороты и доходы, цифры совѣтской статистики цриходится всегда признавать преуменьшенными.

Начнем с разсмотрѣнія цифр, характеризующих удѣльный вѣс частнаго капитала в промышленности, как наиболѣе достовѣрных.

Производство промышленности видно из слѣдующей таблицы:

Валовая продукція промыш. товар. в милл. червонных рублей *)

	1924-25	1925-26 г.	% рост
Государственная . . .	6087	8928	50 **]
Кооперативная . . .	374	630	68,5
Частная	275	440	63,6
Мелкая	1719	1975	14,5

*) „Эк. Ж." № 246 1926 г.

**) По данным Госплана % прироста уменьшается до 42, в соотвѣтствіи с уменьшеніем общей суммы продукціи на 1 милліард руб.

При разсмотрѣніи этих цифр необходимо имѣть в виду, что согласно совѣтскаго законодательства к мелкой промышленности относятся предпріятія, имѣющія не менѣе 16 рабочих при механическом двигателѣ или 30 рабочих без такового.

Мы уже пытались дать в предшествующей главѣ общій очерк той атмосферы, среди которой вынужден работать частный предприниматель, дополним и иллюстрируем это статистическим матеріалом и отзывами оффиціальной совѣтской прессы. Этими вопросами за послѣднее время все болѣе занимаются совѣтскіе экономисты. Точка зрѣнія их на вопрос о развитіи частных предпріятій вообще зависит от того, к какой группѣ они принадлежат. Если автор принадлежит к составу оппозиціи, т. е. к группѣ Троцкаго—Зиновьева, он обычно доказывает, что „частник“ быстро прогрессирует и что, если не пресѣчь этот темп развитія соотвѣтствующими мѣрами совѣтской власти, не отобрать путем новаго увеличенія подоходнаго и промысловаго налогов накопленных им капиталов, то капитализм окончательно побѣдит соціалистическіе элементы совѣтскаго хозяйства.

Если автор защищает позиціи Сталинской группы, он вынужден доказывать противное и при этом нерѣдко приводит факты, в другое время едва ли бы увидавшіе свѣт.

По удостовѣренію совѣтскаго экономиста А. Гинсбурга *), занимающаго к тому же оффиціальное положеніе, размѣр обложенія налогами „частника“ выше такового же обложенія государственной торговли и кооперації в шесть раз.

*) „Эк. Ж“, № 160 за 1926 г.

Кредитованіе „частника“ лишь в незначительном размѣрѣ происходит из средств государственных банков, в громадном большинствѣ оно идет из нелегальных частных источников на очень тяжелых условіях. как сказано выше, от 4 % и болѣе в мѣсяц. Однако же послѣдняя цифра, обычно указываемая совѣтскими статистиками, оспаривается. По данным Московской товарной биржи, недостающія частным предпринимателям средства „добывались“ ими на вольном рынкѣ из 5-8 % в мѣсяц!. **)

Не менѣе тяжелы для частника и условія арендованіи им от мѣстных органов совѣтской власти промышленных предпріятій. Так Москов. совѣт Народ. Хоз. при сдачѣ предпріятій в аренду обуславливает таковую пятилѣтним сроком, плата устанавливается в процентном отношеніи к производству, причем все пріобрѣтенное арендатором оборудованіе, имущество, техническія улучшенія переходят по окончаніи срока аренды к МСНХ безвозмездно.

Что такое представляют на практикѣ подобныя договорныя отношенія, можно видѣть из слѣдующих примѣров. ***)

Цинковальный завод бывшій Анисимова сдан в аренду на условіи: аренда завода оплачивается арендатором из 4 % с общей выработки завода; при годовой выработкѣ в 480 тысяч рублей, арендатор платит около 20000 рублей в год. Стимость же завода оцѣнивается всего в 43000 рублей.

Арматурный завод бывшій Краснова сдан артели на условіи платежа 6 % выработки. Годовая продукція 360 тыс. рублей, плата таким образом равна

**) Там же от 17 января 1926 г.
***) „ „ № 80.

21600 рублей при стоимости завода 119 тысяч рублей. В первом случаѣ арендатор окупает завод в 2, во втором—в 5 лѣт.

Можно ли при этих условіях негодовать на ростовщика, взимающаго 8% в мѣсяц?.

Предприниматель вынужден согласиться на всѣ условія. Он готов скорѣе заплатить ростовщическую аренду за уже существующій завод, чѣм затрачивать еще большія средства, строя новый. Послѣднее не всегда и возможно по административным условіям. А риска, взяв завод от совѣтской власти и платя ей легальную и нелегальную дань, конечно, значительно меньше .

Несмотря на подобныя совершенно неслыханныя при нормальных капиталистических отношеніях усло вія существованія, частная промышленность цензовая не только не замирает, но выказывает, судя по выше приводимой оффиціальной таблицѣ, всѣ признаки быстраго роста. За 1925—26 г. она в темпѣ роста продукціи обгоняет государственную, уступая в этом отношеніи лишь кооперативной.

В то время, как кооперативная промышленность существует за счет подачек от государства и понудительнаго увеличенія членских взносов, совершенно в сущности не увеличивая внутренняго производственнаго накопленія; в то время, как государственная—может увеличивать продукцію лишь благодаря колоссальному налоговому прессу, выдавливающему из населенія громадныя суммы, чтобы затѣм их распылить в чрезвычайно дорогом производствѣ,—частная находит в себѣ самой столько сил, что не только выносит ростовщическіе проценты, кабальныя арендныя ставки, варварскую систему налогов, но и стреми

тельно развивает производство, собственными силами реконструируя свои предпріятія.

Разсматривая эти цифры, приходится притти к единственному заключенію, что в то время, как государственная и кооперативная промышленность развиваются искусственно и несут пороки в самих себѣ, рост промышленности частной является органическим, связанным как с объективными тенденціями развитія экономической жизни в послѣ—революціонный період, так и с индивидуальными свойствами человѣческой природы.

Частный промышленник становится в его дѣятельности все болѣе необходим для народной экономики, и что особенно важно, он все тѣснѣе связывается крѣпкими органическими узами с рынком широкаго потребленія, с крестьянской массой, кустарем, частным купцом, давая им товары, которые государственная промышленность или вовсе не производит, или производит в недостаточном количествѣ.

При том по истинѣ страшном товарном голодѣ, который испытывает рынок промышленных товаров СССР, совѣтская власть, если бы и желала, не может позволить себѣ роскоши создать дальнѣйшія стѣсненія для частной промышленности. Несомнѣнно, если бы теперешніе оппозиціонные критики политики Сталина, благодаря тѣм или иным обстоятельствам, в один прискорбный для Союза момент стали у власти, они, несомнѣнно, вынуждены были бы продолжать политику послабленій частной предпріимчивости, быть может, лишь замаскировав ее соотвѣтствующими громкими фразами.

Полтора года тому назад тот же оппозиціонер Каменев, при вступленіи в обязанности нарком—торга, принужден был констатировать вредные резуль-

таты похода, предпринятаго до того властью против частнаго торговца. Объективныя условія сильнѣе программ.

И как результат первых, совѣтская власть все чаще за послѣдній 1926 год возвращается к вопросу о способах усиленія притока частных капиталов к частному производству.

Мотивировка таковых проэктов, конечно, подбирается соотвѣтствующая идеологіи. Было бы, конечно, странно из уст совѣтских экономистов правовѣрнаго толка услышать прямолинейное заявленіе о том, что частный предпринимательполезный помощник и даже единственный и незамѣнимый творец и строитель промышленности. И этого они и не говорят.

Необходимость вовлеченія частных капиталов в промышленность они объясняют необходимостью изъять их из области частной торговли, гдѣ таковые капиталы якобы играют роль дезорганизаторскую.

Само по себѣ и это признаніе цѣнно. Частный капитал дезорганизует торговлю, но, очевидно, организует промышленность,—другого логическаго заключенія как будто вывести нельзя.

По тѣм же данным Московской Товарной Биржи частная предпріимчивость в области химической и металлической в центральном промышленном районѣ настолько, видимо, развилась, что с р е д и покупателей частника появились за послѣднее время даже государственныя и кооперативныя учрежденія, 25 % сбыта частнаго опта шел на них.

Государственная промышленность уже подходит к тому времени, когда почти всѣ промышленныя предпріятія, дотолѣ бездѣйствовавшія, если они представляют какую либо производственную цѣнность, будут нущены в ход. Когда это осуществится, темп ра

вертыванія промышленной продукціи естественным образом сократится. Совѣтскіе экономисты уже на 1926-27 год снижают рост продукціи государственной промышленности до цифры 15 %, а на слѣдующій год опредѣляют темп роста только в 12 %.

Самый легкій період развертыванія таким образом закончился или закончится в 1927 году.

Как пойдет темп развертыванія в будущем частной промышленности, конечно, трудно предугадать, но уже из всего ранѣе сказаннаго логически можно вывести заключеніе, что этот темп на уменьшится.

Совѣтская власть, если бы и хотѣла, не может ухудшить условій ея существованія, наоборот, идет иногда навстрѣчу облегченію таковых.

Товарный дефицит в странѣ за текущій 1926-7 год, как мы видѣли, еще увеличивается в сравненіи с прошлым, а хроническая неспособность государственных предпріятій выполнить задачу снабженія страны промышленными товарами, создает и для будущаго объективную обстановку, способствующую развитію частной предпріимчивости, средней и мелкой, особенно полу—кустарнаго типа.

Было бы весьма интересно остановиться на разсмотрѣніи вопроса о развитіи мелкой промышленности, однако, за неимѣніем мѣста и недостаточной статистической обслѣдованностью ея положенія, мы лишены этой возможности.

Укажем лишь на то, что темп развитія мелкой промышленности около 15 % является весьма высоким, он равен уже сейчас темпу развертыванія государственной промышленности на 1927 год, и надо думать, сохранит этот темп и в послѣдующем, обгоняя государственную промышленность.

Развитіе ея происходит таким же органическим

порядком, как и прочей промышленности.

Любопытным явленіем эксномической жизни современной Россіи представляется и то, что рынок широкаго потребленія, все болѣе подпадая вліянію частнаго производителя и торговца, все опредѣленнѣе испытывает это вліяніе в области цѣн. Всѣ совѣтскіе наблюдатели констатируют, что цѣны сырьевого рынка равняются по частнику, способному дать мелкому производителю, кустарю и сельскому хозяину лучшую, сравнительно с государственными предпріятіями цѣну. Такое же явленіе наблюдается по цѣлому ряду товаров, гдѣ частник успѣл уже организоваться,—в кожевенной, трикотажной, скобяной, деревообдѣлочной, галантерейной и иных отраслях.

В условіях жестокаго товарнаго голода, при отсутствіи серьезной торговой конкуренціи со стороны кооперації, частный предприниматель диктует условія рынку, перекладывая на счет потребителей и кабальныя аренды, и непомѣрные проценты, и даже часть налогов.

Но кромѣ „голоднаго“ рынка, он в самом процессѣ организаціи производства находит частью тѣ источники сбереженія капитала, которые позволяют ему выность неблагопріятныя для работы условія полицейско—соціалистическаго строя.

Он распредѣляет расходы совершенно иначе, чѣм гос—предпріятія, его накладные издержки незначительны, его административный штат мал, несет интенсивную работу, как и рабочіе его завода, он лучше, чѣм у трестов, оплачивается, поэтому дисциплина труда и интенсивность работы не являются пустыми не выполнимыми лозунгами—болтовней плакатных стѣнных газет,—а проводятся неуклонно в жизнь. Наконец, он знает рынок, связан с ним оптовой

розничной сѣтью таких же частных торговцев, и его товары оборачиваются в четыре—пять раз скорѣе, чѣм в гос.—синдикатах.

В частном предпріятіи работа кипит, ибо всѣ—от рабочаго до хозяина проникнуты жизненным личным интересом, потому что всѣ они стоят на почвѣ конкуренціи, соревнованія. Они знают, что только давая хорошій товар по сходным цѣнам, они могут работать, не падая на дно соціальной лѣстницы, правда, перевернутой как—бы вверх основаніем, но сохранившей всѣ свои отличительныя черты для падающаго вниз.

Кромѣ своих сил, знаній, умѣнія приспособиться к рынку, у новаго предпринимателя нѣт другой опоры и поддержки.

Государство он видит лищь в лицѣ фин—агента, всегда придирчиваго и черезчур требовательнаго, у него почти нѣт классовых организацій, он одинок, он не может разсчитывать ни на чью помощь —в этом мірѣ волков, споткнись только, и ты будешь раздавлен на смерть.

И он, как волк, сам свирѣпо бьется и конкурируеѣ с себѣ подобными, изощряя всѣ силы ума и способностей.

Нужно ли удивляться, если в этой жестокой и до того нигдѣ невиданной борьбѣ на пепелищѣ капитализма нарождается новый тип капиталиста.

Это, конечно, тип жестокій и хитрый, с волчьим аппетитом и крѣпкими зубами, но зато тѣм луше он будет выполнять свое историческое предназначеніе.

Совѣтскіе публицисты очень часто задаются вопросами, насколько интенсивно идет накопленіе капиталов в частной промышленности, и каковы основные ея капиталы.

Вопросы, конечно, имѣют животрепещущее значеніе, далеко выходящее за предѣлы только экономическаго характера, тѣм или иным отвѣтом намѣчаются и дальнѣйшія вѣхи развитія капиталистической формы народнаго хозяйства и ея удѣльный вѣс.

Однако же, при трудности настигнуть и уцѣнить размѣр таковых капиталов, отвѣты получаются самые разнообразные. По большей части они даются с точки зрѣнія суммированія всего частнаго капитала, вложеннаго, как в промышенность, так и торговлю, поэтому вопроса об основных капиталах, располагаемых частными предпринимателями, мы коснемся в дальнѣйшем, послѣ разсмотрѣнія вопроса о торговлѣ.

Что же касается до проблемы интенсивности накопленія в частной промышленности, то здѣсь никаких опредѣленных болѣе или менѣе точных выводов сдѣлать не представляется возможным.

Во всяком случаѣ, очевидно одно.

Предприниматель, рискующій при совѣтских условіях вкладывать средства в промышленность, ежегодно платя до 50 % капитальной стоимости фабрики за аренду послѣдней, вынося тяжесть ростовщическаго кредита до 100 % и в шесть раз болѣе тяжкаго налога, сравнительно с своими гос-конкурентами, несомнѣнно,—обычной умѣренной нормой прибыли довольствоваться не может. Экономически простой расчет при полученіи меньшей, чѣм по кредитованію прибыли, заставит его предпочесть заняться дисконтом, т. е. сдѣлает из промышленника ростовщика.

Нѣкоторые совѣтскіе экономисты утверждают, что менѣе 100 % чистаго дохода частная промышленность давать не может, иначе она не прогрессировала бы...

Если эти расчеты и преувеличены, то во всяком случаѣ накопленіе в средѣ частной промышленности должно идти совершенно необычным темпом, не имѣющим ничего похожаго в операціях гос—учрежденій, трестов и синдикатов.

При оцѣнкѣ вопроса о степени жизненности частнаго и государственнаго хозяйства, величина нормы прибыли не столь важна.

Гораздо цѣннѣе другое.

Частная промышленность на другой же день послѣ разгрома капитализма и уничтоженія капиталов при первой же возможности и не взирая на чрезвычайно тяжелую обстановку, начинает успѣшно конкурировать с неизмѣримо болѣе совершенной в техническом отношеніи промышленностью государственной и выполняя свое соціальное предназначеніе, помогает населенію изжить невзгоды товарнаго голода.

Путем повседневной суровой борьбы піонеры индивидуальной предпріимчивости ежедневно дают доказательства неизмѣримаго превосходства такой организаціи хозяйственных общественных отношеній, которая основана на принципах, свойственных всякой свободно рожденной личности, на признаніи государством принципа свободнаго труда и свободнаго творчества, насыщеннаго столь плодотворными сѣменами личнаго почина и предпріимчивости.

Сначала на них смотрят с презрѣніем, как на прокаженных, зараженных ядами отжившаго стараго міра...

Это не мѣшает им продолжать работу созиданія полезных всему обществу матеріальных цѣнностей,—которых не может к удивленію народа создать весь мошный аппарат государственной промышленности.

И по мѣрѣ того, как соціалистическій туман разсѣи>ается под вліяніем голода, холода, картин насилій, разигрывающихся на глазах, и всеобщаго кровопролитія, к удивленію фанатиков не приближающаго наступленія „соціальнаго рая“,—по мѣрѣ того, как предвзятыя понятія и унаслѣдованные предразсудки смѣняются учетом суровой дѣйствительности, в отношеніях толпы к производителям, предпринимателям, начинает сказываться перемѣна.

Частный промышленник уже на практикѣ одним своим пятилѣтним существованіем доказал ту давно извѣстную практическим людям простую мысль, что государство не колоссальное акціонерное промышленное предпріятіе, что становясь промышленником, оно не может удовлетворить потребностей населенія так полно и дешево, как это может сдѣлать частная иниціатива.

Пока в головах людей не окончательно исчезла мистическая вѣра в чудеса, эти доводы реальной дѣйствительности еще не найдут туда себѣ доступа, но есть предѣлы, за которыми всякая самая пылкая вѣра стынет, есть историческіе переломные моменты, когда народу становится слишком больно от тиранніи слѣпых предразсудков и упорнаго фанатизма секты.

Тогда настает наконец час побѣды логики и разума.

Освобожденная мысль, которой будут даны на выбор двѣ модели экономическаго строя, не может не остановить своего выбора на болѣе дешевом для народа, болѣе плодотворном, обѣщающем скорѣе вывести к жизни творческія силы, заложенныя, как в природѣ человѣка, так и в окружающем нас мертвом мірѣ вещей.

Это будет побѣда свободной человѣческой ли

ности, побѣдой труда, иниціативы, энергіи, оплодотворенных достиженіями научных истин.

Измѣнятся объективныя условія страны, установится строй отношеній государства к частному капиталисту болѣе нормальный, отвѣчающій природѣ отношеній власти к отдѣльным общественным классам, измѣнится, несомнѣнно, и тип частнаго торговца. Мѣсто „краснаго кущца," злостнаго спекулянта и жаднаго ростовщика займет просто купец и банкир, болѣе нормальный тип, который был в свое время уничтожен совѣтской властью.

Когда были закончены эти строки, автору пришлось познакомиться с новой книгой Генри Форда „Сегодня и Завтра". Эта книга, как и все дѣло величайшаго американскаго промышленника, является новым живым доказательством того, какое громадное значеніе в промышленном развитіи всякой страны имѣют индивидуальная предпріимчивость, творческая личность. Статистическія цифры, рисующія развитіе предпріятій Форда, открывают безконечные горизонты промышленнаго прогресса, создают цѣлую философію производственных отношеній.

В маѣ 1921 г. заводом Форда выпушен автомобиль № 5.000.000, а спустя три года, в іюнѣ 1924 г.—№ 10,000.000. В настоящее время выпущено уже около 13 миллн. машин, и производство при полной нагрузкѣ достигает 8000 в день или 2-х милл. в год. Компаніи, составляющей единоличную собственность Форда, принадлежит 88 заводов, разбросанных по всѣм частям свѣта. На них занято 200.000 рабочих; такое же число работает в агентствах по продажѣ и ремонтных мастерских; наконец еще 200 тыс. работают в чужих предпріятіях над выполненіем заказов Форда. Всего, таким образом, его обслуживают 600

тыс.—или, считая с семьями, около 3-х милл. людей.

В 1926 г. несмотря на общее вздорожаніе цѣн по сравненію с дсвоенпым временем, Форд продает свои автомобили на 40 проц. дешевле, чѣм в 1914 г. Между тѣм, в 1914 г. средняя поденная плата на его заводах составляла 2,40 долл., а теперь минимальный заработок—6 долл. за восьмичасовой рабочій день В этих двух пунктах—цѣнѣ продукта и заработной платѣ-корень экономической теоріи, которую развивает Форд. Его всепоглощающая забота и главная цѣль—удешевленіе производимаго продукта.

По словам А. А. Гольденвейзера (Руль № 1128) обогащеніе Форда вызвано не эксплоатаціей, а напротив —созданіем новых возможностей благосостоянія для широких масс, как рабочих, так и потребителей. И имя его, одинаково популярное среди людей разных соціальных лагерей, звучит во всем мірѣ, как символ индустріальнаго прогресса. Оно войдет в исторію, как имя величайшаго промышленнаго организатора нашего времени. Какая разница между столь плодотворной практикой этого американскаго самоучки и жалкими совѣтскими формулами промышленнаго застоя!

Совѣты ввозят в Россію ежегодно тысячи тракторов Форда. Не было ли бы лучше, еслиб поощряли не ввоз мертвых машин, а развитіе того животворнаго духа предпріимчивости и свободной иниціативы, которые создали Форда и „фордизм“?.

Частный капитал в торговлѣ.

„Подоходный налог поднят до 45 процентов дохода плательщиков, не считая мѣстной надбавки. Поскольку мѣстная надбавка в размѣрѣ 35 процентов основного налога мѣстами повышается до 50 процентов,—обложеніе подоходным налогом может достигать 56-67 процентов от дохода. Обложеніе сверхприбыли в предѣлах до 50 процентов налога, т. е. 22.5 проц. дохода, может в отдѣльных случаях повысить размѣр подоходнаго обложенія до 90 процентов“.

(Из рѣчи Рыкова на 15-й партійной конференціи Октябрь 1926 г.)

Вопросами частной торговли до послѣдняго времени совѣтская статистика интересовалась весьма мало. Только за послѣдній год в связи с возгорѣвшейся меж—партійной полемикой они начали привлекать вниманіе. Тѣм не менѣе каких либо сводных данных, посвященных этой темѣ, не имѣется. Поэтому приходится прибѣгать нерѣдко к матеріалам т. наз. выборочных обслѣдованій, всегда болѣе или менѣе несовершенных. Одно из таких выборочных обслѣдованій произвело в концѣ 1925 г. бюро частной торговли при Московской Товарн. Биржѣ, оно охватило свыше ста предпріятій важнѣйших отраслей оптовой и опт. розничной торговли. Результаты его сводятся к слѣдующему. „Тяжесть налогового обложенія была тѣм сильнѣе, чѣм выше был разряд предпріятія, т. е.

чѣм оно было значительнѣе. Так напр. для 5-го разряда обложеніе составляло в среднем 8,7% от общаго оборота, для 4 го разряда—11,7%, для 3-го—15,8% (принимались во вниманіе подоходный налог, уравнительный сбор, арендная плата, квартирная пл. и пр.) Прочіе виды накладных расходов в частной торговлѣ незначительны. Так всѣ расходы по содержанію служащих составляют в предпріятіях 5 и 4 разрядов от $\frac{1}{2}$ до 3% оборота. Скорость оборотов капиталов в частной торговлѣ показывает очень яркій эффект. Несмотря на недостаток товара, быстрота оборота в мануфактурной торговлѣ равна в среднем 16—18 раз в год, а в нѣкоторых случаях до 36 раз. В торговлѣ пряжей быстрота оборота колебалась от 20 до 25 раз в год; в галантерейно—трикотажной торговлѣ — 12—13 раз; в москательно—химической 12 раз и т. д. Большинство предпріятій пользовались кредитом. Крупныя фирмы кредитовались преимущественно в банках и обществах вз. кредита, но не в полной мѣрѣ. Недостающія средства добывались на вольном рынкѣ по 5—8 процентов в мѣсяц. До 60% всѣх обслѣдованных текстильных фирм не получало товара непосредственно у производителей, остальные лишь в незначительных размѣрах получали его у трестов и синдикатов. Аналогичное положеніе было и в металлической и химической торговлѣ. Недостаток товара восполнялся ими главным образом путем покупки у посредников и кустарей. В снабженіи мануфактурной торговли доминирующую роль играли об—ва взаимнаго кредита. Закупки у кустарей были особенно значительны. В мануфактурной торговлѣ 70% фирм работало с кустарями. Еще выше роль кустаря в галантерейной, трикотажной, химической и металлической торговлѣ. Контингент покупателей склади-

вался главным образом из провинціальных розничных торговцев (от 70 до 95%). Принудительного ассортимента товаров частные торговцы не примѣняли. В самое послѣднее время усилилась тенденція частнаго опта к созданію подсобных промышленных предпріятій при торговых фирмах". (Эк. Ж. № от 17 янв. 1926 г.). Не смотря на все, жизнеспособность частной торговли из этого обслѣдованія выявляется вполнѣ опредѣленно. Перед этим безспорным фактом должны были остановиться сов. экономисты и так или иначе его оцѣнить. В результатѣ этого процесса среди оппозиціонных членов господствующей партіи намѣтилась еще одна лишняя ревизіонистская тенденція,—измѣнилось отношеніе к гос.—торговлѣ.

Оппозиція хорошо знакома с дѣйствительным положеніем совѣтских торговых учрежденій, со всѣми темными сторонами совѣтской торговой политики, — в ея составѣ имѣется Каменев, недавній глава и руководитель комиссаріата торговли. Очевидно, под его воздѣйствіем она выдвигает требованіе изъять из торговли капиталы промышленности и перебросить их на производство, другими словами отказаться совсѣм от функцій совѣтской власти в области обмѣна, ограничившись лишь поддержкой кооперативов. Совѣтская торговля таким образом, очевидно, настолько себя скомпрометировала в глазах части коммунистов, что они рѣшились на предложеніе столь смѣлое, как упраздненіе госторговли,—этого еще недавно любимѣйшаго их дѣтища. Хотя предложеніе это оппозиція поднесла под излюбленным соусом—необходимости сконцентрировать силы в пунктѣ открывающем дорогу к соціализаціи—усиленія гос. промышленности, но „братскій" удар все же был жестокій. В процессѣ преній и ожесточенной меж—фракціонной полемики

страна впервые могла читать в оффиціальной прессѣ и подпольных листках критику существущаго хозяйственнаго уклада, которому во всѣ дни коммунизма до того воздавалась лишь напыщенная лесть.

Вообразите впечатлѣніе на толпу почитателей „богомольцев“ или просто любопытных, когда из облаков оффиціальнаго фиміама вдруг неожиданно вмѣсто гимна и славословія раздаются дерзкія слова об идолопоклонствѣ, когда на глазах толпы развѣнчиваются кумиры, когда мѣсто безпрекословнаго поклоненія занимают мысль, критика и слово,—три великих врага деспотизма. Это, конечно опасный для совѣтской власти момент. В этом спорѣ двух близнецов может вѣдь рано или поздно принять участіе непросвѣщенная, безпартійная толпа, которая благодаря полному своему необразованію и „отсутствію сознательности“, способна выйти за марксистскіе предѣлы и перенести спор в болѣе опасныя плоскости, чѣм горнія высоты ленинизма. Поэтому полемика была вскорѣ же прекращена. Внутри—партійная буря как будто затихла, оппозиція частью повинилась в грѣхах, а между тѣм, брошенныя ею мысли, как камень в водѣ, продолжают привлекать общее вниманіе, захватывая все болѣе широкіе круги, и сколь ни абсурдны“ доводы расколников, как ни „безспорны“ положенія правящей группы, все же апологетам послѣдней все чаще приходится возвращаться к этому „брошенному камню“, все упорнѣе доказывать“ ошибки „оппозиціи“.

И читая эти повседневныя опроверженія, даже и безсловесная толпа начинает безпокойно ворочать отвыкшими от самостоятельной работы мозгами. Одним из подобных „опроверженій“ является статья совѣт-

скаго экономиста Крумина *), представляющая интерес потому, что она сконцентрировала всѣ данныя, способныя по мнѣнію автора рѣшительно опровергнуть рост и опасность капиталистическаго накопленія.

Во вступленіи коммунистическій автор прежде всего расправляется с недавними лидерами.

...„Как обычно, и на данном историческом переломѣ от возстановленія и реконструкціи усиленно пытается дать о себѣ знать группа маловѣров, оппортунистов, слишком хорошо видящих рост капитализма в нашей странѣ и не замѣчающих еще болѣе быстрого роста и укрѣпленія соціализма. Эту исторически—неблагодарную роль взяла на себя в нашей партіи так называемая „новая оппозиція“. Оппозиція, с исключительной, можно сказать, смѣлостью (чтобы не употреблять иного термина), одновременно с исключительной неграмотностью, а также с исключительным виляніем, противорѣчіями, опроверженіями через недѣлю, через мѣсяц того, что сама же выдвигала, выступила перед партіей и страной по вопросу о частном капиталѣ“...

Послѣ подобной „дружеской“ аттестаціи автор переходит к доводам. Остріе послѣдних он направляет главным образом против положенія оппозиціи, что частный капитал быстро увеличивает накопленіе. Цифра 600 милліонов рублей, в которой оппозиція исчисляет весь чистый доход частнаго капитала за 1925-1926 г. по его мнѣнію преувеличена, чистая доходность послѣдняго гораздо меньше, накопленіе же его равно „всего 100 милл. рублей.“ „При таком темпѣ, конечно, соціалистическим высотам ничто не угрожает,“—

*) „Частный капитал и наша политика“. „Эк. Ж“. № 236-1926 г.

успокаивает автор свою аудиторію. Статья написана по заказу—к вящему посрамленію оппозиціи, этим только и возможно объяснить фантастическую „статистику“ выводов из тѣх цифр, которыя приводит та же совѣтская статистика. Весь оборот частнаго капитала в совѣтской торговлѣ составлял по цифрам Госплана в 1924—25 г. 3700 милліонов рублей, в слѣдующем—4860 милліонов рублей, из общаго оборота в 20.468 милліонов рублей по всему Союзу, при этом, несмотря на лозунг—сокращенія и вытѣсненія частника из оптовой торговли—размѣр послѣдней в общем товарном оборотѣ послѣ паденія в 1924 г., вновь поднимается до прежняго уровня, исчисляясь в 1925—6 г. в 981 милл. р.

Если вообще к цифрам совѣтской статистики всегда приходится подходить осторожно, то особенно это приходится рекомендовать при оперированіи с исчисленіем торговых оборотов, ибо свѣдѣнія о них совѣтская статистика почерпает в данных, собираемых главным образом агентами финансоваго вѣдомства. Всякій, побывавшій в Совѣтской Россіи, знает, что частные торговцы там в наше время ведут двойную бухгалтерію,—одну для себя, другую—для фиска. В послѣднюю попадают только тѣ данныя, тѣ цифры оборота, которыя не могут абсолютно быть укрыты, —это по преимуществу сдѣлки с гос—учрежденіями, обычно проводимыя через товарныя биржи, весь прочій оборот от учета товарных бирж и фин—агентов ускользает.

В средѣ совѣтских дѣльцов появились особы „спецы“—бухгалтера, на обязанностн коих лежит в работка спеціальных отчетов для фин—инспекторо когда каждый счет и платежный документ прежз занесенія в книгу, анализируется с точки зрѣнія

уловимости казной. Может сдѣлка гдѣ—нибудь в ином мѣстѣ быть прослѣжена и обнаружена,—она записывается, нѣт таких опасеній—и она в книги не попадает.

В Москвѣ существует ряд предпріятій—палаток, гдѣ наличные запасы товаров незначительны, и гдѣ якобы производится лишь розничная торговля. Между тѣм Вы можете в них купить какое угодно количество, ибо имѣющіееся товары лишь образцы, товары покупателю доставляются непосредственно с какого нибудь таинственнаго склада и, конечно, не подпадают ни учету фин—агента, ни биржи. В той же Москвѣ ныне существуют цѣлыя правильно организованныя конторы ростовщиков, своеобразные подпольные банки. По внѣшнему виду это какое—нибудь ремесленное заведеніе, сапожное, портновское или что нибудь в этом родѣ. В передней комнатѣ два—три типа чинят сапоги или шумят ножницами и машиной,— в задней засѣдает „банкир“, принимает кліентов и выдает ссуды. Свою бухгалтерію, конечно, он вовсе не ведет, считая, что касса и баланс всегда в его карманѣ. В столицѣ всѣ нэпманы хорошо знают „банкиров“ и благодаря установившимся нравам и обычаям,—своеобразной круговой порукѣ этой волчьей стаи, никогда не жалуются на ростовщика. Впрочем, это было бы небезопасно для жалобщика и в концѣ концов—безполезно, ибо „банкир“ обычно находится в лучших отношеніях с мѣстной властью. Процессы против ростовщиков в СССР почти не наблюдаются.

При этих условіях указываемыя выше цифры частнаго товарооборота являются явно и значительно преуменьшенными.

Подтвержденіе этому заключенію мы находим в

статьѣ сов.—экономиста Залкинда (Частная торговля в товаро—оборотѣ СССР 1926 г.). По его свѣдѣніям цифры оборотов частной торговли представляются в значительно больших размѣрах, как это видно из ниже слѣдующей таблицы.

В милліард. руб.	1923-24 г.	1924-25 г.	1925-26 г.
	5,09	4,75	6,69
Удѣльн. вѣс в общ. товарооборотѣ	35 %	23,4 %	21,3 %

Таблица показывает за послѣдніе два года увеличеніе размѣра оборотов частной торговли на 30%, в отношеніи же к общему товарообороту значеніе частной торговли за тот же пе́ріод времени понизилось на 13 % Интересно сравнить относительную связанность частнаго торговца с гос. предпріятіями и кустарем По данным того же автора участіе частника в покупках у трестов и синдикатов выражалось в слѣдующем видѣ: в первое полугодіе 1924-25 продано ему на 133 милл. руб., во второе на 200 милл., в 1-ое полугодіе 1925-6 на 208 милл. руб., значительно больше частные торговцы получали от провинціальных отдѣленій гос.—торговли; за неимѣніем точных цифр по этому виду торговых операцій (свѣдѣнія относятся лишь к 28 торгам) можно предположить на основаніи имѣющихся данных, что провинц, отдѣленія снабжали частника двойным (в сравненіи с центром) количеством товаров. В процентном исчисленіи к общей суммѣ продаж трестов и синдикатов это даст по главным и провинц отдѣленіям около 15 % в среднем. Совершенно обратную картину дают операціи частника на кустарном рынкѣ. Из общей массы кустарных издѣлій, опредѣляемой для 1924-25 г. в 1.700 милл. руб., только 300 милл. прошли через

гос. и коопер. аппарат. Если вспомним, что гос. промышленность главное вниманіе свое удѣляет снабженію гос. предпріятій, удовлетворяя напр. металлоиздѣліями широкій рынок лишь на 38 % его потребностей, то приходится притти к заключенію, что дѣло снабженія товарами потребителя находится на 3|4 в руках частнаго торговца. при чем частный торговец связан болѣе с кустарем, частной же промышленностью и широким рынком, чѣм с гос. промышленностью и гос.—торговлей Наблюдая абсолютный рост частной торговли, оффиціальные статистики правящей группы успокоивают себя тѣм соображеніем, что в отношеніи к общему торговому обороту страны значеніе частной торговли уменьшается Однако же это уменьшеніе является результатом не какого либо внутренняго дефекта в организаціи частной торговрли, а только враждебной к ней политики государства. Во времена военнаго коммунизма частная торговля была совершенно запрещена, и результаты сказались. Возможно, конечно, и сейчас прямо или косвенно повторить этот плачевный опыт, и результаты будут тѣ же. Вопрос идет не о том, может ли государство уничтожить частный торговый аппарат, а в том, что из этого выйдет...Стѣсненія частнаго торговца бьют прежде всего по населенію, а потом и по самому государству, ибо нелѣпо отдѣлять государство от его подданных... До сих пор однако же всевозможныя стѣсненія, изобрѣтаемыя властью и ея агентами по отношенію к частнику, не мѣшали ему наживать большіе прибыли на торговлѣ.

Размѣр прибылей не может не быть очень значительным. Как мы видѣли в главѣ о совѣтской торговлѣ, за функціи обмѣна по оффиціальному подсчету начеленіе платит всему торговому ап-

парату Союза от 2 ½ до 3 милліардов червонных рублей. Эту цифру вынуждены признать наиболѣе правовѣрные сторонники Сталинской группы. Эта громадная масса, конечно, идет не столько в кассы гос—торговли и кооперації, не взирая на порції казеннаго доппинга, едва влачащих существованіе, сколько в карманы частника, ловко и быстро приспособляющагося к часто мѣняющейся торговой обстановкѣ. Оптовый частный торговец кладет в карман разницу в цѣнах между цѣнами треста и цѣнами оптоваго рынка. Когда двери трестов и синдикатов в 1925 г. перед ним закрываются, оптовик берется за организацію мелкой промышленности и кустаря. Тѣ и другіе охотно идут на подобное сотрудничество и создается громадное новое поле для приложенія сил частной иниціативы. Гіри больших кадрах безработных, слабом снабженіи кустарей сырыми матеріалами, и неимѣніи у них капиталов, при невозможности для гос—предпріятій надлежащим образом обслужить широкій рынок и при нежеланіи их снабжать частный рынок, такая помощь и сотрудничество выгодны для обѣих сторон и полезны для всего народнаго хозяйства. Если частная промышленность, вырабатывая продукціи на 440 милліонов рублей, должна давать в среднем не менѣе 80% дохода, то резервуар накопленія частнаго предпринимателя в мелкой и кустарной промышленности неизмѣримо большій.

По данным совѣтской статистики значительно большая половина этих отраслей уже в 1926 году была организована частным капиталом и работала на частный рынок. О значеніи кустарнаго рынка мы распространяться не будем, скажем лишь в видѣ иллюстраціи, что производство кустарной промышленности на Украинѣ, в шесть раз превышает количе-

ство продукціи, вырабатываемой мѣстной республиканской промышленностью.

Доход „оптовика“ в этих областях имѣет характер двоякій: как организатор кустарнаго производства он получает предпринимательскій доход, как поставщик сырья и скупщик издѣлій кустарнаго производства он берет с кустаря и рынка доход торговый. и в том, и другом случаях эти доходы, включая страховку от коммунистическаго насилія, должны быть очень велики. За доходами „оптовиков“ слѣдуют доходы розничников.

Эта категорія дѣлает барыши уже в самой периферіи торговли, снабжая городское населеніе хлѣбом, продуктами питанія, промышленнаго (особенно кустарнаго) производства и деревню продукціей городов и отчасти хлѣбом (в недостаточных районах). Почти вся продукція совѣтизированной промышленности значится в категоріи продуктов недостающих, а именно—мануфактура, галантерея, желѣзо—скобяные товары. строительные матеріалы, стекло, посуда, обувь, кожанныя издѣлія, даже дрова, всего этого обычно на рынках СССР в достаточном количествѣ нѣт. В избыткѣ иногда и не вездѣ имѣется: хлѣб, продукты животноводства, сахар, соль и керосин, причем в послѣднем также начинает в концу 1926 года чувствоваться недостаток Естественным слѣдствіем недостаточности производства и товарнаго голода является громадная разница между отпускными цѣнами синдикатов и розницей. Когда покупатель бросается на товар, предлагая всякую цѣну, когда дѣйствует закон спроса и предложенія, то никакими распоряженіями о „снижении цѣн“ послѣдняго не достигнешь. В лучшем случаѣ только на нѣкоторое время движеніе цѣн вверх пріостанавливается, чтоб в

слѣдующем вновь возобновиться.

В этой игрѣ на пониженіе частный торговец не участвует.

Являясь лишь терпимым, юридически не имѣя права покупать с государственных складов товары. он может совершенно не считаться с циркулярами о пониженіях и обычно не считается. Распоряженія же о неотпускѣ ему гос—товаров он благополучно обходит, благодаря с одной стороны—взяточничеству, с другой стороны, потому что гос—торговля, загруженная до—нельзя кооперативными векселями, лишенная оборотных средств, часто вынуждена бывает продавать „частнику“ товар за наличные, чтобы этим путем покрыть срочные платежи.

В результатѣ частный торговец, не в примѣр кооператорам, без помѣх кладет в карман всю разницу между оптовой цѣной и цѣнами вольнаго розничнаго рынка, накидывая столько, сколько может дать покупатель „Накидки“ достигают часто совершенно фантастических размѣров. Накидки, напримѣр, на ситец по отношенію к оптовым цѣнам, в среднем доходят в 1926 г. до 54% по оффиціальной совѣтской статистикѣ. Однакс же в отдѣльных случаях, когда на рынках товара мало, эти „накидки“ достигают поистинѣ чудовищных размѣров. Так по данным обслѣдованія в Ленинградѣ перед Рождеством 1925 г. выяснилось, что ряд частных торговцев, даже снабжаемых мануфактурой в плановом порядкѣ и обязавшихся не примѣнять накидок свыше 30%, практиковали таковыя в 100—150%, а по данным текстильнаго синдиката Ленинграда накидки на сезонные товары в мартѣ 1926 г. доходили до 200% и выше.*) В октяб-

*) „Эк. Ж“., № 83 за 1926 г.

рѣ 1926 г. розничныя цѣны на стекло стояли на 300% выше оптовых. Если далѣе принять во вниманіе что по данным обслѣдованія товарных бирж оборот товаров у частных торговцев очень быстр,—от 7 до 21 раза в год, то любители статистических упражненій могут попытаться высчитать приблизительную цифру прибылей, которыя может заработать „красный купец“ на этом всесоюзным торжищѣ, на этом пиру спекуляціи, расцвѣтающей на почвѣ, удобренной пеплом „всероссійскаго пожарища“.

Когда само государство злостно спекулирует на населеніи, то можно ли ставить в вину спекуляцію частному торговцу?!

Таким же резервуаром прибылей для частника служила до недавняго времени и еще служит поныне хлѣбная и сырьевая торговля, В этой области государственная торговля, не говоря уже о кооперативной, ни в коем случаѣ не может угнаться за частной предпріимчивостью. Совѣтскій торговый аппарат настолько слаб, неповоротлив и несвѣдущ, что и до сих пор разница цѣн между районами Россіи, производящими хлѣб и непроизводящими, достигает без начисленія транспортных расходов громадных цифр, начиная от 100 % нормы накидки и ниже.

Однако же, если населеніе готово платить частнику двойную цѣну за доставленный товар, лишь бы он товар привез, то в области торговли хлѣбом и продуктами питанія частный капитал равным образом является полезным регулятором хлѣбных цѣн в различных районах, и участіе его в обмѣнѣ до сего времени сберегало крестьянству и городскому потребителю значительныя средства. Крестьянин всегда рад встрѣтить на рынкѣ частнаго скупщика, ибо послѣдній обычно предлагает цѣну на сельско—хозяйствен-

ное сырье высшую, сравнительно с гос—спекулянтами. Выдавая крестьянству премію в производящих хлѣбных районах, торговец перепродает продукты в малопроизводящих районах, гдѣ иначе, благодаря беззаботности и халатности государственных заготовителей населеніе должно было бы голодать или переплачивать еще большія суммы. Это полезная для населенія работа становится для всякаго очевидной, и коммунистам все труднѣе с ней бороться. Мѣры вродѣ запрещенія торговцам пользоваться желѣзнодорожным транспортом или повышеніе тарифов для частных грузов и тому подобное, лишь удорожают продукты в потребляющих районах, заставляя потребителей в двадцатом вѣкѣ пара и электричества оплачивать гужевой ветхозавѣтный транспорт, которым вынуждены пользоваться „частники“.

К чему приводит на приктикѣ насиліе над экономическими законами, как дорого эти опыты над живым х зяйственным организмом обходятся населенію, видно из сравненія стоимости ржи и разницы на нее цѣн между производящими и потребляющими районами Россіи.

Разница между средними оптовыми цѣнами на рожь по производ. и потребл. полосам европейск. части СССР	На 1 окт. 1925 г.	1 окт. 1926 г.
	23,3 коп.	41,9 коп.
Тоже между среди базарн. цѣнами.	27,7	67,7 коп.

В 1925 г. когда частник мог подвозить хлѣб по желѣз. дорогам, потребитель переплачивал 23 (оптов. ц.) коп., в 1926 г. когда за дѣло хлѣбнаго снабженія взялось государство, потребитель переплачивает сверх того от 19 до 40 коп. на пудѣ.

Если барыши „частника“ непомѣрно высоки, то виноват не столько он, сколько тот экономическій строй, который ослабляет конкуренцію, увеличивает

стоимость продукаціи, дисквалифицирует крупную промышленность, дѣлая ее бездоходной, который обобрав честных людей, разрушил тѣм нормальную торговлю, системой налогов и преслѣдованій превратив ее в спекуляцію, в игру, гдѣ слишком много неизвѣстных, гдѣ риск громаден, а барыши угрожаемы конфискаціей. Будем ли мы при таких условіях удивляться, что дань, платимая страной за безхозяйственность в области товарообмѣна, чрозмѣрна?

Мы не располагает и никто, конечно, при совѣтских условіях не может располагать свѣдѣніями, способными установить приблизительную цифру капиталов, перекачиваемых из карманов потребителя в процессѣ уродливаго товарнаго обмѣна. Укажем лишь, что по вычисленіям совѣтских экономистов из лагеря оппозиціи *) для истекшаго 1925-6 г. „прибыли торговаго капитала составляли 40 % с 4 милліардов рублей, т. е. 1600 милліонов", при чем в эту прибыль авторы не включают нормальную торговую прибыль, считая, таким образом, цифру 1600 милліонов накопленіем.—Сумма, быть может, и продиктованная отрыжкой военнаго коммунизма—ненавистью к частному капиталу, но тѣм не менѣе от нея до того размѣра накопленія—100 милліонов рублей, в котором послѣднее опредѣляют совѣтскіе оффиціозы, идет столь длинная лѣстница, что хотя статистическое блужданіе может длиться любое время, но болѣе или менѣе добросовѣстный наблюдатель едва ли найдет в себѣ смѣлость опуститься до послѣдней, столь успокоительной для совѣтских оффиціозов цифры. Истину приходится искать гдѣ то между двумя названными край-

*) „Большевик" № 18 ст. Майзлина, „Красная Новь" № 5 ст. Смирнова.

ностями, и ближе к цифрѣ оппозиціи, чѣм оффиціозов. По данным комиссара финансов сумма доходов плательщиков, уплачивающих прогрессивный налог, на 1925-6 г. опредѣлена в 548 милл. рублей,—это тот минимум, который плательщиками никак не мог быть укрыт от сборщиков налогов, и он, конечно, должен быть весьма значительно повышен.

О размѣрах частных капиталов, вложенных в различныя отрасли промышленности и торговли, статистических данных совершенно не имѣется. Здѣсь исключительная область догадок. Одной из подобных догадок являются цифры комиссіи Вс. Сов. Нар. Хоз. и того же экономиста Гинсбурга; согласно им в торговлѣ и промышленности частных капиталов имѣется до 700 милліонов, в валютных операціях, домовладѣніи, транспортѣ до 200 милл., итого до 900 милліонов червонных рублей. Насколько эти исчисленія неполны, можно судить хотя бы по одному тому, что в них не попал капитал частных предпринимателей, вложенный ими в совѣтскіе государственные займы, между тѣм уже сейчас он исчисляется в суммѣ свыше 70 милліонов червонных рублей. Новая буржуазія в городах только что еще нарождается. По данным финансоваго вѣдомства в началѣ 1925 года лиц с „нетрудовым доходом“, уплачивающих подходный налог, насчитывалось 1,062730 человѣк, вмѣстѣ с одним милліоном сельских хозяев фермерскаго типа, получающих доход свыше 800 рублей на хозяйство, это даст два милліона предпріймчивых людей —ту основу, на которой по преимуществу будет строиться вся хозяйственная жизнь современной Россіи. Паразитарныя тенденціи совѣтскаго хозяйства должны встрѣтить наиболѣе рѣшительный отпор именно в этих группах, уже успѣвших связать себя

узами общих экономических интересов и взаимных услуг, проявляющих всѣ признаки дальнѣйшаго роста. В настоящій момент эти двѣ силы стоят друг против друга. С одной стороны продолжается по инерціи слабѣющее движеніе воинствующаго коммунизма, с другой—ему навстрѣчу идут настроенія иного свойства, это настроенія творцов новых матеріальных цѣнностей, людей, сознающих свое соціальное значеніе, по существу не враждебных совѣтской власти, но могущих стать таковыми, если власть не перестанет заниматься химерами, не захочет окончательно вступить на путь государственнаго практицизма.

Нэп и его результаты.

„Скажите,—проповѣдуете ли Вы, что мы (коммунисты) гніем на корню? Остаетесь ли Вы при прежних рѣшеніях о „Термидорѣ“, или Вы осуждаете их? Могильщики ли мы революціи?“ (Из рѣчи Бухариина на 15 парт:йной Конференціи к оппозиціи Ноябрь 1926 г.)

Коммунизм дѣйствительно уже „сгнил на корню“, діагноз процессу поставлен оппозиціей вѣрно, и она от него, несмотря на приглашенія Бухарина, не отреклась. И этот процесс внутренняго гніенія длится уже долго.

За истекшіе девять лѣт совѣтская власть испробовала много средств и способов, чтобы выйти из того страшнаго тупика, в который загнала утопическая теорія подполья. Всѣ они оказались одинаково безплодны потому, что строить какое бы то ни было государство сейчас изолированно, без поддержки и помощи капиталов сосѣдей и без поощренія накопленія их (капиталов) внутри страны невозможно. Еще болѣе абсурдно надѣяться, опираясь на международную торговлю (экспорт), с капиталистическим міром построить враждебное ему соціалистическое государство. Оппозиція в своих московских выступленіях жестоко высмѣяла эту претензію правящей группы, называя ее щедринской идеей созданія соціализма на „одной улицѣ“.

Если у Щедрина в „Помпадурах“ есть помпадур единственный, который либерализм строит в одном уѣздѣ“*), то почему не быть ему у нас сейчас?

В этом спорѣ коммунистов формальная побѣда осталась за современными коммунистическими помпадурами, но логическіе доводы оппозиціи не были, да и не могли быть опровергнуты. В настоящее время, если совѣтскій Союз может в нѣкоторых случаях констатировать извѣстный прогресс в хозяйственных областях сравнительно с годами военнаго коммунизма, то это произошло лишь потому, что СССР получил возможность послѣ снятія блокады вступить в торговыя сношенія с Западом и Востоком,—это результат соглашенія с буржуазной Европой,—уступки коммунистов, признавших „Нэп“. Нарушится соглашеніе с буржуазіей, перейдут в то изолированное положеніе, в каком находилась страна в темную эпоху подлиннаго коммунизма, и всякому прогрессу будет положен конец. Таким образом весь относительный успѣх экономики и торговли СССР с заграницей не результат наступленія коммунистов, а их отступленія перед капитализмом. Они живут постольку, поскольку дѣлают постоянныя уступки послѣднему. Имѣя колоссальный запас природных богатств, громадные резервуары свободных рабочих рук (по исчисленію Нар. Ком. землед. в 1925 г. по СССР было около 12 милліонов человѣк с недостаточным земельным надѣлом, из них 5 милл. не имѣли возможности приложить весь запас своей мускульной силы к землѣ), безконечныя пространства пустынных земель, требующих построй-ки желѣзных дорог и организаціи

*) Из рѣчи Радека в Ком. Академіи.

многомилліоннаго переселенія,—Россія не имѣет совершенно капиталов... Откуда она их может получить?

Правящая партія отвѣчает на этот вопрос:

—Из э к с п о р т а.—

В главѣ о положеніи сельскаго хозяйства мы уже дали общія характеристики того, возможно ли разсчитывать при существующей экономической политикѣ совѣтской власти на быстрое увеличеніе экспорта, мы указали, что чрезмѣрные налоги на производителей товарных масс имѣют результатом раздѣл болѣе крупных хозяйств, и слѣдовательно, уменьшеніе товарных излишков.

Если обратимся к цифрам совѣтскаго экспорта, то мы увидим, что при валовом сборѣ хлѣбов в 3859 милл. пуд в 1925 г. экспорт равняется лишь 4,2% от валовой продукціи, в то время как в 1913 г. он равнялся 13% послѣдней. Экспортныя возможности страны таким образом уменьшились ровно в 4 раза.

Баланс внѣшней торговли Россіи в год войны по всѣм россійским границам выражался в суммѣ 1634 милл. руб. по вывозу в том числѣ хлѣбных продуктов на 744 милліона руб. и по ввозу—1536 милл. руб. В СССР тот же баланс внѣшней торговли в 1924—5 г. по вывозу равнялся 551 мил. черв. руб., поднявшись в слѣдующем году до 663 милл. черв. руб., ввоз поднялся с 720 милл. до 759 милл. черв. руб. за тоже время. Так как червонный рубль вдвое ниже довоеннаго, то в абсолютных цифирах тепершній совѣтскій экспорт приблизительно в пять раз меньше до—военнаго, а вся вообще внѣшняя торговля носит в противоположность послѣдней ярко пасивный характер, давая казнѣ дефицит около ста милліонов руб. в год. Несомнѣнно, подобный катастрофическій упадок баланса внѣшней торговли Россіи не

может быть исправлен в теченіе очень продолжительного времени. Возникает основательное сомнѣніе, чтобы вообще когда либо при совѣтской системѣ хозяйства до—военный экспорт Россіи мог быть возстановлен. На этот вопрос сами совѣтскіе экономисты единогласно дают отвѣт: в до—военных размѣрах экспортныя возможности возстановиться—не могут „так как послѣ революціи отпали помѣщичьи хозяйства, дававшія одни 300 милліонов пудов экспортнаго хлѣба; так как отпали хозяйства фермерскаго типа, особенно на Поволжьѣ, Сѣв. Кавказѣ и Украинѣ", безжалостно уничтоженныя безсмысленным потоком революціоннаго разрушенія.

Совѣтскіе экономисты утверждают, что даже при достиженіи сельским хозяйством довоенной посѣвной площади (на что потребуется еще 3-4 года) и при до—военных урожаях, экспорт не сможет достичь до—военных размѣров. *) Итак, этот источник изысканія необходимых для Россіи капиталов никаких иллюзій не внушает. В лучшем случаѣ излишками экспорта будет возможно покрыть ввоз 40% недостающаго совѣтской промышленности сырья и таковой же ввоз машин и орудій производства в размѣрах, потребных годичной аммортизаціей послѣдних, для остальных нужд промышленности, т. е. для развитія ея в дальнѣйшем, не останется ничего. Коммунизм—это полнѣйшій застой, регресс в развитіи хозяйства. Еще менѣе надежд дают рессурсы внутренняго накопленія. В самой совѣтской промышленности, как мы видим, они совершенно ничтожны, они могли бы быть болѣе значительны в области частной промышленности и торговли, но этому мѣшает все

*) „Эк. Ж". № 247 и 249—1926 г.

та же экономическая политика совѣтской власти, конфискующей накопленія частных лиц.

Надо думать, что благодаря именно этой политикѣ совѣтской власти значительная часть частных капиталов страны непрерывно утекает за границу. Многіе частные промышленники и купцы из боязни конфискаціонных налогов вывозят контрабандным путем свои цѣнности и денежныя средства. Факт этот достаточно хорошо извѣстен лицам, побывавшим в предѣлах Совѣтской Россіи, им, вѣроятно, также объясняется значительная утечка заграницу червонцев,— утечка, имѣвшая своим непосредственным результатом в 1926 году то что совѣтскіе заграничные банки, мѣнявшіе червонцы на валюту, одно время из за громаднаго количества предъявленных к размѣну червонцев или совершенно пріостанавливали их размѣн (Берлин), или понижали при размѣнѣ их курс на 30-25 % (Харбин, Париж). Остается наконец послѣдняя и единственная надежда—на международных банкиров.

Здѣсь однако же препятствія еще болѣе серьезны.

Препятствія эти двух родов: во первых политическаго или психологическаго свойства, а во вторых—финансово—экономическаго. Кредит могут оказать, но европейскіе денежные рынки сейчас весьма напряжены, достать денег в Европѣ вообще трудно даже и для не-коммунистической власти. Всѣ міровые капиталы сейчас сосредоточены в Америкѣ, но захочет ли она его оказать Совѣтской Россіи?.. Не так давно П. Струве, говоря по этому поводу, обмолвился фразой, характеризующей столько же отношеніе к совѣтской власти эмиграціи, сколько и американских банкиров:

„Кредит означает довѣріе, и никакіе кредиты не могут быть основаны на обманѣ и притом двойном и вдвойнѣ пагубном—обманѣ богатых иностранцев и бѣдных соотечественников". Такое же приблизительно сужденіе высказал в интервью американскій миллiардер Морган в 1922 г. в тот момент, когда Чичериным в Генуѣ был возбужден вопрос о полученіи Сов. Россіей от Европы трех—милліарднаго займа. Тогда міровые банкиры вовсе не пожелали заводить об этом рѣчь. Будут ли они склонны отнестись к вопросу благожелательнѣе сейчас? Никаких положительных к тому данных не видно. В высшей степени сомнительно, чтобы англійскіе или амерканскіе банкиры пожелали вручить сотни милліонов правительству, которое враждебно их странѣ не только в своей политической платформѣ, но и употребляет всѣ средства, чтобы поколебать и разрушить самые основы соціальных отношеній. Устраненіе Зиновьева от руководящей роли в Коминтернѣ само по себѣ слишком недостаточно, чтоб измѣнить отношенія и взгляды. Потребуется нѣчто большее, а именно гарантіи того, что внѣшняя политика совѣтов перестанет вдохновляться идеями воинствующаго коммунизма. Одними обѣщаніями на сей раз вряд ли удовлетворятся, а реальных гарантій совѣтская власть дать, конечно, не сможет, и, если дает, то вынуждена будет их нарушить.. Прочной гарантіей могло бы быть только отдѣленіе сов. власти от коммунистической партіи, полная реформа политическаго строя СССР, о чем пока еще не говорят. Препятствія, как видно, и для коммунистов, и для банкиров почти неодолимыя. Предположим, что они так или иначе будут устранены, и банкиры пойдут навстрѣчу желаніям сов. власти. Тогда возникают затрудненія второго порядка, разрѣше-

ніе коих не менѣе трудно.

Конфисковав свои и иностранные капиталы, совершенно наивно мечтать о возможности заключить новый долгосрочный заем, не урегулировав вопросов о старых долгах. Единственная страна, которой Совѣтская Россія ничего не должна—это Германія, но и здѣсь, благодаря небольшому количеству запасных средств и общему недовѣрію к принципам совѣтской власти, за послѣдній год удалось размѣстить лишь товарные кредиты, притом на сравнительно небольшую сумму 300 милліонов марок, на сроки всего от 2 до 4-х лѣт, и по сіе время из этой суммы реализовано товаров лишь на 40 милліонов американских долларов. Кредиты приходится просить у Англіи или Америки, и прежде их полученія ликвидировать прежнюю задолженность. Иными словами, получая, допустим кредит в сто милліонов, приходится брать обязательство на четыреста—пятьсот милліонов. Будет ли такая сдѣлка выгодна для страны и сможет ли она выполнить эти новыя обязательства? Утвердительный отвѣт может быть дан лишь в одном случаѣ,—если вся экономическая система будет перестроена по капиталистическому шаблону,—если этого не произойдет, то, конечно, новые капиталы пойдут или не по производительным каналам, или будут без пользы истрачены на различные болѣе или менѣе неудачные и чрезмѣрно дорогіе опыты „соціализаціи".

Не трудно предугадать, что англійскіе и американскіе финансисты не согласятся дать новыя сотни милліонов, не получая гарантій их разумнаго размѣщенія. И в этой облсти таким образом на дорогѣ полученія заграничных займов стоит преграда в видѣ тѣх форм совѣтскаго хозяйственнаго организма, с которыми не примирится буржуазная Европа в Амери-

ка. Остается один выход—примириться с капитализмом—перейти от „Н э п ‘ а“ на третьи позиціи.

Впер°ые в новой исторіи человѣчества государство столь полно проникается задачами промышленнаго и торговаго строительства. В предыдущих главах мы в общих чертах пытались показать, к чему это приводит в области экономики. Не будет трудно сдѣлать нѣкоторые весьма краткіе выводы о том, какими послѣдствіями эта послѣдняя дает себя знать в области отношеній граждан друг к другу и к существующей власти. Во всяком другом государствѣ классовый его характер не выдвигается на первый план, он болѣе или менѣе скрыт, может проявляться не в формѣ прямолинейных утвержденій законодательных постановленій, провозглашающих безправіе одних и всемогущество других, а в истолкованіи общих политических или экономических актов. Современное правовое государство исходит из положенія о равенствѣ перед законом всѣх граждан. Совѣтское государство не принадлежит к составу правовых государств; провозглашая диктатуру пролетаріата, изъясняя ее, как организованное насиліе над буржуазіей, оно тѣм самым ставит весь вновь народившійся класс предпринимателей в положеніе врагов, только терпимых и тѣм не менѣе непрерывно увеличивающих свое значеніе, как класса производителей. Благодаря деспотическим законам и произволу государства, ставшаго предпринимателем и монополистом, классовая борьба между рабочими и частными предпринимателями замерла, былой антагонизм промышленника и рабочаго смѣнился временным примиреніем. Антагонизм крестьянина и кустаря с одной стороны и частнаго торговца и промышленника с другой под вліяніем тѣх же условій смѣнился извѣстным сотруд-

ничеством.

Всякое иное государство прямо или косвенно опирается на тот или иной производительный класс. На кого же сейчас может опереться совѣтское государство? Казалась бы, этот вопрос было бы нелѣпо задавать, раз государство опредѣленно и ясно прокламирует диктатуру пролетаріата. Такая безговорочная поддержка должна была бы быть ему обезпечена со стороны рабочаго класса.

Однако на дѣлѣ это далеко не так. С момента октябрьской революціи, когда рабочій класс оказал поддержку большевикам и привел их к власти, прошел слишком длинный многозначительный період, чтоб не измѣнить отношеній. Большевики превратились сами в предпринимателей; став во главѣ національзованнаго производства, они унаслѣдовали не только производственный аппарат капитализма, но и сущность производственных противорѣчій. Всякое государственное предпріятіе СССС, в данное время построено по внѣшности на капиталистических началах. Принцип соціализма—каждому по потребностям—давно уже выброшен из коммунистическаго обихода, он замѣнен другим—всякому по заслугам.—В соотвѣтствіи с этой перемѣной в строй гос. предпріятій все болѣе входят всѣ аксессуары капиталистическаго способа производства, как напр. сдѣльная заработная плата, безпрекословное подчиненіе техническому и административному надзору, единоличное управленіе фабрикой, штрафы и взысканія, наем рабочих внѣ бирж труда т. под.

Рабочему—которому так много обѣщали, в концѣ концов оставили только свободу митинговать на изрѣдка устраиваемых на заводах так наз. „производственных совѣщаніях“, притом свободу относитель-

ную, иногда влекущую для болѣе строптивных— увольненіе с работ. При низком уровнѣ заработной платы, тяжелых жилищных, санитарных и правовых условіях и усиливающейся безработицѣ совѣтскій пролетарій лишь в рѣдких случаях может быть призван вполнѣ надежной опорой совѣтской власти.

Остается крестьянство. И нѣкоторые заграничные лѣвые коммунисты утверждают, что сов. власть есть власть крестьянская. Германскій коммунист Корш (исключен из партіи) недавно писал: „Сталин король крестьян. Русская революція сейчас из радикально—буржуазной превращается просто в буржуазную".

Это скорѣе предчувствія и предсказанія, чѣм дѣйствительность. Крестьянство СССР сейчас далеко не однородно.

Верхушечный—полу фермерскій его слой, облагаемый жестокими поборами и обираемый гос. торгами, по своей соціальной сущности не может не питать к совѣтской власти таких же враждебных чувств, как класс частных предпринимателей и торговцев. Средняя часть, т. наз. „середняки" облагаемая в три—четыре раза выше горожанина—торговца, не способная из за дороговизны промышленных товаров и дешевизны сельс. хозяйств. продуктов возстановить свой земледѣльческій инвентарь, не имѣющая возможности одѣться и удовлетворить народившихся культурных потребностей, не питающая болѣе никаких надежд на возможность при помощи этой власти увеличить свои надѣлы, все болѣе должна склоняться к направленію мысли крестьянской верхушки.

Из приведенных нами в главѣ „Сельское хозяйство" свѣдѣній читатель увидит, что полу—фермерскія хозяйства и „середняки" составляют подавляю-

щую часть крестьянства, достигающую 63 % всего сельскаго населенія. Эти группы опредѣляют отношеніе всего крестьянства к власти. Ниже стоят: класс деревенских пролетаріев безпосѣвных—4,2 % и временно обѣднѣвших, имѣющих до 2-х десятин посѣва —33% Послѣдняя часть крестьянства довольно быстро уменьшается в своей численности, переходя в разряд болѣе состоятельный, за четыре года она уменьшилась на 40%. Всѣ тенденціи этой части направлены к этому переходу, и стоящая на их пути угроза повышенія налога, как только их хозяйство начнет немного оправляться, едва ли может внушить им какія либо нѣжныя чувства к этой столь суровой по отношеніи крестьянина власти. Остается таким образом надежда на ничтожный по численности и по хозяйственному значенію класс деревенских пролетаріев, разъединенных между собой, н связанных зато крѣпкими узами быта с окружающей мужицкой стихіей. Крестьянство, дѣлясь по своей хозяйственной мощности на различныя категоріи, во всяком случаѣ выступает, как единое, объединенное общим интересом перед лицам гос.—торговли и города, поставляющих товары, давящих деревню своими непомѣрными цѣнами. С другой стороны средина и верхушка крестьянства, раздѣлив помѣщичьи земли, заинтересованы не только в том, чтобы распредѣлить их по отрубам, но еще болѣе в том, чтобы эти выдѣленные участки закрѣпить в постоянное владѣніе, на которое не могли бы уже претендовать ни чужеродные элементы, приходящіе из города (еврейское переселеніе на Украйнѣ, в Крыму и на Дону), ни свои малоземельные, ни переселенцы из других областей (Кубань). В земледѣльцѣ все настойчивѣе и сильнѣе сказываются индивидуалистическія и собственническія тенденціи, стоящія

в полном противорѣчіи однако же всему совѣтскому строю. Таким образом и в том другом случаях настроенія подавляюшей части крестьянских масс по отношенію совѣтской власти не может не быть в лучшем случаѣ оппозиціонными. В результатѣ власть повисает в воздухѣ, не поддерживаемая активно ни одним классам. Она конкурирует с промышленником и купцом, пользуясь при этом своими верховными прерогативами и создаваемыми ею же монополіями и запретами; она угнетает рабочих, как предприниматель; она раззоряет болѣе зажиточные слои крестьянства; пытаясь опереться на низы послѣдняго, она не умѣет и не может прочно привязать их к себѣ, ибо не располагает достаточными средствами для серьезнаго подъема их хозяйства; поднимая же на высшую ступень, она тѣм самым ставит их в разряд своих врагов, не способных мириться ни с низкими цѣнами на хлѣб, ни с высокими на промышленные товары.

К довершенію всего, задаваясь цѣлями міровой революціи, государство становится в оппозицію к самому себѣ и безразсудно тратит собираемыя по крохам народныя деньги на цѣли, совершенно чуждыя странѣ.

Девять лѣт Россія жгла себя во славу всего человѣчества. Исполнилось как будто пророчество Ф. М. Достоевскаго, который 45 лѣт тому назад сказал: „мы не враждебно, а дружественно, с полной любовью приняли в душу нашу геніи чужих націй, всѣх вмѣстѣ... и тѣм уже выказали готовность нашу ко всеобщему, всечеловѣческому возсоединенію“ (Пушкинская рѣчь). Еще один раз нищій и голодный народ, мечтая о перерожденіи міра, мотал безумно наслѣдіе отцов и во имя этого всечеловѣческаго отрекался от наиболѣе дорогого своего. Полюбили уже не

„братушек“, на этот раз, а всѣх обездоленных, пролетаріев вселенной... Русскія увлеченія, надежды на освобожденіе міра, на объединеніе человѣчества! Во сколько обошлись народу эти красивыя мечты!—Они были красивы,—потому ими и увлекались в Россіи столько талантов, противоположных направленій... Красота подкупает. Но красота бывает различной.— Одна реальна, как колонада Парфенона, как собор Василія Блаженнаго, другая призрачна, как тающее закатное облако в наших сѣверных краях, гдѣ краски ушли от земли в небеса. В этой прельстившей русскую интеллигенцію красотѣ не было правды. Мечта противорѣчила дѣйствительности. Можно ли совершать благодѣянія за счет голодных? В правѣ ли отец обрекать на смерть своих дѣтей, отнимая послѣдній кусок у них, чтоб отдать чужому? Через трупы и трупики русских младенцев и стариков шагали равнодушно колонны „спасителей Европы“... И когда они перебрели эти моря крови, одна Европа, сытая, равнодушная встрѣтила насмѣшками пророков, другая,— жадными пальцами прикидывая на счетах, что может дать ей благоскланность, встрѣтила поцѣлуем, но это был поцѣлуй блудницы... Жертва и кровь пропали даром...

И это не осталось незамѣченным, не прошло без слѣда в народной жизни и в жизни самой правящей партіи; на пространствѣ двух послѣдних лѣт эволюція мысли в средѣ послѣдней пролагает дорогу новому...

Так недавно бывшій глава Коминтерна Зиновьев писал: „Мы (коммунисты) только временно находимся в Москвѣ, мы желаем, чтобы наше пребываніе там было возможно кратковременнѣе, и чтобы мы могли в скорѣйшем времени перенести коминтерн—ши

міровой пролетарской революціи в другую страну" [Комм .Интернац. № 9-1924 г.].

Психологія кочевника, конечно, весьма мало удѣляет вниманія подлинным нуждам той области, в которой он временно разбил свои палатки. Если он и бывает чѣм озабочен, то его заботы не простираются дальше того, как скорѣе и возможно больше собрать подати с временных его данников. Нужды и жалобы послѣдних его не трогают, он пасет свои табуны так же охотно на степи, как и на пашнях...

Однако же коммунистическій номад вот уже девять лѣт не может передвинуть своих кибиток на заманчивый Запад. Европейскіе и американскіе пролетаріи оказались довольно невоспріимчивы к пропагандѣ, и не смотря на самые жестокіе попреки и понуканія, они не выказывают никакого желанія повторить у себя на родинѣ „русскій опыт".

„Поджигатели" перед лицом очевидных фактов должны были признать свою неудачу, по своему обыкновенію они замаскировали ее, назвав свое пораженіе „стабилизаціей капитализма", и устремили главное вниманіе на Восток, гдѣ им однако же приходится выступать не столько в роли соціальных революціонеров, сколько под флагом національнаго освобожденія восточных народов от западных имперіалистов.

Крушеніе надежд на скорую соціальную революцію на Западѣ неизбѣжно повлекло измѣненіе отношеній коммуни́стов как к другим странам, так и к той, среди народов коей они нашли себѣ пріют. Все чаще и упорнѣе высказываются мнѣнія о том, что нелѣпо тратить милліоны на поддержку заграничных отдѣлов коминтерна,—этих „приживальщиков", этой «своры мелко буржуазной челяди» (группа Мед-

вѣдева—Шляпникова), отрывая их от нужд своей собственной страны,—этого „единственнаго соціалистическаго государства". Движеніе ширится, не смотря на жестокое противодѣйствіе группы Зиновьева в то время (1924 г.) черезвычайно вліятельной, захватывает ту часть коммунистов, которая принадлежит к русской національности, распространяется в средѣ рабочаго класса и наконец оказывает свое вліяніе и на полит.—бюро партіи. К началу 1926 г. в средѣ послѣдняго намѣчаются два теченія:—одно крайних интернаціоналистов—разсматривает Россію по прежнему лишь как временную базу для проникновенія коммунизма на Запад,—источник матеріальных средств и сил, другое смотрит на Россію не как на временную станцію, а как на мѣсто постояннаго жительства, которое нужно устроить прежде заботы о всем другом. Коминтерн послѣдним разсматривается не с точки зрѣнія того, что чрез посредство его может дать Россія западному пролетаріату, а что она может от послѣдняго получить...

Склонившійся ко второму мнѣнію Сталин писал: задачей всѣх коммунистических партій міра является „поддержка совѣтскаго союза, так как послѣдній есть оплот революціоннаго движенія всѣх стран". (Правда № 66 за 1925 г.)

Между этими двумя взглядами, конечно,— громадная разница. Если при первой отправной точкѣ зрѣнія государственная идея отсутствует, нѣт и самой государственной власти, а есть лишь организація международных заговорщиков, которые с легким сердцем во всякій момент готовы принести в жертву своей химерѣ нужды и интересы страны, властью над которой им удалось овладѣть, то послѣдовательное проведеніе второго взгляда вводит их сторонников в

круг государственных идей, ставит управляемое ими государство на высоту самодовлѣющей верховной единицы, полагает начало разграниченію функцій государственных от отправленій партійнаго характера. Самому Коминтерну это теченіе отводит область скорѣе служебную, направляемую в государственных интересах, т.е. приблизительно ту, которую придавал Людендорф проѣзду большевистских вождей в 1917 г. в Россію.

Эти различія двух точек зрѣнія были настолько значительны, что компромисс оказался невозможным, и противники должны были неизбѣжно столкнуться. На этот раз государственное теченіе побѣдило. Верхушка оппозиціи, состоящая к тому же исключительно из представителей не русских элементов, была сломлена и хотя не отреклась от своих взглядов, вынуждена была подчиниться постановленіям XV парт. конференціи. Всѣ оппозиціонные члены полит.—бюро были из него исключены. Отступая от начал крайняго интернаціонализма, перестраивая таким образом свою идеологію, группа Сталина продѣлала это под видом очищенія „подлиннаго лениинизма“ от раскольнических тенденцій группы Зиновьева—Троцкаго.

Отступленіе это было тѣм легче, что оно прикрывалось текстами самого учителя (Ленина), в трудах котораго всегда возможно было найти подтвержденія весьма противорѣчивых сужденій.

„Сектанты“ коммунисты, очутившись у власти, управляя судьбами сто сорока милліоннаго народа, силою вещей вынуждены иногда становиться практиками, государственныя нужды и потребности все сильнѣе начинают давать себя чувствовать; требуя удовлетворенія, они все яснѣе противорѣчат сухой и безплодной догмѣ секты. „Н э п“, как экономическая

система, носит в себѣ самом внутреннее противорѣчіе, изжить которое представляется совершенно неизбѣжным. Это был компромисс между разбитым экономическими законами коммунизмом, сохранившим политическую власть, и хозяйственными потребностями страны. За свое пятилѣтнее господство „Нэп“ развязал и усилил тенденціи экономическаго характера, но остановившись на пол—дорогѣ, в данное время своими формами государственнаго воздѣйствія на развивающіяся экономическія отношенія, как тяжелой плитой придавил жизненныя силы экономики страны, и в теперешнем своем видѣ приводит к застою, является явной серьезной угрозой всему народному хозяйству.

„Оппозиція“ это противорѣчіе до извѣстной степени осознала, но подходя к основной темѣ о структурѣ современнаго совѣтскаго экономическаго строя с правильной исходной точки, признавая усиленіе капиталистических элементов в СССР, она, состоя из лѣвых утопистов типа Троцкаго—Зиновьева, не сдѣлала из этого положенія логических выводов и пыталась увлечь правящую партію на путь повторенія в миніатюрѣ эпохи военнаго коммунизма, новых налоговых и правовых репрессій по отношенію крестьянства и частнаго капитала. Группа Сталина не сочла возможным встать на этот рекомендуемый оппозиціей путь, очевидно, сознавая, что он может привести к новому Кронштадту и новым крестьянским возстаніям.

Но встав однажды на эту позицію, правящая группа естественно не может остановиться на мѣстѣ. Тѣ же логическіе доводы, тот же учет объективных данных, которые привели экономистов и политиков совѣтской Россіи к сознанію невозможчости вступить на путь, рекомендуемый оппозиціей, властно вынуждают сдѣлать и дальнѣйшіе шаги. Поход против

иниціативнаго хозяйственнаго меньшинства населенія, выражающійся в усиленіи до уродливых размѣров взысканія 90% доходности, (рѣчь Рыкова на 15 конференціи) у частных предпринимателей и 50% у крестьян,—поход, в значительной мѣрѣ предпринятый под вліяніем критики оппозиціи,—должен быть прекращен.

Иного логическаго выхода как будто нѣт, раз рецепты оппозиціи отвергнуты, раз дѣйствительно хотят считаться с интересами крестьянства.

Достигнув разоренія тѣх двух милліонов хозяйств, от которых государственная казна получает в настоящее время подавляющую часть налогов, разрушив частно—торговый аппарат, коммунисты, быть может, одержат видимую побѣду, но это будет побѣдой Пирра.

Государство останется с пустой казной, промышленность будет лишена сырья, вновь может повториться зловѣщій 1921 год. Будет торжествовать догмат секты, но сами сектанты вскорѣ же испытают неизбѣжныя послѣдствія своего фанатизма.

Эти послѣдствія настолько неизбѣжны и самоочевидны, что онѣ как будто осознаны в значительной мѣрѣ правящей группой Сталина. И тѣм не менѣе, если это сознаніе не перейдет в убѣжденіе в неизбѣжность и плодотворность перехода к капитализму, оно не даст странѣ ничего реальнаго и цѣннаго. Проявившись в рядѣ уступок „частнику“ или крестьянину, оно будут носить по прежнему характер временный, новаго „обходного движенія“ и не принесет народу гарантій спокойнаго поступательнаго прогресса.

Разрѣшеніе на практикѣ даже столь второстепеннаго вопроса, как вопрос о реформѣ налогового обложенія в благопріятном для страны смыслѣ, не ста-

нет от этого легче, ибо вопросы налоговой политики суть часть общей экономической политики всякаго государства и отдѣльно от нея разрѣшены быть не могут. Это лучше всего доказывается тѣм, что сов. власть не раз уже заявляла о своем желаніи облегчить крестьянству налоговое бремя, но вслѣд за временным сниженіем послѣдняго еще болѣе его отягчало. Преслѣдуя и подавляя иниціативу отдѣльных производителей в различных отраслях народнаго хозяйства, конфискуя индивидуальныя накопленія, раз онѣ выходят за рамки обычнаго уровня, совѣтское правительство тѣм самым уничтожает источники, из которых при иных условіях оно могло бы черпать средства, необходимыя ему для выполненія бюджетных государственных задач, это оно, несомнѣнно, сознает, но дѣйствовать иначе оно не может за полным истощеніем своих финансовых рессурсов. Сов. налоги это—лишь часть совѣтской хозяйственной системы, а тѣ и другая настолько убійственны для экономическаго организма страны, что о дѣйствительном облегченіи непомѣрнаго налогового бремени возможно будет говорить лишь тогда, когда самыя основы совѣтской экономики иснытают коренныя измѣненія. При данных же условіях, в рамках „Нэп'а", без вполнѣ послѣдовательнаго перехода к капитализму страна не выйдет из того тупика, в который ее загнал коммунистическій бред. Противорѣнія между экономической политикой совѣтов и жизненными интересами страны не ограничиваются однако же вопросами налогового обложенія, они идут гораздо глубже, они по своему существу діаметрально противоположны, непримиримы.

Интересы широких слоев населенія, интересы крестьянства и городских индивидуальых производи-

телей требуют отмѣны совѣтской системы безхозяйственнаго покровительства гос.—торговлѣ, гос.—промышленности, уравненія шансов для послѣдних с отдѣльными индивидуальными хозяйствами, уничтоженія монополіи внѣшней торговли. Пойти навстрѣчу этим требованіям для совѣтской власти означает ниспровергнуть всю ея бюджетную и денежную систему. Как извѣстно, червонное обращеніе металлическим запасом обезпечено лишь в совершенно ничтожной части —из одного милліарда трехсот милліонов черв. рублей, обращавшихся в Сов. Россіи к концу 1926 г., в кассах Государств. Банка по его балансу числилось лишь около 15 милліонов металлическаго обезпеченія.

Курс черв. рубля носит совершенно искусственный принудительный характер, он мог кое как, хотя и с большими затрудненіями, держаться лишь благодаря совѣтским монополіям и особенно—благодаря монополіи внѣшней торговли. Раскрѣпостить индивидуальную иниціативу, понизить налоги до болѣе или менѣе нормальнаго уровня, отмѣнить разоряющія народ монополіи и прежде всего монополію внѣшней торговли, отказаться от веденія убыточных промышленных предпріятій, передав их прежним владѣльцам, возстановить право собственности,—всѣ эти минимальныя задачи, уже стоящія на очереди, ожидающія своего осуществленія, не могут быть разрѣшены без примѣненія радикальных средств, без обращенія к чисто капиталистическим формам хозяйства, без перехода Сов. Россіи к правовому строю современных цивилизованных государств, без помощи мірового капитала. Чтоб вывести страну из глухого тупика, требуются сейчас не реформы и свѣжія „заплаточки“ на обвѣтшалое рубище совѣтской власти, а реформа. Возможно, конечно, предположить, что сознаніе

необходимости приблизить систему «Нэп'а» к капиталистическому способу производства присуще многим коммунистам, быть может, даже большинству их болѣе интеллигентной части, но от сознанія и до осуществленія—еще очень длинный путь. Необходимость реформ всегда и вездѣ сознается многими, но осуществляется большею частью одним,—той выдающейся волевой личностью, которая находит в себѣ силы преодолѣть, как частные интересы отдѣльных лиц и групп, так и силу инерціи массы. Переход от „Нэп'а" к капитализму к данному времени уже подготовлен всей суммой объективных предпосылок экономическаго развитія страны. Однако для своего претворенія в дѣйствительную жизнь он потребует появленія на сцену современной русской исторіи фигуры, быть может, столь же сильной, как Наполеон I или Петр Великій. Выйдет ли она из среды коммунистической партіи? Будет ли кто либо из коммунистов настолько смѣл и рѣшителен, чтобы, преодолѣв предвзятую идею, взять на себя всю тяжесть ответственности? Достанет ли у представителя партіи силы воли, чтоб стать этой истрической фигурой прогресса?

Или нація выдвинет из себя иную личность, нам незнакомую, но не несущую на себѣ одіума неудачной власти, грѣхов и ошибок недавняго прошлаго?

—Кто знает!—

Нѣкоторые параллели.

„Когда родина в опасности, когда вооруженный чужстранец нападает на границы, всѣ слѣдуют за тѣм, кто несет знамя, кто бы он ни был—узурпатор, авантюрист, мошенник... Если вырвать в этот момент у него знамя, если прогнать его, дѣло общественное было бы погублено. Честные люди жертвуют своим отвращеніем ради общественнаго спасенія. Чтоб спасти Францію они служат ея иедостойному правительству".

Т Э Н.

Один из иностранных историков, давшій яркіе очерки императорской Россіи,—писатель по происхожденію и воспитанію весьма мало склонный к прикрашиванію или сглаживанію фактов трактуемаго им предмета,—Валишевскій—полу—поляк, полу—француз, констатируя факт неизмѣннаго возрастанія при императорах силы и могущества Россіи, не взирая на всѣ ошибки правителей и царей, на всѣ их недостатки, так объясняет это удивительное явленіе:

„Россія шла к могуществу силою той жизненной энергіи как государыни [Елизаветы], так и подданных, которая возмѣщала и ея, и их недостатки и группировала вокруг престола ряд умов, энергій и воль, готовых поддержать главный принцип власти и дѣятельности. Эта напряженная воля пробивалась из прошлаго, полнаго легенд, предвѣщала будущее, полное обѣщаній, окружала этот молодой, сильный и склонный к мистицизму народ атмосферой героизма, воодушевляла самых слабых, самых испорченных и

позволяла при всѣх недостатках и измѣнах восторжествовать идеѣ служенія общему идеалу, фанатическому культу этой идеи“ (государства). Это нѣсколько метафизическое объясненіе причин успѣхов Россіи по существу не может не быть признано правильным.

Національное чувство создало великое государство, болѣе всего оно спасало Россію от всѣх бѣдствій и исторических невзгод. Государственный аппарат наступленія и защиты-военныя силы—были организованы на національных основах.

Войско состояло не из наемников, как то было у нѣкоторых западных держав в XVIII вѣкѣ, а из цвѣта націи—крестьян,—при том коренных областей. В этоху военнаго расцвѣта Россіи вплоть до царствованія Екатерины II рекрутов в русскую армію доставляли лишь десять великороссійских губерній. Украина имѣла тогда свою отличную военную организацію, Прибалтійскій край в рекрутчинѣ совсѣм не участвовал. Маленькій по численности центр великорусской Россіи (по ревизіи 1747 года в областях Великороссіи, поставлявшей рекрутов, числилось всего 6.624.026 жителей) создавал кадры той арміи, которая не смотря на бездарность елизаветинских полководцев, умѣла находить в себѣ силы побѣждать величайшаго вождя столѣтія—Фридриха Великаго, а самое пораженіе превращала в побѣду.—Де—Катт в своих мемуарах о Цорндорфѣ рисует такія сцены истребленія пруссаками русских гренадер:

„Русскіе солдаты падали рядами, цѣловали пушки в то время, когда их рубили саблями и не оставляли их“ [стр. 788].

И каким контрастом этим картинам великаго героизма предков, каким эпическим развалом выявит себя противо—германскій фронт в эпоху революціи!

Какая громадная непереходимая, казалось бы, грань лежит между этими двумя періодами русской исторіи,—непереходимая не потому, что их раздѣляет полтора столѣтія (для великаго народа это лишь исторический миг), а по внутреннему их содержанію, по страшному, коренному различію народной психологіи.

В результатѣ этого развала, невиданнаго в военной исторіи Европы, аналогію которому германскіе писатели могли подыскать лишь в распадѣ древне—персидской монархіи Дарія, Россія послѣ Брест—Литовскаго, Рижскаго и иных договоров вновь возвращается ни Западѣ к границам Московскаго государства эпохи Алексѣя Михайловича, потеряв Финляндію, Эстонію, Ливонію, Литву, часть Бѣлоруссіи, и Украйны и Бессарабію. Оттолкнув династію Романовых, Россія в один историческій миг потеряла всѣ пріобрѣтенія, принесенныя ей в дар императорским періодом ея исторіи. К началу 1913 г. до—революціонная Россія имѣла 165 милл. жителей, ея народонаселеніе ежегодно увеличивалось на 3 ½ милліона естественным приростом и переселеніем из сосѣдних стран. По прошествіи 13 лѣт внѣшне и внутренне спокойнаго существованія к 1 января 1926 г. она должна была бы имѣть свыше двухсот десяти милліонов человѣк. В дѣйствительности по данным совѣтской статистики на это время она имѣла лишь около ста тридцати двух милліонов!

Россія потеряла от сепарацій около 25 милл. человѣк, остальное слѣдует отнести на результаты войн, голода, эпидемій и уменьшенія рождаемости. Неудачная политика и, как ея результат,—война и революція—нанесли нашему государственному организму в области народонаселенія ущерб в восемьдесят

милліонов человѣк... Таков страшный пассив послѣдних десятилѣтій. В чем же лежит причина столь глубокаго различія в поступках и поведеніи русскаго народа в XVIII и XIX вѣках? Гдѣ кроется объясненіе разительнаго отличія этих двух эпох начала и конца императорскаго періода русской исторіи? Національное чувство, дѣлавшее из наших предков героев, замѣщавших своею доблестью недостатки вождей, за сто пятидесятилѣтній період времени исчезло, смѣнившись безразличіем и апатіей, убитое в верхах иностранными идеями и оторванностью от массы, оно угасало в массах, придавленное бездушной, лишенной идеала бюрократической машиной, в которую превратилось государство. Государственная машина, лишенная живого вдохновеннаго внутренняго огня, работала механически, аппаратом внѣшняго принужденія. И когда случайно внѣшняя принуждающая сила ослабѣла, внутренних сил не оказалось, и вся машина стала.

Возродить это животворящее національное чувство, эту силу, дающую жизненную мощь всякому народу, питающую его творческую энергію, толкающую его к росту и совершенствованію, возможо было лишь в том случаѣ, если страна избавится от застарѣлой болѣзни, медленно развивавшейся в организмѣ Россіи и ставшей очевидно опасной в послѣднія десятилѣтія.

Этим болѣзненным явленіем, поражавшим вниманіе многих наблюдателей русской до—революціонной жизни, была разъединенность народа и его интелли-

генціи, оторванность русских граждан от политических судеб их родины. Великій преобразователь Россіи Петр 1; „взнуздав коня“, вздыбил его и своей мощной рукой бросил Россію вперед—на Запад. Путь не был избран народом. Это был не выбор, а приказ

—абсолютный, хотя и геніальный деспотизм.—

Современники и потомки лишь болѣе или менѣе удачно подражали великим дѣлам Великаго Петра. И так как геніальных среди них никого не было, то деспотизм из геніальнаго выродился в обычный произвол. Бюрократическая стѣна в теченіи двух столѣтій росла и раздѣляла двѣ Россіи: одну—маленькую, которая управляла,—другую неизмѣримо большую, которой управляли. Традиція Петра—удѣл народа повиноваться—неуклонно соблюдалась, народ никто и ни о чем не спрашивал. И еслибы люди не были смертны, не имѣли недостатков, не совершали ошибок, то, быть может, это и не имѣло бы трагических послѣдствій. Но так как тѣ, кто дѣйствовал за Россію, были люди полные недостатков, простые средніе люди, то другіе, которые были лишь свидѣтелями всего совершающагося, сами не участвуя в управленіи, имѣли полную возможность критиковать. Отстраненные от всякаго участія в дѣлах страны они, критикуя, все болѣе и болѣе привыкали к мысли, что всякое дѣйствіе управлявших касается только послѣдних. Забывая,, что эти послѣдніе дѣйствуют от имени и в интересах цѣлаго, государства, управляемые стали все больше смотрѣть на самое государство, как на что—то чуждое, постороннее. Росссія до—революціонная при всей своей мощи страдала внутренней слабостью, раздѣленностью правящих от народа; государство не входило в частную жизнь граданина, как часть общаго, а было внѣшней силой.

Трагедія 1918 года назрѣвала еще в тѣ дни, когда интеллигентная Россія радовалась пораженіям русской арміи на полях Маньчжуріи, когда так называемое образованное общество твердило про „авантюры“ и шептало на всѣх углах вороньим карканьем—„чѣм

хуже—тѣм лучше!“

В так называемом образованном обществѣ пред-революціоннаго періода уже нельзя было отыскать слѣда подлинных національных настроеній. Чувства здороваго патріотизма, служенія идеѣ государства и общества были во всеобщем употребленіи на словах, —на дѣлѣ же они были удѣлом лишь немногих избранных натур. Всюду брал верх самый жадный и жалкій эгоизм. Особенно зловѣще вырисовалась его отвратительная гримаса во время войны на фонѣ всенароднаго бѣдствія.

Когда на передовых постах умирали рядовые офицеры и солдаты, многіе из интеллигентов „окапывались“ в различных тыловых, земских или союзных организаціях и учрежденіях. В тылу шел постыдный непрерывный пир, и толпы жадных спекулянтов международнаго типа наживали безумныя деньги на заказах казны и военных поставках.—

Без конца твердили—„война до побѣднаго конца“,-но выбрасывавшіе этот лозунг не понимали того, что первым залогом побѣды всегда и вездѣ было искусство повиноваться, дисциплина дѣйствія, а не столь привычное занятіе критики. Критикой занялись всѣ и прежде всего политическіе вожди и придворная знать,—именно тѣ, от кого болѣе всего, казалось бы, слѣдовало ждать сознанія лежащей на них отвѣтственности перед страной и народом. В концѣ концов величайшим народным бѣдствіем рѣшили воспользоваться, как орудіем, для того, чтобы свалить историческую власть. Настало время явных интриг и тайных заговоров. Предательство и измѣна заняли мѣсто преданности и сознанія долга.

Впослѣдствіи, когда было уже поздно исправлять ошибку, когда было невозможно повернуть вспять

колесо исторіи, старый революціонер князь Крапоткин на Московском совѣщаніи 1917 г. бросил в лицо русскаго общества горькую фразу: „развѣ можно было мѣнять правительство во время войны“?!

В концѣ 1916 и началѣ 1917 г. г. этой столь простой истины не понимали настолько, что сами члены царской фамиліи готовы были участвовать в переворотѣ, подготовлявшемся правыми членами Государственной Думы во главѣ с А. Гучковым. Вожди умѣренных и правых партій первые положили начало вовлеченію арміи в политику, они же уговоривали генералов Алексѣева и Рузскаго не оказывать поддержки императору в дни петроградскаго возстанія. Эпигоны уходившей в прощлое эпохи не понимали, что переворот будет крушеніем. Ставя свои штемпеля под планами низверженія Николая II, всѣ эти люди тѣм подписывали себѣ смертный приговор. Исторія лишь привела его в исполненіе, избрав случайным палачом большевиков.

Правящіе круги, начиная от представителей знати и кончая представителями Государств. Думы, рискнув пойти на переворот, во всяком случаѣ показали, что историческаго момента они не понимают, что жажда власти, эгоистическія чувства и самоувѣренная критика ограниченных натур заняли мѣсто сознанія чувства долга и политической отвѣтственности. Это было время, когда каждая умѣренная политическая организація плыла по теченію, отрекаясь от своих принципов, или замыкалась в обывательскую скорлупу, наивно думая найти желанный покой под крылом спасительного лозунга—„вся власть Учредительиому Собранію“; причалив к этой пристани, думали сыскать в ней избавленіе от все сильнѣе крѣпчавшей политической бури.

Политическая исторія не знает снисхожденія.

Понимали ли высшіе классы, в теченіе столѣтій руководившіе жизнью Россіи, куда заведет их роковая политика, или этого не понимали, для исторіи и Россіи это было безразлично.—Они показали на дѣлѣ свою соціальную непригодность и должны были сойти с исторической сцены... Началась великая смѣна государственных рулевых,—великая государственная и соціальная смута. Анархическіе элементы русскаго общества залили мутной волной всю страну. Все пошло в разброд. Безнадежно утеряно было представленіе о государствѣ, как о цѣлом, обнимающем частные интересы, направляющем их к общей, полезной для всѣх цѣли. Всякій кричал о правах, и никто не думал о своих обязанностях, представляя государство, как нѣчто постороннее, внѣшнее, были наивно увѣрены, что государство может дать все, лишь стоит только захотѣть и имѣть силу взять. Свободу понимали, как самовластіе или самоуправство, не ограничивая ее ни интересами других граждан, ни самого общества. Удивительно ли послѣ всего этого, что в результатѣ общаго развала государство в концѣ 1917 года распалось, утратило всѣ свои права, силы и функціи вплоть до способности самозащиты. Чтоб вновь возродить к жизни государственный организм, чтоб усмирить анархическую стихію, поднявшуюся отовсюду и превратившую общественную жизнь в войну всѣх против всѣх, нужны были громадныя, напряженныя усилія, требовалось сконцентрировать в руках государственных органов всю власть, отобрать от личности всѣ права, оставив ей вновь лишь одни обязанности. Этот процесс сосредоточенія власти пошел по путям, давно, казалось бы, сданным в архив исторіи. Національная жизнь совершается в

результатѣ над—сознательных процессов. При ея изученіи не слѣдует обращать вниманіе на внѣшность, на политическія программы партій и организацій.— Все это лишь фасад, видимость, часто маскировка— не больше. Чтобы ознакомиться с сущностью явленія, приходится обращаться к фактам и дѣйствіям. Революціонеры наших дней, которым суждено было заниматься временной перестройкой государственнаго зданія Россіи, придя к власти, внесли в политическій обиход государства много чужих нарядов и пышной иностранной фразеологіи. Измышлены были цѣлыя системы мудреных національзацій, соціализацій, индустріализацій, муниципализацій и т. под. Новая власть спѣшно тачала как будто новые политическіе костюмы, воздвигала декораціи будущаго соціально—политическаго рая, выбрасывала лозунги... Чѣм болѣе непонятным было то или иное слово, тѣм болѣе оно притягивало вниманіе. тѣм сильнѣе дѣйствовало своим таинственным смыслом на толпу Но этими магическими понятіями лишь маскировали старую сущность. На словах стремились опередить мір новшествами. На дѣлѣ—в системѣ управленія во многом вернулись к средствам и методам, бывшим уже в государственном обиходѣ до Петра Великаго, когда государство Московское торговало в розницу и оптом хлѣбом, венгерскими винами, квасом, пушниной и пенькой, когда в таком ходу была система всевозможных монополій, когда в случаѣ польско—литовской войны облагали „торговых и посошных“ людей сборами в 40% и болѣе. Вернулись к закабаленію всѣх граждан в ярмо различных натуральных повинностей, вплоть до повинности „трудовой“. Когда этих средств не хватило, прибѣгли, как в эпоху царя Алексѣя Михайловича, к порчѣ монетной системы путем безконечных вы-

пусков сов. рублей. Денежное хозяйство превратили в натуральное XVI вѣка, и самыя подати собирали натурой отрядами „особаго назначенія“—спеціальных „опричных людей“. Служилое сословіе дворян, давно уже уничтоженное, как таковое, возродили в новом привиллегированном служилом классѣ—партіи коммунистов,—обязанных безпрекословно отдавать себя на службу в возродившихся до—петровских приказах и петровских коллегіях и государственных фабриках.

Все было одѣто в причудливые иноземные костюмы, но сквозь дыры, из под странных лоскутьев,—смѣси стараго и новаго, совершенно явственно вырисовывался старо—московскій кафтан.

Государство по московскому обычаю взяло все, не оставляя личности ровно ничего. Естественно боясь конкуренціи с внѣшним капиталистическим міром, современные коммунисты из интернаціоналистов все болѣе превращаются на дѣлѣ в сторонников обособленности своей страны. Они запрещают сношенія отдѣльных сов. граждан с внѣшним міром, они мѣшают экономическому общенію СССР с заграницей путем введенія монополіи внѣшней торговли, они преслѣдуют суровыми уголовными карами сообщеніе заграницѣ различных экономических свѣдѣній о Россіи, разсматривая это, как „экономическій шпіонаж“, путем паспортных стѣсненій они затрудняют въѣзд в предѣлы страны представителям умственнаго труда, путем монополіи печатнаго слова они ежедневной упорной газетной пропагандой пытаются доказать массѣ народа, что совѣтскіе порядки неизмѣримо выше заграничных, капиталистических.

Возвратившись из Петербурга в Москву, Россія стряхнула с себя двухсотлѣтній надѣтый на нее Петром европейскій убор и вновь появилась в видѣ

старо—московскаго государства с той разницей, что к нему прилѣпили самоновѣйшій соціалистическій ярлык совѣтскаго пролетарскаго государства, странно противорѣчившій азіатскому облику строя. Недаром К. Каутскій однажды воскликнул: „Карл Маркс! О еслиб ты знал и предвидѣл, как изуродуют твое ученіе!..“ Соціал. демократическій ярлык был, конечно, взят лишь напрокат,—чтоб хотя немного пріукрасить в глазах простодушной и невѣжественной толпы убогое рубище, вытащенное из исторической могилы. И с той поры этот ярлык, как нѣкое воспоминаніе о Европѣ, маячит всюду, покрывая скудное содержаніе бѣднаго фантазіей и широтой замысла коммунистическаго творчества. Человѣческій ум не может создать в соціальной области ничего иного, как то, что уже было, и только сама жизнь в своем послѣдовательном поступательном развитіи показывает образцы высокаго и по истинѣ плодотворанаго творчества.

Войны Совѣтской Россіи с ея окраинами, осложненныя внутренним междуусобіем, тянулись очень долго. Результат их в значительной степеки был предрѣшен внутренним положеніем. Московское государство в XVI и XVII вѣках рѣдко имѣло удачу в подобных столкновеніях. Было бы поэтому большой непослѣдовательностью ожидать иного результата от столкновенія Россіи, превратившейся в Московскую державу XVI вѣка, с блоком тѣх же воскресших вновь государств, поддерживаемых к тому же испуганной и озлобленной Европой. Не смотря на многомилліонныя ополченія, собиравшіеся московской властью, всѣ усилія послѣдней не увѣнчались успѣхом, ни одна из окраинных столиц не была занята совѣтскими вооруженными силами, и в концѣ концов Сов. Россія была вынуждена не только признать не-

зависимость отдѣлившихся окрайн, но сверх того уступить Польшѣ нѣсколько уѣздов с населеніем, большинство коего принадлежит к русской національности по украинской или бѣлорусской ея вѣтвям. Прибѣгнуть к оружію в спорѣ с Румыніей из за Бессарабіи не представилось возможным,—не хватило сил...

Когда войны закончились, и пораженіе было по примѣру восточных деспотій провозглашено побѣдой над „имперіалистами всѣх стран“, когда уступку уже совѣтизированных областей оффиціальная пресса истолковала, как торжество всеобщаго признанія ленинских принципов „самоопредѣленія и сепараціи“—этого „великаго открытія учителя“, когда шумная трескотня газет и крикливые митинги надоѣли, жизнь стала мало помалу предъявлять свои требованія. Во время войны насиліе узаконено, и недостатки отсталаго государственнаго механизма сказываются не столь сильно. Хотя они и замѣтны, но их возможно отнести до извѣстной степени за счет „капиталистическаго окруженія“, свалить вины на интриги „бѣлых“ и происки „имперіалистов“. Страна представляла военный лагерь, и люди, ожидавшіе неисчислимых благ от признанной ими власти, должны были поневолѣ мириться с этой лагерной жизнью, успокаиваясь на мысли, что это лишь временныя лишенія, которыя исчезнут по окончаніи военной грозы, когда настанет великая пора „соціалистическаго строительства“.

Гроза наконец прошла, но и по ея окончаніи гражданин не перестает быть государственным рабом. „Нэп“ в области отношеній государства и отдѣльной личности внес большія облегченія, но далеко не завершил работы даже в сферѣ чисто экономических отношеній. Политическая структура государства оста-

лась незатронутой. Сословный характер отсталаго государства возведен на пьедестал, как величайшее достиженіе, осуществляемое пролетаріатом Сов. Россіи, коему должны подражать прочія страны мира.

Как и во время войны, весь государственный строй и весь хозяйственный оборот основаны на принужденіи и страхѣ, ничего не оставляя вдохновенному порыву или почину отдѣльной сознательной воли. Государство разсматривает гражданина, как врага, котораго прежде всего требуется достаточно сильно напугать. Всякій призрак права и законности в этом строѣ отсутствует. Здѣсь царство произвола, усмотрѣнія и цѣлесообразности, искривленной притом ложно понятой предвзятой доктриной.

Государственныя повинности и налоги неизмѣнно сопровождаются угрозой для неплательщиков в видѣ суровой уголовной кары. Даже несвоевременный их взнос влечет начисленіе совершенно невѣроятных в капиталистических, цивилизованных государствах—штрафов, еще в 1924 г. доходивших до размѣра 3% в день... Всякое нарушеніе казеннаго интереса разсматривается, как уголовное преступленіе, даже и в том случаѣ, если оно не было умышленным. Всякій договор с государством, если контрагент—государство, спохватившись послѣ его подписанія, благоразсудит признать, что он для него новыгоден, признается ничтожным... Всякая критика правительственнаго строя—уголовное преступленіе, всякое открытое сопротивленіе даже и незаконным велѣніям власти преступленіе, заслуживающее смертную казнь. Государство монополизирует не только всѣ крупные фабрики и заводы, транспорт, банки и зданія, но самую мысль, слово, вѣрованія и убѣжденія,—словом весь физическій и духовный мір,—мір вещей и по-

нятій. Кто выходит за предѣлы дозволеннаго, тот разсматривается, как врагъ общества, которому нѣт и не может быть пощады.—он должен быть истреблен... Исторія деспотическихъ государств Востока не занала столь полнаго поглощенія человѣческой личности.

Когда пришлось от военных дѣл переходить к мирному производительному труду и созиданію матеріальных цѣнностей, этот милитаризированный на миг ожившій, но ветхій аппарат власти оказался совершенно непригодным в условіях современной международной жизни, основанной на свободной конкуренціи отдѣльных хозяйств и народов и международном торговом оборотѣ.

Страх, как импульс к дѣйствію в военном строю может фальсифицировать патріотическое воодушевленіе и замѣнить развитое в европейцѣ сознанье долга; принужденіем и силой возможно отнять хлѣб или скот у крестьянина,—фабрику у заводчика,—деньги у банкира. Но как возможно страхом наказанья заставить интенсивно работать рабочаго?.. Выгодно для казны торговать государственнаго торговца? Как палкой научить госуд. трест умѣло, дешево, обильно производить продукты? Можно ли наконец на терроръ построить организацію сельскаго хозяйства, распыленнаго между десятками милліонов самостоятельных крестьянских хозяйств?

Однако же как ни казались бы абсурдными попытки замѣнить индивидуальный разсчет отдѣльной производящей личности системой государственнаго хозяйства, управляемаго из центра и регулируемаго в периферіи террором,—эти попытки не оставлены и до сих пор... Экономическая дѣятельность гос. предпріятій и гос. торгов отдана под надзор политической полиціи (Г.П.У.). В составѣ каждаго губернскаго

политическаго управленія организованы спеціальные экономическіе отдѣлы, задачей коих является негласное наблюденіе за всѣми національзированными предпріятіями губерніи, а в центрѣ всесильный Дзержинскій руководил как дѣйствіями О.Г.П.У,, так и всѣми учрежденіями государственнаго хозяйства. Создан были централизованный аппарат экономическаго и политическаго воздѣйствія, системѣ устрашенія приданы был чрезвычайная сила и власть, невиданные в исторіи. И не смотря на все, система эта не оправдала себя в борьбѣ с экономической стихіей производства и обмѣна и психической человѣческой природой. Страх наказанія дѣйствителен не суровостью будущих кар нарушителям законов, а неизбѣжностью кар. В совѣтском же государствѣ наказанія жестоки, но избѣжать их легко, и потому они нимало не пугают нарушителей. Это должен был бы знать и сам. Дзержинскій незадолго до своей смерти, когда «ликвидировал» коммуниста Волина *). Мошенников страх болѣе не пугал, глупых же и несвѣдующих научить не мог... Новое „служилое сословіе“ —партія коммунистов,—которая по мысли Ленина

*) Начальник валютнаго управленія в сообществѣ с двумя другими спекулянтами устроил такую комбинанію.—Выпущенный на 10 мил. руб. заем был ими весь взят от Гос.—Банка на комиссію. Отрѣзав первый купон на 10 руб., полагавшійся в премію держателям, ловкіе аферисты заложили заем в том же банкѣ в суммѣ вдвое превышавшей их первоначальный взнос и, положив в карман нѣсколько милліонов, уже болѣе не интересовались судьбами его размѣщенія. Обвиняемые были разстрѣляны без суда по ордеру Дзержинскаго. [Пр. авт.]

должна была поставлять государству „честных и способных работников", не выполнила своего предназначенія, как это показывает совѣтская дѣятельность и многочисленные судебные процессы о растратах.

Партіец, в тѣх рѣдких случаях когда имѣл знанія и способности, мог быть сносным бюрократом, но никак не промышленником и торговцом, ибо инициативы, опыта, знаній предпринимателя ему по самому случаю было взять неоткуда, личнаго интереса не существовало, а если он все же дѣйствовал, то толкал на преступленіе присвоенія государственных и общественных цѣнностей...

Совѣтское государственное хозяйство, вынужденное силою обстоятельств выйти на міровые рынки конкурировать с капиталистическими предпріятіями и предпринимателями, обречено всюду терпѣть поражения, приносить государству убытки там, гдѣ частная инициатива извлекает барыши.

Совѣтскій экономическій аппарат, как аппарат бюрократическій, как во внѣшней и внутренней торговлѣ, так и в производствѣ показывает ежедневно, что он держится не свойственными ему положительными качествами, а только системой принужденія и гос.—протекціи.

Такое положеніе, конечно, долго длиться не может. Страна со ста сорокамилліонным народонаселеніем при современной системѣ мірового хозяйства имѣет возможности ни оставаться в экономической и политической изоляціи, ни возстановливать средневѣковую хозяйственную и государственную систему. Производственные процессы сильнѣе всякой политики, рано или поздно они все же восторжествуют и перестроят весь государственный организм по мер[illegible]

В теченіе пяти послѣдних [illegible]говѣтскій а[illegible]т власть выполнил ту черновую работу, которая [illegible] необходима для государства. Грубыми—до—пе[illegible] средствами, но кое—как скрѣпил расшата[illegible]ніе государства; он водворил примитивной по[illegible]ок, который соотвѣтствовал до известный степе[illegible] такому примитивному складу мышленія городски[illegible] масс населенія, увлекавшихся соціалистическими мечта-ніями; организованной им военной силой он удер-жал в орбитѣ россійскаго государства [illegible]инѣ окрайны, стремившіяся к сепараціи; центробѣжным силам дру-[illegible] окрайн он противопоставил централизованную [illegible]истему тоговли и промышленности и тѣм в наиболѣе опасное для государства переходное время парализо-вал или обезвредил их сепаратистскія стремленія; он при-вал обществу нѣкоторыя формы организаціи. [illegible] же пришлось в эти грубыя и несовершенныя [illegible]мы влить дѣйствительное и живое содержаніе, совѣтскій строй оказался к тому абсолютно неспособ-ным не потому, конечно, что у него для того не хватало настойчивости, а потому, что он в его тепе-решней формѣ лишен внутренней творческой энергіи, тѣх великих жизненных сил, того національнаго духа, который двигал Россію к побѣдам во времена Елиза-веты, который, как говорил Валишевскій,—„при всѣх недостатках и измѣнах позволял восторжествовать идеѣ служенія общему идеалу, фанатическому куль-ту идеи государства".

Провозглашенная большевиками идея служенія „интернаціоналу" могла увлечь людей охваченных бредом соціалистческих утопій лишь ненадолго, и ког-да бред интернаціонализма начал разсѣиваться, „интер-націонал" даже в глазах коммунистов стал превра-щаться в пустое мѣсто, в жалкое скопище „залре-

бетников русскаго мужка", в сборище международных прихлебателей...

Интернаціонал мог быть временным орудіем разрушенія, идеей же творящей, созидающей великія цѣнности, могла быть лишь идея національная, идея служенія не дальнему, а близкому, родному... Интернаціональная идея оказалась в силѣ разрушить Величайшее Государственное Зданіе Россіи в 1917 г., она в дальнѣйшем еще может надѣлать много зла Западу, но возсоздать хотя бы совѣтское россійское государство в прежних предѣлах она, очевидно, не имѣла сил. Сами большевики, агитируя на Востокѣ, уже вынуждены в качествѣ рычага для приведенія в движеніе народных масс, употреблять лозунги не интернаціоналистическіе, а совершенно иного рода—чисто національные. Всякая вещь имѣет свое начало, свое предназначеніе и свой конец.—В Россіи интернаціонал приходит к своему естественному завершенію.

„Термидор“

РОССІЯ

...„Какому хочешь чародѣю
Отдай разбойную красу!
Пуской заманит и обманет,
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасныя черты“...
А. Блок.

С русским народом произошло то, что нерѣдко происходит со всяким отдѣльным человѣком, слишком привыкшим пользоваться опредѣленным каким-либо благом и потому не замѣчающим его при нормальном теченіи жизни. Мы цѣним воздух и свѣт особенно интенсивно тогда, когда его лишены, напримѣр находясь в тюрьмѣ; здоровьем мы начинаем дорожить, лежа на одрѣ болѣзни.

Двѣсти лѣт историческаго непрерывнаго роста, непрерывных успѣхов в международной политикѣ разслабили національное русское самосознаніе, отучили русское общество от пониманія той великой цѣнности, какую представляет національный идеал для всякаго живого государственнаго организма. Когда пришла революція, подобное ослабленіе національнаго самосознанія вмѣстѣ с издавна привитыми русской интеллигенціи лозунгами интернаціонализма привели к тому, что интересы русскаго народа оказались на послѣднем планѣ при всѣх столкновеніях и

коллизіях русской столь недавно, назалось бы, господствующей національности с инкорпорированными в ея состав различными инородными элементами и окраинными частями государства. Русскій народ с легким сердцем наблюдал, как историческія судьбы его страны и его государства, созданнаго прежде всего его многовѣковой исторіей, становятся игралищем многоязычной меньшей по численности, но болѣе настойчивой и требовательной части. Он оставался безразличным молчаливым свидѣтелем того, как его великодержавіе превращалось в пыль, попираемую и оплевываемую тѣми, кто вошел в его государство в результатѣ добровольнаго или насильственнаго присоединенія, как его культура, его язык унижались, как нѣчто низшее; как его вѣра осмѣивалась, как предразсудок и глупость. Он молча наблюдал, как в результатѣ провозглашенных принципов „самоопредѣленія націй“ в его величавом „Государственном Домѣ“ появились уродливыя пристройки народностей, никогда не живших самостоятельной государственной жизнью, не имѣющих не только собственной культуры, но нерѣдко и своей письменности... Всѣ они требовали, чтоб он уступил им дорогу, чтоб он отрекся от своих верховных прав. „Національное самоопредѣленіе“ стало удѣлом и правом всѣх вчерашних пришельцев, маленьких некультурных народцев, и только он—недавній хозяин и созидатель этого „Дома“ был этого права лишен. В настоящее время русское населеніе всюду поставлено в то положеніе, какое оно занимало бы в том случаѣ, еслиб оно испытало на себѣ участь завоеванія его в результатѣ какого либо иноземнаго нашествія. Всякій пришлец в русском государствѣ является сейчас его хозяином, ему приносятся в жертву самые закон-

ныя интересы русскаго населенія. Русскій народ как бы сознательно премѣнял свое положеніе господина на положеніе слуги, едва терпимаго, всѣми „униженнаго и оскорбленнаго“.

Было бы в высшей степени неправильным счесть этот факт за результат какого—то „засилья“, это был совершенно добровольный акт, в нем сказались тѣ характерныя черты самоотрицанья и самоуниженья, которыя были подмѣчены еще пятьдесят лѣт назад Ф. М. Достоевским и развиты в его произведскіях не один раз. В своем „Дневникѣ Писателя“ за 1873 г. он по поводу некрасовскаго „Власа“ дал такую характеристику типа народнаго «отрицателя»: „Это прежде всего забвеніе всякой мѣрки во всем (и замѣтьте, всегда почти временное, являющееся как бы каким то навожденіем). Это—потребность хватить через край, потребность... дойдя до пропасти, свѣситься в нее наполовину, заглянуть в самую бездну, иногда броситься в нее вниз головой. Это потребность в человѣкѣ, иногда самом неотрицающем и благоговѣющем, отрицанья всего, самой главной святыни сердца своего, самаго полнаго идеала своего, всей народной святыни, которая сейчас стала невыносимым каким то бременем... Стоит только попасть ему в роковой для нас (русских) круговорот судорожнаго и моментальнаго самоотрицанія и саморазрушенья, так свойственный русскому народному характеру, в иныя роковыя минуты его жизни“.(Ф. М. Достоевскій. Стр, 206 т. 8).

Но может ли это психологическое явленіе, свойственное нашему народному характеру, длиться долго? Может ли наконец и скоро ли наступит процесс отрезвленія, моральнаго оздоровленія націи?.. У того же великаго сердцевѣдца и психолога русской души

мы находим на этот вопрос слѣдующій многознаменательный отвѣт: „Но зато с такою же жаждой самосохраненія и покаянія русскій человѣк, равно как и весь народ, и спасает себя сам и обыкновенно, когда уже итти больше некуда. В возстановленіе свое русскій человѣк уходит с самым огромным и серьезным усиліем, а на отрицательное прежнее движеніе свое смотрит с презрѣніем к самому себѣ".

Итак великій писатель предсказал момент исцѣленія. Он должен наступить тогда, когда „итти дальше некуда", когда „народ дойдет до послѣдней черты"...

Наступил ли этот час послѣдняго терпѣнья народнаго?

—Тѣ, кто побывали в современной Россіи, кто наблюдал жизнь Москвы или Кіева, Одессы или Харькова, могут, конечно, дать отвѣт, и отвѣты эти будут одинаково трагичны; они прозвучали бы, как похоронный колокол. еслиб в них не слышались нотки грядущаго грознаго національнаго возрожденія...

Когда в Кіевѣ увольняют сотни русских городских слѹжащих за то, что они не знают ѹкраинскаго языка, русскій народ может счесть это фактом второстепеннаго значенія. Когда в Донецком бассейнѣ дѣти русских рабочих не могут учиться на родном языкѣ, потому что всѣ школы украинизированы, русскій народ сочтет это „недоразумѣніем". Когда в Черноморском флотѣ и армейских корпусах на Украйнѣ проэктируют ввести командным языком украинскій, мы сочтем это только ошибкой.

Но что скажет русскій народ, когда из его европейскаго земельнаго фонда, котораго по признанью Наркомзема не хватает для пяти милліонов крестьян-

земледѣльцев *), выдѣляют сотни тысяч десятин лучших земель на югѣ в Одесской (Херсонской) губ., в Крыму и на Кавказѣ для надѣленія еврейских ремесленников, проживавших дотолѣ в городах и с земледѣльческой культурой совершенно незнакомых, или для коммунистических пришельцев из заграницы?

Что скажем мы, наблюдая, как в предѣлах Закавказья, Туркестана и отчасти Киргизской степи громадныя по пространствам земельные излишки предназначаются лишь для мѣстных обитателей,—для всѣх, кромѣ русских? Что скажет русскій народ, наблюдая, как подавляющая часть высших административных должностей занимается всѣми, только не русскими? Когда Москва превращается в город чужеземцев? Когда людей осмѣливающихся указать на это (профессор Ключников), высылают заграницу? Когда у крестьянина нѣт плуга, косы и топора, когда кругом в Россіи такая нищета, а мы одѣляем отбираемыми у нищаго народа деньгами международных (как писал коммунист Шляпников) „захребетников"?

Не выведет ли он того единственно возможнаго заключенія, что его добротой чрезмѣрно злоупотребляют, что он „уже дошел до послѣдней черты" терпѣнія, и что этому, ставшему невыносимым положенію должен быть наконец положен предѣл?..

Признаками наступленія такого переломнаго момента, симптомами пробуждающагося національнаго самосознанья наполнена современная дѣйствительность Россіи. Если жизнь деревни все еще стихійна, разрознена и ее трудно расцѣнить с этой стороны, то жизнь города уже сейчас дает достаточно доказательств этого идейнаго, вполнѣ опредѣленнаго и до-

*) Экономич. Ж. от 10 декабря 1925 г.

статочно яркаго поворота.

Коммунисты своей монополіей печатнаго слова всего болѣе изуродовали внѣшнія проявленія человѣческой мысли, и тѣм не менѣе жизнь—сильнѣе предписаній, совѣсть, проснувшись в человѣкѣ, властнѣе политической полиціи. Литература, театр Сов. Россіи показывают признаки идейнаго перелома. Трескучія напыщенныя драмы постановок Меерхольда вродѣ нелѣпаго „Рычи Китай“, трагедіи Луначарскаго, поэзія Маяковскаго, рифмы Демьяна Бѣднаго, половая извращенность Кузьмина, вымученное „творчество“ десятков молодых поэтов, прославляющих „наше дѣло“, подражающих Верхарну, но не проявляющих и сотой доли его таланта, разсказы Лидіи Сейфуллиной, от которых несет казенными запахами времен Греча и Булгарина,—вся эта безнадежно безцвѣтная извращенная или жалко тенденціозная литература, живущая постольку, поскольку она воспѣвает сегодняшних побѣдителей, окончательно опротивѣла читающей публикѣ. На интернаціонально коммунистическое литературное наводненіе послѣдняя отвѣтила, как могла,—прекратила покупку и чтеніе казенной прозы и поэзіи, прекратила посѣщеніе лубочных казенных пьес. Книжки гос—издата все в больших количествах остаются на складах, превращаясь в макулатуру, продаваемую на пуды. Возникает длительный кризис совѣтскаго книгоиздательства. Казенное издательство Петербурга лопнуло, такая же участь, несомнѣнно, грозила бы и его коллегам Москвы, еслиб не обильныя субсидіи из государственных средств. Аудиторіи, ежедневно поучаемой о великих достижсніях соціализма и ленинизма, надоѣли лицемѣріе и фальшь коммунистической рекламы, столь противорѣчащей унылой и тяжелой дѣйствительности,

опротивѣла пошлость забот о „дальнем“, когда „ближній“ наг и бос. Принудительным образом выколоченные милліоны на англійскую забастовку горнорабочих сыграли здѣсь не послѣднюю роль. Людям надоѣла мишурная ложь оффиціальных славословій и принудительных жертв на пользу сытаго Запада. Русскій рабочій, интеллигент, горожанин оглядываются кругом и начинают вновь любить свое, родное,—то, что еще так недавно отвергали и презирали,—свою культуру, свой язык, свою классическую литературу. Пушкин, Тургенев, Достоевскій, Толстой вновь занимают в Россіи то почетное мѣсто, которое они занимают и в литературѣ міровой. Театр, возвращаясь от своих интернаціоналистических кумиров, вновь уходит к Островскому, у котораго так силен русскій быт, Станиславскій побѣждает Мейерхольда. Новые молодые драматурги, пытаются создать ряд постановок новых пьесс, гдѣ уже неизмѣримо больше объективизма, правды и пониманья дѣйствительности, чѣм во всѣх писаніях Луначарских, Сейфуллиных и К-о. Зарождается совѣтская сатира на гос—дѣльцов и кооператоров. Наконец по Москвѣ начинают, как во времена Плеве и Сипягина, ходить по рукам различныя прокламаціи*). Перемѣна народнаго міросозерцанія, пробужденье національнаго чувства дѣлаются все ощутительнѣе и замѣтнѣе. Великій народ почувствовал причиняемую ему несправедливость. Она была тѣм больнѣе, что исходила от тѣх, кто, получив равноправіе, истолковал это, как признак слабости, и попытался равноправіе превратить в господство. Страданья и несправедливость в конечном счетѣ всегда ломают лишь слабаго, сильнаго они

*] О них говорит Ларин (Лурье).

только приводят в негодованіе и возмущенье, побуждают к активному дѣйствію, к протесту. И так как русскій народ никак не может быть отнесен к первой категоріи, то на несправедливость и подавленіе его индивидуальной самобытности он может отвѣтить только так, как подобает сильному и мужественному народу.

Сознаніе, конечно, еще не сразу претворяется в опредѣленное дѣйствіе, тѣм медленнѣе сказывается во внѣ народное самосознаніе. За истекшіе 13 лѣт русскій народ вынес так много страшнаго, исторически трагическаго, что было бы весьма трудно ждать немедленнаго окончательнаго рѣшенія той тяжбы, которую сейчас ведет коммунизм со всей страной. Можно лишь констатировать, что как объективныя экономическія отношенія внутри страны и внѣ ея, так и субъективныя переживанія русскаго народа складываются в данное время все болѣе неблагопріятно для коммунизма и коммунистов. Время теперь-против них. Близится „Термидор“

„Термидор“ близится, придет ли он в формѣ новаго возмущенія или добровольных уступок власти, но он придет. Его предсказывают не только лидеры коммунистической оппозиціи, его предчувствіями, вѣяніями и трепетным ожиданіем наполнена современная жизнь Россіи.

Он неизбѣжен потому, что так называемые „соціалистическіе“ элементы совѣтскаго хозяйства в теченіе 9 лѣт своего существованія на дѣлѣ показали полное несоотвѣтствіе народным нуждам, свою абсолютную абсурдность.

Он неизбѣжен не потому только, что нельзя „строить соціализм в одном уѣздѣ или на одной улицѣ“, а потому, что совѣтская система, уничтожая производи-

тельное накопленіе капитала, т. е. средств и орудій производства, прекращает рост промышленности и, способствія потребительскому безполезному распыленію капиталов, тѣм самым обрекает страну, полную величайших производственных возможностей, на мертвящій застой.

Он неизбѣжен потому, что экономическіе законы міра постольку же непреложны, позкольку и цѣлесообразны. Он неизбѣжен потому, что в сердцѣ и сознаньи народном начинает сказываться національное чувство, зрѣет активный протест. С другой стороны объективныя условія, вызывавшія послѣ февраля 1917 г. и всеобщаго развала необходимость полнѣйшаго сосредоточенія государственной власти, в настоящее время отпали. Мы стоим на порогѣ новаго періода русской исторіи. Он придет под лозунгом освобожденія человѣческой личности от пут всепроникающаго государства. Интересы творящей личности на этот раз не только не противорѣчат, а совпадают с интересами государства, властно предписывая скорѣйшій переход к новым современным общественно—политическим формам. Как ни смутны вѣстники грядущих измѣненій, как ни медленно совершается прогресс в мирѣ человѣческих отношеній, как ни тяжело ждать этого невѣдомого часа, он все приближается.

Из революціи 1789-1799 г. г. Франція вышла обновленной и сильной. Выйдет ли Россія таковой же из революціи 1917-1927 г. г.? Оставит ли послѣдняя послѣ себя лишь пепел и осколки—слѣды великих безумств современных самосожигателей или также сѣмена новой жизни?.. Революція еще не закончилась, и отвѣт на эти страшные попросы может дать лишь послѣдующая исторія.

В туманѣ совѣтской дѣйствительности вырисовываются сейчас лишь смутные абрисы... Это скорѣе предчувствія, призраки, чѣм реальные факты будущих достиженій. Самое важное среди послѣдних и самое очевидное, по нашему мнѣнію,—это та психологическая реакція в средѣ русскаго общества, которая явилась непосредственным результатом революціи.

Тѣ, кто живут в Россіи быстро излечиваются в суровой школѣ дѣйствительной жизни от соціальных фантазій, трудясь над возстановленіем столь безразсудно разрушеннаго, возвращаясь от интернаціонализма к здоровому національному самосознанію.

Тѣ, кто эмигрировали заграницу, познакомились с творческими методами Запада, не переставая быть русскими, восприняли трудовую его психологію и, вернувшись вновь на родину, оплодотворят жизнь запасом практических знаній, принесут ей в дар уваженіе к правам свободной человѣческой личности.

И по мѣрѣ того, как все сильнѣе будет рѣдѣть мистическій туман соціальных утопій, столь далеких подлинным народным нуждам; по мѣрѣ того, как бред предвзятых, надуманных, противорѣчивых концепцій строенія общества будет уступать мѣсто учету реальной дѣйствительности,—в сердцах русских граждан все ярче должно будет разгораться жгучее чувство отвѣтственности перед тѣм безликим, но дорогим всѣм государством, націей, отечеством,—интересы котораго так часто и так безпощадно приносились в жертву химерам...

Элементы уваженія и служенія цѣлому, общему,—государству, слившись со все умножающимися элементами личной свободы и права, образуют из себя гармоническое цѣлое, создадут ту незыблемую основу современнаго правового государства, на которой

строится жизнь всякаго народа періода новой исторіи человѣчества.

Тогда то на двух континентах, на трех океанах, на безграничных просторах равнин и гор распустится новая жизнь новой Россіи.

Зацвѣтет не призрачными одуваньчиками, уносимыми вдаль при первом дыханіи вѣтра дѣйствительности, а ощутимыми красивыми цвѣтами, приносящими плоды.

Это будет новая А м е р и к а.

Только Америка С т а р а г о С в ѣ т а.

Вновь обрѣтенная ея заблудшими сынами— Р о д и н а.—

Спектатор.

Замѣченныя опечатки:

Напечатано: стр.	строка		Слѣдует читать:
1.			соціологи
3.	10	пропущено	„liberum veto“
4.	2	. . . . .	успѣвшим
6.	30	. . . . .	философскія
9.	19	. . . . .	соціальных
11.	33	. . . . .	ему
11.	34	. . . . .	публицистов
12.	15	. . . . .	интенсификаціи
12.	16	. . . . .	развитіи
13.	2	. . . . .	граматами
37.	32	. . . . .	организованных
45.	11	. . . . .	наблюдатели
45.	18	. . . . .	помощников
49.	15	. . . . .	чугуна
50.	33	. . . . .	слѣдующими
56.	17	. . . . .	финансы
71.	18	. . . . .	экономист
90.	2	. . . . .	сокращеніем
92.	18	. . . . .	увлеченія
93.	26	. . . . .	индусским
93.	32	. . . . .	заклинанія
96.	24	. . . . .	короткій
97.	32	. . . . .	революціи
124.	26	. . . . .	раскольников
129.	16	. . . . .	торговли
140.	28	. . . . .	теперешній
149.	4	. . . . .	не могут не быть
149.	7	. . . . .	классом
169.	21	. . . . .	степени